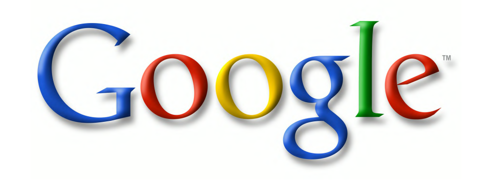
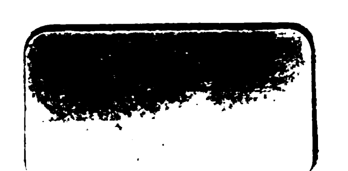

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY.

Russian
Folk Songs;
about
Ivan Vasilievitch
the Terrible.

A Study
by
Petr Weinberg
(Veinberg).

Warsaw.
1872

1872.

РУССКІЯ
НАРОДНЫЯ ПѢСНИ
ОБЪ
ИВАНѢ ВАСИЛЬЕВИЧѢ
ГРОЗНОМЪ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ПЕТРА ВЕЙНБЕРГА.

ВАРШАВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

1872.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета.

Варшава, 7 Апрѣля 1872 г.

Ректоръ *П. Лавровскій.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Русскимъ историческимъ пѣснямъ не посчастливилось въ наукѣ такъ, какъ русскому богатырскому эпосу, съ которымъ онѣ, во многихъ отношеніяхъ, состоятъ въ тѣсной связи. На долю ихъ не пришлось и сотой доли тѣхъ изслѣдованій, которыя пролили такъ много свѣта на былины, воспѣвающія древнихъ русскихъ богатырей и подвинули такъ далеко впередъ разработку нашей народной словесности. Между тѣмъ, отрицать важность историческихъ пѣсенъ какъ въ историческомъ, такъ и въ литературномъ отношеніи, было бы также странно, какъ было бы излишне доказывать эту важность. Съ другой стороны, извѣстно, что ни въ одной изъ славянскихъ литературъ, за исключеніемъ сербской, нѣтъ такого богатства историческихъ пѣсенъ, въ количественномъ и качественномъ

отношеніи, какъ въ словесности русской. О такъ называемыхъ историческихъ пѣсняхъ западныхъ народовъ мы не говоримъ,—потому что ихъ, написанныхъ *извѣстными лицами, отдѣльными сочинителями*, нельзя назвать народными, въ полномъ смыслѣ этого слова, т. е. созданными всѣмъ народомъ.

Тѣмъ не менѣе, повторяемъ, нашими историческими пѣснями никто не занимался спеціально. Появившаяся въ 1846 г. книга „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи,“ въ которой, впрочемъ, больше говорится о малороссійскихъ пѣсняхъ и очень мало о русскихъ, уже потому, что въ то время собранный матеріалъ былъ еще очень скуденъ,—предисловія и примѣчанія въ „Запорожской Старинѣ“ г. Срезневскаго, тоже касающіяся пѣсень малороссійскихъ,—статья г. Буслаева „Русская Поэзія XVII вѣка“ (въ его „Историческихъ Очеркахъ“),—„Замѣтки“ г. Безсонова въ сборникахъ пѣсень Кирѣевскаго и нѣсколько журнальныхъ библіографическихъ замѣтокъ по поводу сборниковъ народныхъ пѣсень,—вотъ все, что мы нашли въ этомъ отношеніи.

Настоящій трудъ есть опытъ изложенія и разъясненія одного отдѣла нашей исторической поэзіи—пѣсень объ Иванѣ Грозномъ; мы начали съ нихъ потому, что, какъ объяснено нами ниже, онѣ первыя могутъ быть названы историческими въ полномъ значеніи

этого слова, а во вторыхъ вслѣдствіе того, что въ нихъ историческое и художественное значеніе народной поэзіи, воспѣвающей дѣйствительныя событія и лицъ, выказывается такъ ярко, какъ ни въ одной изъ пѣсень послѣдующаго времени.

Пѣснями объ Иванѣ Грозномъ начинается въ русской народной словесности рядъ тѣхъ пѣсенъ, которыя могутъ быть названы *историческими* въ строгомъ значеніи этого слова, т. е. такими, въ которыхъ и основа и подробности тѣсно связаны съ дѣйствительною исторіею, разнясь отъ этой послѣдней только частностями, на столько, на сколько разнится отъ научно-историческаго изложенія художественное воспроизведеніе историческаго факта. Въ этомъ отношеніи, историческая пѣсня, создаваемая народомъ, тоже, что историческій романъ, историческая драма и т. п. роды поэзіи, входящіе въ область литературы письменной.

Русская *былина*, не смотря на свою чисто-миѳическую основу и не менѣе миѳическія подробности, не можетъ быть рѣзко отдѣлена отъ исторической пѣсни, не можетъ быть признаваема за нѣчто, не имѣющее родства съ этою послѣднею,—потому что почти въ каждой изъ этихъ былинъ ясно видно пріуроченье къ извѣстнымъ *историческимъ* мѣстностямъ и событіямъ. Многіе изъ богатырей, дѣйствующихъ въ нашихъ былинахъ, дѣйствительно существовали; многія событія дѣйствительно совершались, если не въ такомъ видѣ, какой придаетъ имъ фантазія автора-народа, то все таки съ нѣкоторымъ сходствомъ въ извѣстныхъ подробностяхъ [1]). Но исто-

---

[1]) Попытка сблизить указанія былинъ съ лѣтописными свидѣтельствами сдѣлана, хотя съ нѣкоторыми натяжками, въ сочиненіи Л. Майкова: „Былины Владимірова Цикла,“ стр. 23—29.

рія стоитъ тутъ на второмъ мѣстѣ; историческій фактъ служитъ какъ бы дополненіемъ или, вѣрнѣе сказать, едва замѣтною рамкою, въ которую вставляются образы, не имѣющіе ни малѣйшаго отношенія къ дѣйствительности. Пѣсня историческая построена уже на чисто-исторической основѣ, и если входятъ въ нее, особенно въ первое время, подробности или миѳическаго или легендарнаго свойства, то это совершается, во 1-хъ, какъ замѣчено выше, въ силу того поэтическаго процесса, который не можетъ воспроизводить исторію, какъ воспроизводитъ ее лѣтописецъ, т. е. безъ всякой примѣси фантазіи, безъ участія художественнаго чувства, а во 2-хъ потому, что народное творчество, выходя изъ періода *героическаго* и вступая въ слѣдующій—*историческій*, не можетъ вдругъ отрѣшиться отъ преданій перваго и заноситъ ихъ во второй въ неприкосновенности, часто доходящей до сходства въ мельчайшихъ подробностяхъ.

Говоря, что пѣснями объ Иванѣ Грозномъ начинается въ русской народной словесности отдѣлъ чисто-исторической поэзіи, мы имѣемъ въ виду не то, что́ дѣйствительно было, а то, что̀ дошло до насъ изъ этой поэзіи; что касается до дѣйствительно бывшаго, создававшагося въ этой области, то мы считаемъ невозможнымъ предположить, чтобы творчество историческое было чуждо народу до временъ Ивана, чтобы только съ этихъ поръ оно создалось какимъ-то крутымъ поворотомъ отъ эпоса былиннаго. Такого предположенія не допускаютъ ни простое соображеніе, основанное на историческихъ данныхъ, ни несомнѣнныя указанія, сохранившіяся въ нашемъ эпосѣ.

Соображеніе говоритъ намъ, что если, напр., такое отдаленное время, какъ княженіе Олега, не осталось чуждымъ для народнаго творчества, занесшаго, хотя въ сильно затемненномъ видѣ, нѣкоторыя

подробности этого княженія въ былину о Вольгѣ [1]),—то не могло это творчество съ равнодушіемъ пройти мимо другихъ, позднѣйшихъ событій, когда историческая жизнь народа развилась уже гораздо полнѣе и когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этихъ событіяхъ и лицахъ, игравшихъ въ нихъ болѣе или менѣе важную роль, было много такого, что́ давало обильную пищу поэтическому творчеству. Не могли остаться чуждыми для этого послѣдняго удѣльныя междуусобія, полныя истиннаго, чисто-народнаго трагизма, татарское нашествіе, собираніе русской земли Иваномъ Калитою, княженіе Ивана III съ такимъ событіями какъ паденіе Великаго Новгорода, уничтоженіе татарскаго владычества,—и т. п. Какъ могъ образоваться такой пробѣлъ, если съ царствованія Ивана Грознаго наша историческая пѣсня представляетъ какъ бы сплошное историческое изложеніе въ строгой послѣдовательности,—слѣдя чуть не шагъ за шагомъ за всѣми царствованіями, всѣми главнѣйшими эпизодами ихъ? [2]).

Обращаясь затѣмъ къ вышеупомянутымъ указаніямъ, заключающимся въ нашемъ историческомъ эпосѣ, мы, оставляя въ сторонѣ такія произведенія, какъ былина о Вольгѣ, гдѣ историческое начало совершенно затемнено миѳическими подробностями, или такія гдѣ историческаго—только имя дѣйствующаго лица или отдален-

---

[1]) О тождествѣ Олега съ Вольгою см. замѣтку г. Безсонова въ I т. сборника пѣсень Рыбникова, хотя это мнѣніе можно принимать не иначе, какъ съ большими ограниченіями, на что́, между прочимъ, указалъ и г. Миллеръ въ своемъ „Опытѣ историческаго обозрѣнія русской словесности“, ч. I, стр. 207.

[2]) Ср. 7-й выпускъ пѣсень Кирѣевскаго, гдѣ хронологически помѣщены пѣсни о Ѳедорѣ Ивановичѣ и Борисѣ Годуновѣ, убіеніи царевича Димитрія, первомъ Самозванцѣ, Скопинѣ-Шуйскомъ, Тушинскомъ ворѣ, междуцарствіи и т. д. вплоть до Петра I-го.

ный намекъ на дѣйствительно-бывшее событіе [1]) — мы останавливаемся на пѣсняхъ, относящихся ко времени татарскаго владычества. Уже г. Буслаевъ [2]) справедливо изумлялся замѣчанію, сдѣланному Кирѣевскимъ въ „Московскомъ Сборникѣ" 1852 г., о совершенномъ будто-бы отсутствіи пѣсень объ эпохѣ „такъ называемаго татарскаго ига." Кирѣевскому, по всей вѣроятности, показалось слишкомъ недостаточнымъ количество этихъ пѣсень, встрѣченныхъ имъ въ сборникѣ Кирши Данилова. Ихъ, дѣйствительно, въ этомъ изданіи немного: это пѣсни о Щелканѣ Дудентьевичѣ, Калинѣ Царѣ и, отчасти, царѣ Саулѣ Леванидовичѣ [3]); но кромѣ этихъ *цѣлыхъ* пѣсень, посвященныхъ татарамъ, сколько въ томъ-же сборникѣ подробностей, относящихся къ тому-же времени, вошедшихъ въ пѣсни съ совершенно инымъ содержаніемъ! Илья Муромецъ полонилъ своего „воронка" въ большой Ордѣ [4]); Иванъ Гостинный сынъ „бывалъ въ Золотой Ордѣ" и тамъ нашелъ невѣсту для князя Владиміра [5]); Владиміръ—тесть Этмануйла Этмануйловича, короля „Орды немирныя" [6]); этотъ самый Этмануйлъ посылаетъ къ Владиміру брать съ него дань за 12 лѣтъ [7]). Въ пѣснѣ о Михайлѣ Казариновѣ, русская полоняночка „изъ Волынца города изъ Галичья" попадаетъ въ руки трехъ наѣздниковъ—татаръ, и одинъ изъ нихъ обѣщаетъ не продавать ее, „дѣвицу, дешево", а отдать „за сына за любимаго, за мирнаго сына въ Золотой Ордѣ" [8]). Воспоминаніе

---

1) Ср. „Былины Владимірова Цикла" Л. Майкова, loco citato.
2) Историческіе Очерки т. I, стр. 544.
3) Древнія Россійскія Стихотворенія, стр. 31, 242 и 252.
4) Ibid. стр. 55.
5) Ibid. стр. 86.
6) Ibid. стр. 196.
7) Ibid. стр. 126.
8) Ibid. стр. 210.

о татарской эпохѣ сохранялось въ народной фантазіи весьма долго: ничѣмъ инымъ, полагаемъ, нельзя объяснить то, напримѣръ, обстоятельство, что Иванъ Грозный въ Москвѣ упоминаетъ о Куликовомъ Полѣ, приказывая на этомъ мѣстѣ казнить своего сына [1]). Наконецъ, безпрестанно встрѣчающіяся и въ древнѣйшихъ, и позднѣйшихъ пѣсняхъ выраженія „злой татаринъ,“ „собака-татаринъ“ и т. п., очевидно указываютъ на впечатлѣніе, оставленное въ народѣ этимъ несчастнымъ временемъ [2]),—и если *цѣлыхъ* пѣсень о событіяхъ его мало, то это, по нашему мнѣнію, объясняется только тѣмъ, что большая часть изъ нихъ или вовсе утрачена, или еще не записана; такъ напр. въ сборникѣ Кирши Данилова, какъ мы видѣли, были только три такихъ пѣсни, а съ появленіемъ сборника Рыбникова число ихъ умножается: въ 3-мъ томѣ находимъ значительно распространенную пѣсню о Калинѣ царѣ въ двухъ варіантахъ, и двѣ совершенно новыя—о Батыгѣ Батыговичѣ, (хотя этотъ Батыга, повидимому, тотъ-же Калинъ), и о царѣ Бахметѣ съ Авдотьею женою Рязаночкою [3]).

Независимо отъ этихъ „татарскихъ“ пѣсень, встрѣчаемъ и другія документальныя указанія, что пробѣлъ, существующій въ исторической поэзіи до Ивана Грознаго, образованъ не отсутствіемъ

---

[1]) Рыбниковъ, т. I, стр. 397. Замѣтимъ, что эта пѣсня записана собирателемъ не по близости отъ Куликова Поля—(въ этомъ послѣднемъ случаѣ можно бы иначе объяснить эту подробность), а въ петрозаводскомъ уѣздѣ.

[2]) Къ пѣснямъ, относящимся къ татарской эпохѣ или, по крайней мѣрѣ, сложившимся подъ вліяніемъ воспоминанія о нихъ, принадлежатъ и не-эпическія; напр. извѣстная свадебная:

„Братецъ-татаринъ
Продалъ сестру за талеръ“ и т. д.

[3]) Рыбн. т. 3-й, стр. 206—229.

пѣсень, а утратою ихъ или еще не совершившимся открытіемъ. Такое документальное указаніе представляетъ, напримѣръ, сборникъ Рыбникова, т. 3-й, гдѣ, въ отдѣлѣ „былинъ княженецкихъ, молодецкихъ и безъимянныхъ", помѣщена пѣснь о двухъ Ливикахъ, герой которой—князь Романъ Дмитріевичъ, и т. 1-й, гдѣ эта же пѣсня повторена въ трехъ варіантахъ [1]). Г. Безсоновъ, видящій въ этой чисто-эпической, легендарной фигурѣ Романа Дмитріевича—князя Романа Волынскаго и находящій возможнымъ сблизить воспѣваемое въ былинѣ событіе съ однимъ изъ занесенныхъ въ лѣтопись,—замѣчаетъ: „мудрено допустить, чтобы этотъ князь, названный въ лѣтописи „приснопамятнымъ", былъ забытъ въ русскихъ пѣсняхъ, памятливыхъ и на другія, менѣе крупныя, лица" [2]). Совершенно соглашаясь съ этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ, мы думаемъ, что если осталась воспѣтою личность князя Романа, то могли-ли, опять-таки, пройти незамѣченными мимо народнаго творчества другія фигуры и событія вышесказаннаго промежутка, игравшія въ жизни народа гораздо болѣе замѣтную роль, чѣмъ князь Романъ и его походы?

Какъ бы то ни было, а на самомъ дѣлѣ, т. е. на основаніи того, что̀ дѣйствительно *есть* у насъ, пѣсни объ Иванѣ Грозномъ открываютъ собою рядъ историческихъ пѣсень. Тѣ, въ которыхъ поется о татарскомъ нашествіи, или только что упомянутыя о Романѣ Дмитріевичѣ не могутъ быть отнесены къ историческимъ въ строгомъ смыслѣ,—по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до насъ,—ибо существовавшій въ нихъ—въ чемъ, кажется, невозможно сомнѣваться—чисто—историческій элементъ до такой степе-

---

[1]) Рыбн. т. 3-й, стр. 277 и т. 1-й, стр. 422—443.

[2]) Въ 1 т. Рыбникова см. замѣтку стр. IV.

ни затемненъ миѳическими и другаго рода подробностями, что опредѣлить историческое значеніе того или другаго изъ воспѣваемыхъ въ этихъ произведеніяхъ факта или лица, указать съ точностью соотвѣтствіе ихъ съ дѣйствительно историческимъ фактомъ или лицемъ можно въ большей части случаевъ только посредствомъ предположенія и догадки. Въ пѣсняхъ объ Иванѣ Грозномъ уже нѣтъ мѣста такому сомнѣнію; народное творчество идетъ рука объ руку съ исторіею, создавая почти *одновременно* съ дѣйствительнымъ событіемъ и передавая его въ неприкосновенности, которой, конечно, не мѣшаютъ ни анахронизмы и мелкія невѣрности, постоянно свойственныя эпической поэзіи, ни нѣкоторыя подробности не-историческаго свойства, создавшіяся подъ вліяніемъ поэтической фантазіи и въ этомъ отношеніи сближающія историческую пѣсню съ былиною.

Количество пѣсень, относящихся къ царствованію Ивана Грознаго, съ перваго раза не можетъ не поразить того, кто станетъ перелистывать страницы нашихъ лучшихъ сборниковъ народной поэзіи.

Уже въ „Древнихъ Россійскихъ Стихотвореніяхъ“ находимъ шесть такихъ пѣсень: 1) о Мастрюкѣ Темрюковичѣ, 2) „На Бузанѣ Островѣ“, 3) „Ермакъ взялъ Сибирь“, 4) „Взятіе Казанскаго царства“, 5) „По край моря Синяго стоялъ Азовъ городъ“ и 6) „Никитѣ Романовичу дано село Преображенское.“

Въ сборникѣ Сахарова напечатаны четыре пѣсни: одна изъ нихъ разсказываетъ исторію о неудавшейся казни сына [1]), одна —

---

[1]) Сказанія Русскаго Народа, т. I, стр. 253.

эпизодъ изъ исторіи Казани [1]) и двѣ—помѣщенныя въ отдѣлѣ „казацкихъ пѣсень"—сношенія Ивана Грознаго съ Ермакомъ [2]).

Якушкинъ записалъ пять пѣсень. Одна изъ нихъ относится къ осадѣ Казани [3]), двѣ воспѣваютъ женитьбу Ивана и единоборство Кастрюка [4]), и двѣ—покушеніе на жизнь сына [5]).

Въ сборникѣ Кирѣевскаго весь 6-й выпускъ (212 страницы) посвященъ царствованію Ивана Грознаго. Здѣсь, къ осадѣ Казани отнесено двадцать пять пѣсень (стр. 1—35); къ взятію Сибири и вообще къ Ермаку—пять пѣсень (стр. 36—54); тринадцать воспѣваютъ покушеніе на жизнь сына (стр. 55—109); двадцать двѣ—свадьбу Ивана и единоборство Кастрюка (109—186); одна—осаду Пскова (стр. 187—190); одна—пребываніе въ Серпуховѣ и Вологдѣ (190—194); одна—правежъ (194—201); три—ссылку царицы въ монастырь (202 — 204); смерть Ивана и сопровождающіе ее „плачи" составляютъ предметъ девяти пѣсень (стр. 205—212).

У Рыбникова находимъ: пять пѣсень, относящихся къ исторіи съ сыномъ [6]), семь—воспѣвающихъ единоборство Кастрюка [7]) и одну,

---

[1]) Ibid стр. 252.

[2]) Ibid. стр. 240 и 244.

[3]) Народныя русскія пѣсни изъ собранія П. Якушкина, Спб. 1865 стр. 68.

[4]) Ibid. стр. 69 и 73; во второй изъ нихъ, впрочемъ, о единоборствѣ не упоминается и дѣло ограничивается женитьбой; но такъ какъ, по замѣчанію собирателя, старуха, пѣвшая эту пѣсню, дойдя до того мѣста, гдѣ Иванъ сталъ худѣть и сохнуть отъ жены, спуталась и не хотѣла продолжать дальше, ссылаясь на то, что „стыдно, нехорошее такое поется", то весьма можетъ быть, что и въ эту пѣсню вошелъ разсказъ о единоборствѣ.

[5]) Ibid. стр. 74 и 77.

[6]) Т. I, стр. 383, 389 и 396; т. II, стр. 211, т. IV, стр. 81.

[7]) Т. I, 403, т. II, 221, 224, 227, т. III, 257. т. IV, 85, 87.

разсказывающую на половину въ прозѣ, на половину въ стихахъ, о покореніи Сибири Ермакомъ и принесеніи этимъ послѣднимъ покорности Ивану Грозному [1]). Сверхъ того, во II т. помѣщенъ прозаическій и чисто-легендарнаго свойства разсказъ „отчего на Руси завелась измѣна", въ которой главнымъ дѣйствующимъ лицемъ является Иванъ Грозный [2]).

Но все это — только *видимое* количество. Уже изъ вышеприведеннаго перечня видно, что эпизодовъ или событій, воспѣваемыхъ народомъ, немного; точно также немного и самихъ пѣсень, ибо большая часть изъ нихъ составляетъ ничто иное, какъ варіанты, иногда разнящіеся другъ отъ друга весьма незначительными подробностями, такъ что, если свести ихъ въ одно, то получится небольшое число цѣльныхъ разсказовъ. Притомъ, бываетъ и такъ, что въ нѣкоторыхъ сборникахъ только перепечатано то, что помѣщено уже

---

1) Т. II, стр. 230.

2) Мы ограничиваемся только этими нѣсколькими сборниками, потому что, во 1-хъ, только въ нихъ находимъ пѣсни, несомнѣнно принадлежащія *народу* — (хотя Сахаровъ позволялъ себѣ, какъ извѣстно, поправки), — а во 2-хъ, въ сборникъ напр. Кирѣевскаго, вошли не только пѣсни, записанныя или собранныя имъ самимъ, но и заимствованныя изъ другихъ печатныхъ источниковъ. Замѣтимъ еще здѣсь, что мы начинаемъ съ Кирши Данилова, хотя, до появленія этого сборника, въ нѣкоторыхъ пѣсенникахъ встрѣчались уже пѣсни объ Иванѣ Грозномъ; такъ напр. въ такъ называемомъ „Новиковскомъ" пѣсенникѣ и Чулковскомъ есть пѣсни о взятіи Казани и покушеніи царя на жизнь сына. Но пользоваться ими, какъ вполнѣ *оригинальными* произведеніями, нельзя вслѣдствіе многочисленныхъ поправокъ и даже дополненій со стороны самихъ издателей. (См. подробности объ этихъ и другихъ пѣсенникахъ въ I т. „Сказаній Русскаго Народа", статья „Пѣсни Русскаго Народа)."

въ другихъ. Такъ напр. у Сахарова пѣсня о взятіи Казани цѣликомъ взята изъ сборниковъ Чулковскаго и Новиковскаго, съ самыми незначительными разнорѣчіями [1]); тоже самое сдѣлалъ Сахаровъ съ пѣснью о покушеніи на жизнь сына; 6-й выпускъ сборника Кирѣевскаго, наиболѣе поражающій количествомъ пѣсень, заключаетъ въ себѣ много перепечатокъ изъ сборниковъ Кирши Данилова, Чулковскаго и Новиковскаго, собранія Якушкинскаго и другихъ изданій, напр. „Русской Старины" Корниловича, „Этнографическаго Сборника" и т. д. Но здѣсь надо имѣть въ виду одно, весьма важное, по нашему мнѣнію, обстоятельство, составляющее, такъ сказать, противовѣсіе къ только что указаному: это—большое количество мѣстностей, часто весьма отдаленныхъ одна отъ другой, въ которыхъ записывались, а, слѣдовательно, и пѣлись разные варіанты. Такъ пѣсни, напечатанныя въ сборникѣ Кирши Данилова, записаны, (по крайней мѣрѣ, большая часть), по всей вѣроятности, въ Сибири,—(это особенно ясно, какъ увидимъ ниже, въ пѣсняхъ о Ермакѣ); помѣщенныя въ сборникѣ Кирѣевскаго записаны въ губерніяхъ московской, саратовской, пермской, симбирской, орловской, архангельской, вологодской, самарской, владимірской, новгородской, нижегородской, калужской, курской, тульской; Рыбниковъ записалъ въ олонецкой и пермской. И—что тоже очень важно—очень многія пѣсни записывались въ губерніяхъ, весьма отдаленныхъ отъ того мѣста, гдѣ совершалось воспѣваемое событіе; напримѣръ, пѣсня о Ермакѣ записана въ орловской губерніи отъ раскольника—старика [2]), о взятіи Казани—въ орловской [3]) и даже ар-

---

[1]) Разнорѣчія эти указаны въ сборникѣ Кирѣевскаго, вып. 6-й, стр. 6 и 7.

[2]) Кирѣевскій, вып. 6-й, стр. 42.

[3]) Ibid. стр. 14.

хангельской [1]) и т. п., —и все это въ разныхъ варіантахъ, иногда съ весьма характеристическими измѣненіями. Придаемъ этому обстоятельству важное значеніе и считаемъ его противовѣсіемъ бѣдности пѣсень объ Иванѣ Грозномъ въ количественномъ отношеніи потому, что оно, свидѣтельствуя, какъ далеко разносились и какъ постоянно видоизмѣнялись эти пѣсни, свидѣтельствуетъ тѣмъ самимъ, какую важную роль играло это царствованіе въ памяти и представленіи народа.

Возвращаясь къ количественной бѣдности пѣсень объ Иванѣ, мы полагаемъ наиболѣе удобнымъ, для нагляднаго доказательства этого мнѣнія,—всѣ отдѣльные эпизоды и событія, воспѣваемыя этими пѣснями, изложить общими сводами всѣхъ варіантовъ, съ указаніемъ на наиболѣе важные изъ этихъ послѣднихъ;—изложеніе это послужитъ намъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и для дальнѣйшихъ выводовъ о значеніи произведеній, составляющихъ предметъ настоящаго изслѣдованія, для характеристики выведенныхъ въ нихъ лицъ и событій, для сличенія народнаго повѣствованія съ лѣтописными сказаніями и т. д.

Въ изложеніи этомъ мы не станемъ держаться хронологическаго порядка событій, воспѣваемыхъ пѣснями, а начнемъ съ тѣхъ пѣсень, которыя, по своему легендарному, а въ иныхъ мѣстахъ и миѳическому характеру, находятсявъ наиболѣе тѣсной связи съ былинами, и будемъ постепенно переходить къ тѣмъ, въ которыхъ чисто-историческій элементъ очищается все болѣе и болѣе.

---

[1]) Ibid. стр. 17.

I. ЖЕНИТЬБА ИВАНА ГРОЗНАГО И ЕДИНОБОРСТВО КАСТРЮКА.

Мы ставимъ эти два эпизода вмѣстѣ, потому что они почти вездѣ разсказываются нераздѣльно одинъ отъ другаго. Тѣмъ не менѣе, каждый изъ нихъ можетъ быть изложенъ какъ отдѣльное цѣлое.

А) Женитьба. Это — собственно вторая женитьба, совершающаяся послѣ смерти „благовѣрной царицы“ Софьи Романовны [1]). Софья, умирая, даетъ мужу разные совѣты, (къ которымъ мы еще обратимся), и, между прочими — не жениться ни въ „проклятой *Литвѣ*, на Марьѣ Темрюковнѣ,“ ни на „*супавѣ татарской*,“ а брать себѣ невѣсту въ каменной Москвѣ [2]). Иванъ не исполняетъ совѣта Софьи: онъ беретъ себѣ жену — по одному пересказу въ „землѣ крымской, въ жидовской“ (Рыбн. т. IV, стр. 85), по другому — въ Золотой Ордѣ (Кирша Даниловъ, стр. 37), по третьему — въ землѣ Черкас-

---

[1]) Здѣсь, вѣроятно, народъ смѣшалъ *имя* одной государыни и *отчество* другой: *Софьи* Ѳоминишны, жены Іоанна III, и Анастасьи *Романовны*, жены Ивана Грознаго. Впрочемъ, объ исторической вѣрности пѣсень мы будемъ говорить ниже.

[2]) Кирѣевск. вып. 6-й, стр. 115, 120. Въ одномъ изъ этихъ варіантовъ стихи, по справедливому замѣчанію г. Безсонова, перепутаны. Именно, сказано:

„Не женись ты, царь, въ проклятой Литвѣ
„На той-ли Марьѣ Темрюковнѣ,
„А женись ты, царь, въ каменной Москвѣ,
„На той супавѣ татарскіе,
„Хотя есть у ней много приданаго.“

А должно быть: „Не женись ты на той супавѣ, хотя есть.... а женись ты въ каменной Москвѣ.“

кой (Рыбн. т. II, 221, Кирѣевскій, VI, 25), по четвертому—въ проклятой Литвѣ (Кирѣевскій, VI, 116, 138), по пятому—„въ землѣ польской, у короля у Церконовскаго (?) у Литовскаго" и т. д., при чемъ иногда происходятъ любопытныя смѣшенія, (о которыхъ мы будемъ еще имѣть случай говорить), напр. Литвы съ татарской землей (Кирѣевскій, VI, 151) [1]. Избранною женою оказывается вездѣ одно и тоже лицо—Марья Темрюковна, (только въ нѣкоторыхъ варіантахъ встрѣчаемъ нѣкоторыя измѣненія въ имени и отчествѣ) [2],—*купава*, какъ она называется во многихъ варіантахъ, т. е. красавица [3]), приносящая мужу большое приданое, въ составѣ котораго находимъ и татаръ, и „пятьсотъ донскихъ казаковъ," и триста „уланищевъ", и три земли, изъ которыхъ „перва земля—польская, другая литовская, третья черкаская", и серебра и жемчуга безъ счету и вѣсу. Вмѣстѣ съ новою царицей пріѣзжаетъ въ Москву и братъ ея—Кастрюкъ,

---

[1]) Замѣтимъ, что не по всѣмъ пересказамъ царь вступаетъ въ этотъ бракъ, сдѣлавшись вдовцемъ. Въ большинствѣ ихъ говорится просто о женитьбѣ.

[2]) Вотъ самыя замѣтныя изъ нихъ: *Василиса* Темрюковна (Кирѣевск. VI, 163), *Катерина* Темрюковна (Ibid. 167, 169), Марья *Димiюрьевна* (Ibid. 170), Марья *Демрюковна* (Рыбн. II, 221).

[3]) Вышеприведенное *супава*, употребляющееся въ пѣснѣ и какъ собственное имя, есть, конечно, испорченное *купава*, которое нельзя произвесть ни отъ чего иного, какъ отъ корня *куп*=бѣлый, роскошно растущій; (см. объясненіе г. Буслаева во II т. Исторіи Россіи Соловьева, въ приложеніи). Такое замѣчаніе можно, между прочимъ, съ безошибочностью вывести изъ слѣдующихъ словъ одного варіанта пѣсни о Кастрюкѣ:

„Царица крымская,
Дочь царя турскаго,
Красно снарядилася *купаво*."

(Рыбн. II, 227).

или Мастрюкъ, или, какъ онъ называется иногда, Кастрюкъ-Мастрюкъ [1]).

Оба гостя—и Марья, и Кастрюкъ—лица, многими чертами напоминающія дѣйствующихъ лицъ богатырскаго эпоса. Она—„паленица удалая" по однимъ варіантамъ, и женщина—колдунья, злая чаровница—по другимъ,—очень напоминающая соблазнительницу Добрыни-Маринку. Объ этихъ зловѣщихъ свойствахъ ея говорить уже Софья Романовна въ своихъ предсмертныхъ совѣтахъ мужу:

„Принесетъ она (Марья Темрюковна) рубашки красна золота:
„Не моги надѣть на двухъ ясныхъ соколовъ,
„Надѣнь на двухъ псовъ ядовитыхъ:
„Увидишь тутъ чудо великое!.."

(Кирѣевскій, VI, 120).

И предсказаніе сбывается: Марья Темрюковна приноситъ въ подарокъ своимъ пасынкамъ рубашки „красна золота". Чуть толь-

---

[1]) Любопытенъ варіантъ, въ которомъ Кастрюкъ является мужемъ дочери Ивана:

„У того-то было царь-богатыря,
„У Ивана-то свѣтъ Васильевича
„Отдавалася за мужъ дочь бо́льшая
„За Кастрюка-Мастрюка,
„Молодого Севрюковича."

(Кирѣевск. VI, 178).

По нѣкоторымъ варіантамъ, и сестра Кастрюка, и онъ самъ пріѣзжаютъ въ Москву не по случаю выхода послѣдней въ замужство за Ивана Грознаго, а просто съ цѣлью вызвать московскихъ людей на единоборство съ Кастрюкомъ—„отвѣдать сила богатырская, плечо молодецкое," (Рыбник.. III, 258, I, 403, II, 224). Есть еще варіантъ (Кирѣевск. VI, 172), по которому Кастрюкъ—сынъ царевны крымской, пріѣзжающей съ нимъ въ Москву тоже для того, чтобы найти ему поединщика.

ко надѣли ихъ на ядовитыхъ псовъ, какъ этихъ послѣднихъ разорвало. Затѣмъ, зловѣщая сила Марьи начинаетъ оказываться на самомъ царѣ. Онъ начинаетъ худѣть, и на вопросъ дядьки о причинѣ этого, отвѣчаетъ: „не могу *поляницей удалой владѣть:* руку-ногу закинетъ на меня жена,—не могу духу перевести“. (Ibid.). И потомъ Иванъ расправляется съ ней *по былинному;* онъ ведетъ ее „въ далече—чисто поле“ и стрѣляетъ ей „въ ретиво сердце“. Марья владѣетъ и даромъ оборотничества: по одному варіанту, (Кирѣевск. VI, 109), послѣ пораженія Кастрюка, она въ видѣ сороки, (какъ въ послѣдствіи Марина Мнишекъ), улетаетъ изъ Москвы.

Въ Кастрюкѣ—еще болѣе такихъ чертъ; въ разсказѣ о немъ, какъ мы сейчасъ увидимъ изъ изложенія эпизода о его единоборствѣ, весьма ясно сквозитъ миѳическая основа, близко роднящая этотъ эпизодъ съ героическимъ эпосомъ. Кастрюкъ— богатырь, со всѣми аттрибутами и признаками эпическаго богатырства. Онъ „пятьсотъ борцовъ поборолъ и пятьсотъ городовъ за себя побралъ“; [1]) онъ, когда идетъ, то „самъ шатается, перекладны сгибаются, подмосты колыблются“ [2]); онъ, наконецъ, по однимъ варіантамъ-мужчина, по другимъ оказывается женщиной [3]), совершенно подобно тому, какъ въ былинѣ о боѣ Ильи Муромца съ дочерью оказывается женщиной баснословный богатырь. Сверхъестественныя черты и свойства Кастрюка проявляются еще яснѣе въ его поединкѣ съ московскими бойцами.

Б) Единоборство. Иванъ, привезя изъ чужой земли Марью Темрюковну и „принявши съ ней золотые вѣнцы,“ дѣлаетъ на ра-

---

[1]) Рыбн. II, 222.

[2]) Ibid. I, 404.

[3]) Кирѣевскій, VI, 119. Рыбниковъ, IV, 89. и II, 224, въ примѣчаніи.

дости пиръ своимъ боярамъ и могучимъ богатырямъ. Почетнѣйшій гость на этомъ пирѣ—братъ новой царицы, Кастрюкъ. На пирѣ идетъ похвальба гостей, близко напоминающая похвальбу богатырей на пирахъ князя Владиміра [1]). Всѣ пьяны и веселы; одинъ задумчивъ и грустенъ—шуринъ царскій, Мастрюкъ Темрюковичъ; онъ—

„. . . . Хлѣба, соли не ѣстъ,
Хлѣба—соли не кушаетъ,
Бѣлаго лебедя не рушаетъ,
Зеленаго вина въ ротъ не беретъ..." [2])

И на вопросъ о причинѣ такого состоянія, Кастрюкъ отвѣчаетъ изъявленіемъ желанія побороться съ московскими людьми по „татарскому." [3]) Иванъ вызываетъ охотниковъ,—(по однимъ

---

[1]) Весьма близкое, почти буквальное сходство пировъ Ивана съ пирами Владиміра мы увидимъ ниже, при изложеніи эпизода о покушеніи царя на жизнь сына.

[2]) Кирѣевскій, VI, 121.

3) Въ тѣхъ, вышеуказанныхъ, варіантахъ, въ которыхъ Кастрюкъ представляется пріѣзжающимъ въ Москву не вслѣдствіе женитьбы Ивана на его сестрѣ,—онъ, вмѣстѣ съ сестрою, останавливается передъ городомъ и посылаютъ въ Москву посла—требовать поединщика, при чемъ обращаются къ Ивану съ высокомѣріемъ и дерзостью и грозятъ „все царство его приплѣнить, и головней покатить," и самаго царя взять въ плѣнъ. (Рыбн. III, 259). Впрочемъ, честолюбіе и горделивые замыслы Кастрюка обнаруживаются и при родственной связи его съ Иваномъ; онъ и тутъ, сидя на пирѣ у своего зятя, думаетъ взять въ плѣнъ Москву, взойти въ Кремль, начать брать пошлины съ московскихъ людей, творить судъ и расправу (Кирѣевскій, VI, 122); думаетъ „Москву загонять, сильно царство московское" (Ibid. 146); онъ хочетъ „запереть всю каменну Москву," подобно тому какъ заперъ землю шведскую и литовскую. (Ibid., 154).

варіантамъ онъ самъ дѣлаетъ этотъ кличъ, по другимъ—поручаетъ это дѣло своему „дядюшкѣ,“ Никитѣ Романовичу, съ которымъ мы не разъ еще встрѣтимся). Охотники являются въ разныхъ варіантахъ съ разными именами: Мишка Борисовичъ и Потанька (у Кирши Данилова, послѣдній и у Кирѣевскаго), два брата Иванъ-Иванычи изъ села Ивановскаго (у Кирѣевскаго), Вася Хрономогенькой (тамъ-же), два брата Андрея Андреевича (тамъ-же), Гришута и Мишута (тамъ-же), Илеюшка Хроменькій и Иванушка Маленькій (тамъ-же) и т. д. [1]. Указываются и мѣстности, изъ которыхъ они: о селѣ Ивановскомъ мы только что упомянули; кромѣ того, встрѣчаемъ деревеньку Онихину (Кирѣевскій VI, 126), Новгородъ (Ibid. 123), слободу Александровскую средь Юрьева Повольскаго (Ibid. 146 и 153), вологодскую губернію (Ibid. 179) и т. п. Опредѣлительность выражается и въ подробностяхъ, укаывающихъ, къ какому сословію и даже къ какой профессіи борцы принадлежатъ; они крестьяне, вообще деревенскіе люди [2]; профессія нѣкоторыхъ изъ нихъ—скоморошество: въ одномъ пересказѣ, борцы Гришута и Мишута прямо называются *шутами* [3], а что здѣсь „шутовство“ принимается именно какъ профессія, скоморошество—доказывается описаніемъ ихъ костюма (у Кирши Данилова они въ „саксонскомъ платьѣ, сапоги съ раструбами, бороды бритыя, усы торженые“) [4],—ихъ умѣнья бороться по ученому (Илею-

---

[1]) Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ дѣйствуютъ и въ былинахъ; напр. Потанюшка Хроменькій и Васенька Маленькій дерутся съ Василіемъ Буслаевымъ (Рыбн. II, 203).

[2]) Крестьянское званіе съ особенною яркостью выставлено въ варіантѣ, помѣщенномъ у Кирѣевскаго VI, 184.

[3]) Ibid. 130.

[4]) Г. Безсоновъ сближаетъ это описаніе съ описаньемъ латынскаго платья Добрыни. (Кирѣевск. VI, 147).

шка Хроменькій „идетъ въ маленькое колесо“ [1]). Въ одномъ варіантѣ, гдѣ Иванъ Грозный почему то замѣненъ какимъ-то княземъ Михаиломъ (Рыбник. IV, 87), князь не вызываетъ желающихъ побороться, а прямо посылаетъ за „вдовиными сыновьями,“ Иванушкой, Михайлушкой и Потанюшкой, какъ спеціально занимающихся этимъ дѣломъ. Сверхъ того, во многихъ варіантахъ борцы неоднократно называются „учеными.“ Большею частью это ребята невзрачные, на что́ указываютъ уже и самые эпитеты: „хроменькій, маленькій“ и уменьшительныя имена; въ одномъ варіантѣ (Кирѣевскій, VI, 183), борецъ описывается такъ:

„ . . . . крестьянскій сынъ:
Съ ноги на ногу прихрамываетъ,
Съ ноздри на ноздрю присапываетъ,
Языкомъ пришепетываетъ....“

Но пѣсня не забываетъ указать на богатырскія свойства ихъ уже до описанія поединка; у Ѳедьки борца, который „на ножку легокъ,“—

„Полверсты было во поскокѣ,
А по четыре въ помахѣ...“ [2])

Они-то, съ разрѣшенія царя, вступаютъ въ бой съ Кастрюкомъ, о богатырскихъ, баснословныхъ свойствахъ котораго мы уже говорили. Кастрюкъ относится къ своимъ противникамъ съ презрѣніемъ, внушаемымъ ему ихъ невзрачнымъ видомъ; глядя на нихъ, онъ замѣчаетъ, что ему „не на комъ бѣлыхъ рукъ патрать“ [3]), онъ хва-

---

[1]) Кирѣевск. VI, 160.

[2]) Рыбник. I, 405.

[3] Кирѣевск. VI, 160. „Патрать,“ по объясненію г. Безсонова (Ibid.) тоже, что́ марать, грязнить.

лится, что „на ладонь ихъ посадитъ, другой рукой раздавитъ“ [1]), но, тѣмъ не менѣе, вступаетъ съ ними въ бой.

Вся эта борьба отличается сверхъестественнымъ характеромъ. Кастрюкъ, бросаясь на своихъ противниковъ, „зашипѣлъ по змѣиному, заревѣлъ по звѣрпному“ [2]); онъ, изъ комнаты, гдѣ сидѣлъ, скачетъ

„Черезъ столы бѣлодубовы, чрезъ яства сахарныя, чрезъ питья медвяныя,
Лѣвой ногой задѣлъ за столы бѣлодубовы,
Повалилъ онъ тридцать столовъ,
Да прибилъ триста гостей,
Живы-да негодны, на корачкахъ ползаютъ по палатѣ бѣлокаменной.“ [3])

Результатъ поединка во всѣхъ пѣсняхъ одинъ и тотъ-же: пораженіе Кастрюка; но подробности различны. Встрѣчающаяся наиболѣе часто—„вылупленіе“ Кастрюка изъ платья, оставленіе его нагимъ,—послѣ чего побѣжденный бѣжитъ, „зажавши свой соромъ“ [4]), въ подклѣть, „на конюшій дворъ, гдѣ собаки щенками

---

1) Кирша Даниловъ, 42.

2) Рыбн. 127.

3) Кирша Даниловъ, 41. Въ другихъ варіантахъ — тотъ же пріемъ, только съ нѣкоторыми различіями: онъ переломалъ пятьдесятъ скамей и передавилъ „приданство все,“ (Кирѣевск. VI, 127), т. е. все, полученное Иваномъ въ приданое за Марьею (см. выше); триста скамей повалилъ и триста бояръ задавилъ (Ibid. 131); зацѣпивъ ногой за скамью „убилъ тридцать татаровей, убилъ сорокъ богатырей, достальныхъ раскарякало;“ (Рыбниковъ, I, 405) и т. п.

4) Кирѣевск. VI, 155 и въ другихъ мѣстахъ. По одному, любопытному, варіанту (Ibid. 155) Василій Маленькій, обнаживъ Кастрюка, беретъ его платье подъ пазуху и несетъ пропивать въ царевъ кабакъ.

щенятся“ и т. п, [1]). Другія подробности болѣе трагическаго свойства: Семенушко поднялъ своего противника „выше дерева стоячаго, ниже облака ходячаго,“—и раскатились въ разныя стороны его рука, нога и голова [2]). Ѳедька-борецъ, тотъ самый, у котораго такой богатырскій поскокъ и помахъ, подбросилъ Кастрюка

„выше церквей соборніихъ,
И крестовъ богомольніихъ,
До Миколы святителя,
До *креста Леванидова*
И спустилъ о сыру землю,“—

такъ что кожа лопнула [3]); по другому варіанту, это подбрасываніе отличается болѣе мѣстнымъ характеромъ: вмѣсто общаго обозначенія церквей и эпическаго креста Леванидова, встрѣчаемъ опредѣленное указаніе на соборную церковь Михаила Архангела и на Ивана Великаго [4]). Борецъ Михайла выломалъ противнику ноги, выкопалъ глаза; одинъ изъ братьевъ Андреевъ Андреевичей ударилъ Кастрюка о землю такъ, что вшибъ его въ землю по колѣни, чуть не по поясъ [5]). Кастрюкъ (въ тѣхъ варіантахъ, въ которыхъ онъ остается живъ), закаивается впередъ бороться съ русскими людьми; на каменной Москвѣ—говоритъ онъ—„не дай мнѣ Богъ бывати, не только мнѣ, да и дѣтямъ моимъ“ [6]).

---

1) Ibid. 161.

2) Ibid. 175.

3) Рыбник. I, 406.

4) Рыбн. III, 263. Ср. это подбрасываніе съ такимъ же пріемомъ поединка въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ.

5) Кирѣевск. VI, 128.

6) Ibid. 138, 145. Ср. съ подобными заклятіями татаръ въ былинахъ.

Иванъ Грозный живо интересуется этимъ поединкомъ. Пѣсня какъ бы забываетъ родство его съ Кастрюкомъ и, по видимому, впадаетъ въ противорѣчіе сама съ собою. Царь чествуетъ своего шурина, сажаетъ его на почетнѣйшее мѣсто, съ участіемъ распрашиваетъ о причинѣ его задумчивости и грусти,--а когда начинается поединокъ, когда борцы просятъ у царя позволенья изувѣчить, убить Кастрюка,—царь призываетъ на нихъ благословенье божіе и чудотворцевъ московскихъ, обѣщаетъ ихъ „поить—кормить и по цѣлой по тысячѣ пожаловать [1]). А когда Марья Темрюковна бранитъ побѣдителей своего брата, царь замѣчаетъ:

Не то—то намъ дорого,
Что татаринъ похваляется,
А то—то намъ дорого,
Что русакъ насмѣхается" [2]).

По другому пересказу того-же эпизода, Иванъ внушаетъ Марьѣ, что коли у ея брата не было силы, то ему не слѣдовало и хвастаться [3]).

II. ПОКУШЕНІЕ НА ЖИЗНЬ СЫНА.

У Ивана Грознаго во дворцѣ идетъ большой пиръ „столованье". На него собраны „всѣ князья, всѣ бояриы думные, вельможи, купцы богатые, удалые поляницы и сильные могучіе богатыри" [1]).

---

[1]) Рыбник. IV, 86. Такія же благословенія и обѣщанія и въ другихъ пересказахъ.

[2]) Кирѣевск. VI, 128, 150.

[3]) Ibid. 132.

[4]) Рыбник. II, 211. Ср. описаніе пировъ Владиміра. Но о

Начинается общая похвальба,—дѣло, какъ видно, необходимое, неизбѣжное на подобныхъ празднествахъ, потому что царь спрашиваетъ: „ что-жъ у меня въ бесѣдѣ никто ничѣмъ не хвастуетъ?“ [1]) и тогда бояре принимаются за хвастовство. Иванъ, гуляя по комнатѣ и расчесывая *черныя кудри*, тоже не отстаетъ отъ нихъ; онъ хвастается, что взялъ Казань и полонилъ царя Симеона [2]),—„вынесъ царенье изъ Царь-Града“ и надѣлъ на себя царскую порфиру [3]),—и, наконецъ, „вывелъ измѣну“ изъ многихъ городовъ Россіи, между которыми, по разнымъ варіантамъ, встрѣчаемъ Казань, Рязань, Астрахань, Черниговъ, Новгородъ, Псковъ, Кіевъ, Москву. Эта-то послѣдняя „похвальба“ и составляетъ завязку событія, составляющаго содержаніе излагаемаго нами эпизода [4]). Самоувѣренность Ивана, что онъ вывелъ измѣну изъ разныхъ городовъ и выведетъ ее изъ тѣхъ, въ которыхъ она еще существуетъ, — (этими послѣдними

сходствѣ пѣсень объ Иванѣ Грозномъ съ былинами Владимірова цикла мы будемъ говорить особо въ послѣдствіи.

[1]) Кирѣевскій, VI, 94.

[2]) Кирѣевскій, VI. 62. Подробности о взятіи Казани здѣсь тѣ же, что въ пѣсняхъ, относящихся собственно къ этому событію.

[3]) Рыбниковъ I, 384. Порфира въ другихъ варіантахъ называется *перфилушка.* (Рыбн. I, 396), а въ одномъ обращена даже въ собственное имя: „вывезъ *Перфила* изъ Царь-Града“ (Кирѣевск. VI, 56), или изъ Новгорода (Якушкинъ, стр. 77). У Кирѣевскаго же встрѣчаемъ варіантъ, гдѣ Иванъ объявляетъ, что онъ снялъ эту порфиру съ казанскаго царя Семена, привезъ ее въ Москву, гдѣ и *крестилъ* ее, послѣ чего сталъ „*пресвитеромъ-царемъ*“ (VI, 95).

[4]) Съ преслѣдованіемъ измѣны со стороны Ивана любопытно сопоставить помѣщенный во II т. сборника Рыбникова разсказъ о томъ, какъ завелась измѣна на Руси,—изъ котораго оказывается, что завелъ ее самъ Иванъ съ тѣхъ поръ, какъ попытался обмануть таинственнаго старика, своего благодѣтеля.

оказываются различные города, смотря по варіантамъ: въ большинствѣ случаевъ—Москва),—нарушается царскимъ сыномъ, Иваномъ Ивановичемъ, который объявляетъ отцу, что измѣна сидитъ съ царемъ „за однимъ столомъ, пьетъ да ѣстъ съ одного мѣста, носитъ платье одного сукна" [1]) —и что этотъ измѣнникъ—другой сынъ царя, Өедоръ Ивановичъ [2]). Измѣна его состоитъ въ излишнемъ состраданіи къ жертвамъ жестокости царя, и описаніе ея, совершенно сходное по разнымъ варіантамъ въ общихъ чертахъ, имѣетъ, однако, нѣкоторыя характеристическія отличія. Такъ, по однимъ, Иванъ въ Новгородѣ, проѣзжая по улицамъ, сѣкъ и рубилъ всѣхъ до единаго; тоже самое дѣлалъ и доносящій на брата царевичъ; а

---

[1]) Рыбниковъ II, 212. Въ другихъ варіантахъ тоже, съ самыми незначительными измѣненіями.

[2]) Доносъ на Өедора почти во всѣхъ варіантахъ дѣлаетъ родной братъ; но въ нѣкоторыхъ, менѣе полныхъ текстахъ, царь какъ будто самъ догадывается—а по одному, перепутанному, доносчицей является Марья Темрюковна, или, какъ она здѣсь называется, Демругьевна. (Кирѣевск. VI, 112). Есть и такой варіантъ, въ которомъ доносчикомъ является Малюта Скуратовъ (Кирѣевск. VI, 84). Точно также, почти во всѣхъ пересказахъ, виновнымъ въ измѣнѣ представляютъ Ивану именно Өедора; но есть варіантъ, гдѣ вмѣсто Өедора является Дмитрій (Кирѣевск. VI, 96 и 100), и другой, (Кирша Данилов. 328), гдѣ о существованіи измѣны объявляетъ уже Өедоръ, при чемъ указываетъ, какъ на измѣнниковъ, на трехъ „большихъ бояръ Годуновыхъ". Но въ пѣснѣ, помѣщенной у Кирши Данилова, все въ этой части разсказа перепутано и полно противорѣчій: Өедоръ называетъ Годуновыхъ, царь требуетъ, чтобъ онъ сказалъ ему про нихъ, сынъ тутъ же, по словамъ пѣсни, „не сказалъ измѣнниковъ по имени", (когда, за нѣсколько стиховъ, они названы), и царь, разсердившись, велитъ казнить самаго царевича. Очевидно, тутъ перепутано нѣсколько пересказовъ. Бываетъ и такъ, что имя царевича не упоминается. (Кир. VI, 78).

Өедоръ Ивановичъ, по словамъ брата, „сѣкъ изъ пяти и десяти головы гусиныя“, а на воротахъ домовъ все таки дѣлалъ записи и номера выставлялъ въ видѣ статистическаго перечня дѣйствительно казненыхъ [1]). По другимъ варіантамъ, Өедоръ, тоже въ Новгородѣ, вмѣсто того, чтобы „сѣчь, колоть и на колъ садить“, какъ это дѣлали его отецъ и братъ, „писалъ ярлыки милосливые и кидалъ по улицамъ новгородскіимъ“,—а въ этихъ ярлыкахъ было именно написано:

„Ай-же вы, мужики новгородскіе!
Копайте-ка погреба глубокіе
Отъ моего государя отъ батюшка,
Отъ моего братца отъ родимаго,
Вы садитесь въ погреба глубокіе!“.
(Рыбник. I. 391).

Легко представить себѣ негодованіе Грознаго,—и пѣсня въ истинно-художественной формѣ изображаетъ этотъ моментъ. „Стемнѣлъ царь какъ темна ночь, заревѣлъ царь какъ левъ да звѣрь“ [2]). распылался онъ такъ, что ничто въ сравненіи съ этимъ гнѣвомъ—колебанье синяго моря и пожаръ сырыхъ боровъ [3]),—и придумываетъ для сына казнь,—одну изъ тѣхъ казней, какія умѣлъ изобрѣтать только Иванъ Васильевичъ. Въ описаніи этихъ казней народная фантазія, естественно, даетъ себѣ полный просторъ: въ одномъ варіантѣ царевичу предстоитъ видѣть свои глаза вынутыми черезъ „косицы“, т. е. виски и свой языкъ вырѣзаннымъ изъ темени [4]); по

---

[1]) Рыбниковъ, II, 213.
[2]) Ibid. 212.
[3]) Ibid. I, 390 и 396.
[4]) Кирѣевск. VI, 57.

другому—царь велилъ его повѣсить [1]); по третьему—отецъ приказываетъ:

„Снимите съ него буйну голову долой,
По самыя плечи по могучія,
И воткните на вострой (штыкъ),
Поставьте передъ окошками царскими,
Передъ моими очами ясными!".
(Кирѣевск. VI, 63).

По четвертому — отцу угодно, чтобы у царевича вынули сердце съ печенью и „принесли ихъ ему на показанье" [2]). По пятому—онъ велитъ, чтобъ царевичу срубили голову и принесли ее къ царю во дворецъ на серебряномъ блюдѣ [3]). И т. п.

Палачей Ивану Грозному не занимать—стать; на зовъ его они сходятся „десятками и полуторами" [4]),—но ужасъ одолѣваетъ ихъ; они не могутъ рѣшиться поднять руку „на роды царскіе",—и

„Большой за малаго хоронится,
А малаго за большимъ давно не видать" [5]).

Для исполненія царскаго приказанія является готовымъ только одинъ—Малюта Скуратовъ [6]). Онъ берется за это дѣло и по сви-

---

1) Ibid. 61.

2) Кирѣевск. VI, 95, 100.

3) Ibid. 103.

4) Ibid. 56.

5) Ibid. 56. Это „хороненье" большаго за малаго, живо напоминающее такой же пріемъ богатырей Владиміровыхъ, повторяется въ нѣскольких варіантахъ.

6) Большею частью въ пѣсняхъ фамилія его Скурлатовъ или онъ называется какъ бы по отчеству „Скурлатовичъ". Встрѣчается и фа-

рѣпости своего нрава, и по спеціальной причинѣ—„онъ на Ѳедора Ивановича сердитъ—то былъ“ [1]).

Малюта надѣваетъ на царевича „опальное“ платье и ведетъ его на мѣсто казни; (по однимъ варіантамъ—на Житное болото, по другимъ—на Куликово поле, на Кочково (Кучково); въ третьихъ—мѣстность не обозначена). Но спасителемъ Ѳедора является Никита Романовичъ, братъ жены царя, Настасьи Романовны, (у Рыбн. т. I, 387, она называется Авдотья Романовна) [2]).

До царицы доходитъ вѣсть о гибели, грозящей ея сыну. Въ одной „рубашечкѣ безъ пояса“, въ чулкахъ безъ сапожекъ, (или въ сапожкахъ на босую ногу), словно „бѣлая лань“, бѣжитъ царица черезъ всю Москву къ своему брату и, заливаясь слезами, объявляетъ, что:

„Пала звѣзда поднебесная,
Погасла свѣча мѣстная“,—

милія „Разкурлатовъ“ (Кирѣевск. VI, 104), которую г. Бѣзсоновъ (ibid.) почему-то считаетъ произведенною отъ „curva ty razcurva.“ Скуратовъ называется и Иваномъ (Р. I. 397) и Алешкою (Кир. VI, 99). Самое любопытное его названіе—„Малюта-Степька (т. е. Стенька Разинъ) воръ Скурлатовъ сынъ“. (Рыбник. II, 214). Вездѣ онъ по профессіи палачъ. „Моя то работушка ко мнѣ пришла!“ говоритъ онъ (Рыбник. I, 391). И въ другомъ мѣстѣ: „я много казнилъ царей-царевичей, безъ счету королей-королевичей“ (Рыбн. I, 385). Или: „много казнивалъ я князей-бояръ“ (Кирѣевск. VI, 95); но есть варіантъ, въ которомъ встрѣчаемъ его купцомъ, торгующимъ заморскими товарами (Рыбн. II, 214). Въ одномъ варіантѣ, вмѣсто его—Чурило Пленковичъ (Рыбн. I, 392).

[1]) Рыбн. II, 214.

[2]) Отмѣтимъ уже здѣсь тотъ варіантъ, въ которомъ вмѣсто Никиты Романовича, спасаетъ царевича „Ѳедоръ Ивановичъ Пожарской сынъ“. (Кирѣевск. VI, 78).

казнять молодаго царевича. Никита бросается на спасенье [1]).

Никита Романовичъ, одинъ изъ любимыхъ героевъ народнаго эпоса,—человѣкъ не изъ обыкновенныхъ. У него „сидитъ тридцать россійскихъ могучихъ богатырей и дружина храбрая [2])"; онъ, „что захочетъ, то и сдѣлаетъ"; у него „сила могучая въ плечахъ" [3]); людей, какъ мы сейчасъ увидимъ, онъ носитъ у себя подъ полою.—Не теряя ни минуты, Никита накидываетъ шубу на одно плечо, надѣваетъ шапку на одно ухо,—а то и въ болѣе легкомъ костюмѣ— „въ одной тоненькой сорочушкѣ безъ пояса, въ одныхъ шелковыхъ чулочкахъ безъ чоботовъ" [4])—бросается на своего коня богатырскаго [5]), „несѣдланаго, неѣзжанаго" и скачетъ на мѣсто казни. Избавленіе Θедора описывается въ пѣснѣ различно. По однимъ варіантамъ, Никита просто вырываетъ племянника изъ рукъ Малюты, при чемъ или оставляетъ самого палача въ живыхъ—(по крайней мѣрѣ, объ этомъ пѣсня ничего не упоминаетъ),—или убиваетъ его [6]). По другимъ—это избавленіе совершается сложнѣе и гораздо характеристичнѣе. Никита, вѣроятно сообразивъ, что царь потребуетъ доказательства исполненія своего приказанія, беретъ съ

---

[1]) Въ другихъ пѣсняхъ вѣсть Никитѣ посылаетъ самъ царевичъ, или она доходитъ къ нему неизвѣстно отъ кого.

[2]) Рыбник. II, 216.

[3]) Рыбник. I, 402.

[4]) Кирѣевск. VI, 64. Ср. выше, костюмъ Настасьи Романовны, когда она бѣжитъ къ брату. Такую одежду встрѣчаемъ и послѣ, въ пѣсняхъ о Петрѣ. (Кирѣевск. VIII).

[5]) Любопытенъ, по сближенію съ былинами кіевскими, тотъ варіантъ, по которому Никита скачетъ на „лошади водовозной". (Кирѣевск. VI, 85).

[6]) Кирѣевск. VI, 58. Рыбниковъ I, 386, 399.

собою „ключничка—ларешничка“ [1]), или „немилаго постельника“ [2]), котораго „прячетъ подъ полу подъ правую,“ или „любимаго конюха“ [3]),—и Малюта казнитъ ихъ вмѣсто царевича [4]). Никита увозитъ племянника къ себѣ, а царю приносятъ отрубленную голо-

---

1) Кирѣевск. VI, 64, 68.

2) Рыбник. II, 216.

3) Кирша Даниловъ, 331. Рыбник. IV, 83. По поводу этой замѣны обреченнаго на смерть Ѳедора другимъ лицемъ, г. Миллеръ, въ „замѣткѣ“ къ IV т. Рыбниковскаго сборника, дѣлаетъ слѣдующее объясненіе: „Надобно думать, что подобнаго рода не совсѣмъ-то человѣколюбивая замѣна одного другимъ, распространенная также во множествѣ повѣстей и сказаній обще-европейскихъ, занесена изъ рукописныхъ сборниковъ, преимущественно восточныхъ. Къ намъ она могла зайти уже изъ повѣсти объ Акирѣ Премудромъ.... Касательно замѣны Ѳедора *любимымъ постельникомъ*, г. Миллеръ видитъ въ этомъ желаніе представить такой поступокъ *жертвою*, *самопожертвованіемъ*, и говоритъ: „Это уже замѣчательное извращенье народной мысли, къ счастію составляющее рѣдкость въ нашей народной поэзіи и только отчасти подходящее къ тѣмъ примѣрамъ дикихъ жертвъ и противоестественныхъ самопожертвованій, которыя вовсе не рѣдки въ западномъ, средневѣковомъ многостихійномъ, религіозно-фанатизированномъ и на половину грамотническомъ эпосѣ“.

Отмѣтимъ здѣсь еще одинъ крайне-характеристическій варіантъ, напечатанный у Кирѣевскаго VI, 104. Никита, пріѣхавъ на мѣсто казни, спрашиваетъ:

„Ино кто хочетъ за Царя умереть?
Того Господь избавитъ отъ грѣховъ,
Отъ грѣховъ, отъ муки вѣчныя!“.

И такой добровольный мученикъ немедленно отыскивается. „Я хочу за Царя умереть!“ восклицаетъ стременной стрѣлецъ и погибаетъ на плахѣ.

4) По одному, интересному для народной характеристики Малюты, варіанту,—Малюта соглашается не казнить царевича по разсчету.

ву на серебряномъ блюдѣ, или сердце съ печенью, или просто окровавленную саблю,—смотря потому, что велѣлъ царь сдѣлать съ сыномъ [1]).

Между тѣмъ, раскаяніе овладѣваетъ Грознымъ. Во всемъ виноваты ненавистные ему бояре: имъ слѣдовало сдержать его гнѣвъ.

„Какъ по ворахъ —(говоритъ онъ)— было по разбойникахъ,
По разбойникахъ по ворахъ есть заступники,—
По моемъ было рожономъ по дитятки,
По немъ не было никакой заступушки!"
(Рыбник, I, 388).

И въ другомъ мѣстѣ:

„По *ворѣ* по *Гагаринѣ* заступъ было:
„А по царскихъ родахъ и нѣтъ никого!" [2])
(Ibid. 393).

Именно, Никита обѣщаетъ, что кто казнитъ царевича, того онъ, Никита, „разжалуетъ", а кто не показнитъ, того пожалуетъ. Малюта дѣлаетъ слѣдующее соображеніе: „Царскій сынъ—то не простой мужикъ, чѣмъ нибудь меня, можетъ, и пожалуетъ". (Рыбник. I, 389).

[1]) Въ одномъ мѣстѣ пѣсня объясняетъ, почему царь не узналъ обмана. Погибшій любимый конюхъ былъ съ царевичемъ „лицо въ лицо, и плечо въ плечо, и единъ волосъ съ волосомъ ладились." (Рыбник. IV, 83). Считаемъ это позднѣйшею и, притомъ, книжною приставкой,—во 1-хъ, потому, что народъ не имѣетъ привычки вдаваться въ подобныя объясненія—(оно находится только въ одномъ, вышесказанномъ пересказѣ), а во 2-хъ, по совершенно неестественному въ чисто-народномъ сочиненіи слову *который*, стоящему передъ вышеприведенными словами.

[2]) Это уже занесено изъ Петровскихъ пѣсенъ, гдѣ Гагаринъ изображается въ крайне несочувственномъ видѣ, какъ отъявленный ли-

Совѣсть мучитъ и его самаго.

„Какова змѣя лютая,
И та не поѣдаетъ своихъ чревъ,
А я съѣлъ—сгубилъ своего дѣтища,
Молода-зелена царевича!“

(Кирѣевск. VI, 61).

Царь приказываетъ завѣсить окна чернымъ сукномъ, служить обѣдни „по печальному,“—велитъ всѣмъ людямъ „въ каменной Москвы и во всемъ царствѣ Московскоемъ“ поститься, молиться Богу въ церквахъ и ходить въ „одежицахъ опальныхъ.“ Бьютъ, по его приказанію, „въ колоколъ во казненный,“ и царь, вмѣстѣ съ царицей и сыномъ, идетъ въ церковь. Боярамъ предстоитъ невеселая судьба: царь только отстоитъ обѣдню—„съ господъ со всѣхъ и князей со живыхъ скуры (шкуры) сдеретъ,“—будетъ „рубить князьямъ боярамъ головушки“ [1],—велитъ зашивать ихъ въ „медвѣжны“ и пускать по Москвѣ-рѣкѣ,—обѣщаетъ всѣхъ въ котлѣ сварить;“ „всѣмъ боярамъ переборъ будетъ“ [2]).

Тѣмъ временемъ, Никита Романычъ нарядился въ цвѣтное, парадное платье, нарядилъ также парадно царевича и, *взявши его подъ полу* [3]), идетъ въ церковь, гдѣ привѣтствуетъ царя, желая

хоимецъ. (Ср. Кирѣевскій, VIII). Въ число виноватыхъ народъ включилъ и *поповъ*; есть варіантъ, по которому царь, дѣлая поминки по убитомъ царевичѣ, велитъ поповъ—

„ . . . . . . во кули зашивать,
Во кули зашивать„ по Москвѣ рѣкѣ пусчать
Что царевича не *засчюнили*.“

(Якушкинъ, 78).

[1]) Рыбн. II. 219. I, 393.

[2]) Кирѣевск. VI, 79, 85, 105.

[3]) Ibid. 104.

ему здравствовать съ любимой семьей—благовѣрной царицей и *двумя* сыновьями—*Ѳедоромъ Ивановичемъ* и Иваномъ Ивановичемъ. Парадный видъ Никиты, въ виду великаго горя и траура царя, оскорбляетъ этого послѣдняго; еще болѣе оскорбляетъ его привѣтствіе, въ которомъ онъ видитъ ничто иное, какъ кровавую насмѣшку. „*Князь* Никита Романычъ [1])—говоритъ царь—

„Перво́ былъ ты мнѣ старый другъ,
Теперь сталъ ты мнѣ старый песъ.“
(Рыбник. IV, 84).

Онъ не ограничивается этимъ заявленіемъ, а дѣйствуетъ и болѣе энергически, обѣщая послѣ обѣдни, съ Никиты, „старой курвы,, [2]) содрать шкуру и зашить его въ волчью [3]). Но Никита не смущается угрозами и, выпуская изъ подъ полы, или, какъ выражается въ одномъ варіантѣ, „вывертывая“ царевича, показываетъ его обрадованному и изумленному отцу.

Такъ описывается этотъ сюрпризъ въ однихъ варіантахъ; въ другихъ—совсѣмъ иначе. Въ то время, когда царь кается и молится вмѣстѣ съ своимъ народомъ, когда происходитъ отпѣваніе любимаго конюха, казненнаго вмѣсто царевича,—у Никиты идетъ веселый пиръ: трубятъ трубы, бьютъ барабаны, палятъ изъ пушекъ,

---

[1]) Въ одномъ варіантѣ Никита Романычъ называется даже „свѣтлѣйшимъ княземъ,“—очевидно, позднѣйшая вставка. (Кирѣевскій, VI, 58).

[2]) Любопытно употребленіе этой брани въ тѣхъ случаяхъ, когда о ругательствѣ нѣтъ и не можетъ быть даже и помину. Такъ, Настасья Романовна, прибѣжавъ къ брату, чтобы объявить ему объ ожидающемъ ихъ великомъ горѣ,—смерти Ѳедора,—обращается къ нему съ словами: „Ай-же, ты старая курва, сѣдатой песъ!“ (Рыбник. II, 205).

[3]) Рыбник. II, 219.

„а изъ мелкаго оружія утиху нѣтъ“ [1]). Царь узнаетъ про это [2]) и бѣжитъ въ домъ Никиты—(по нѣкоторымъ варіантамъ, призываетъ его къ себѣ).

„Не досугъ Никитѣ гостей чествовать:
Онъ бросился на крыльцо стекольчато,
Въ стрѣту ладитъ царю Ивану Васильевичу,
Говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
„Аль ты радъ, Никита Романовичъ,
Моему несчастью великому?
Аль ты веселишься,
Что я сказнилъ своего сына любимаго?“
Замахнулъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Свое копье востроё,
Тяпъ въ ногу Никитѣ Романовичу....“ [3])

(Кирѣевскій, VI, 97).

И, не довольствуясь этимъ, обѣщаетъ „Никиту въ котлѣ сварить, либо на колъ посадить“ [4]). Но, какъ и въ первомъ слу-

---

[1]) Кирша Даниловъ, 333, Кирѣевскій, VI, 69, 96, 100.

[2]) У Кирши Данилова—отъ бояръ Годуновыхъ; по другимъ—неизвѣстно отъ кого.

[3]) Упрекъ царя Никитѣ выраженъ въ трогательно-поэтической формѣ въ слѣдующихъ словахъ одного варіанта: (Кирѣевск. VI, 69).

„Къ чему радошенъ, да къ чему радъ,
Мой любезный шуринъ, Никита Варламовичъ,
Моему-то развѣ безвременьицу?
У меня одна была жемчужина, и та скатилася.“

Что касается до характеристическаго *тяпанья* въ ногу копьемъ, то оно есть и у Кирши Данилова, гдѣ *тяпанье* замѣнено *пришиваньемъ* ноги къ сырой землѣ. *Пришиваніе* встрѣчаемъ и у Кирѣевскаго (VI. 63).

[4]) Кирша Даниловъ, 334.

чаѣ, Никита обезоруживаетъ царя представленіемъ ему спасеннаго сына.

Радость Ивана не имѣетъ предѣловъ.

„Обратилъ ты—(говоритъ онъ шурину)—мое да ретиво сердце,
Взвеселилъ мою да буйну голову,
Воротилъ ты мнѣ мою жемчужину!“
(Кирѣевск. VI, 69).

Естественнымъ послѣдствіемъ этой радости является желаніе наградить спасителя [1]). Грозный предлагаетъ Никитѣ треть земли, золотую казну, крестьянъ, всю Москву, потребъ злата-серебра, питья разнаго, лучшаго коня съ конюшни, кунью шубу съ царскихъ плечъ, пол-царства, „села съ приселками, города съ пригородками, улицы съ переулками,“ бояръ съ крестьянами, великое войско, драгоцѣнныя одежды [2]). Никитѣ ничего этого не надобно, онъ отъ всего отказывается и проситъ только, чтобъ ему выдали и позволили казнить Малюту Скуратова [3]). Но въ другихъ варіантахъ встрѣчаемъ желаніе гораздо болѣе характеристичное и гуманное. Никита проситъ царя пожаловать его вотчиной,—съ тѣмъ, чтобы

„Кто коня угонитъ въ мою вотчину, ушелъ-бы,—
Того и Богъ проститъ;
Кто жену уведетъ чужую, въ мою вотчину ушелъ-бы,—
Того Богъ проститъ;

---

[1]) Тамъ, гдѣ говорится о пришитіи ноги Никитѣ къ землѣ, упоминается и о приказаніи царя — скорѣе лечить раненую ногу. Для этого есть у царя „лекари и доктуры;“ онъ велитъ—„подайте мнѣ перваго дохтура, залѣчилъ бы ему ногу въ три часа!“ (Кирѣевск. VI, 66, 113).

[2]) Кирѣевск. VI, 59, 83, 86. Рыбник. II, 220. I, 402.

[3]) Кирѣевск. VI, 83, 86, 93.

Кто голову убьетъ, да въ мою вотчину уйдетъ, —
Того Богъ бы простилъ."

(Рыбник. IV, 85).

Въ только что приведенномъ варіантѣ эта вотчина называется „Микитиной;" у Кирши Данилова — „село Преображенское" [1]). У Кирѣевскаго (VI, 59) есть одинъ пересказъ, въ которомъ Никита, вмѣсто вотчины, испрашиваетъ себѣ три улицы: Арбатскую, Никитскую и Мясницкую, съ тѣмъ, чтобы тому, кто взойдетъ въ нихъ, „не было не взыску, ни вынемки," т. е. чтобы его нельзя было, какое бы преступленіе онъ ни совершилъ, ни обыскивать, ни арестовать. Тоже и у Рыбникова (II, 220), съ небольшимъ измѣненіемъ.

Само собою разумѣется, что Иванъ съ радостью соглашается на желаніе Никиты. Въ томъ вышеприведенномъ варіантѣ, въ которомъ, вмѣсто Никиты, спасителемъ царевича является Ѳедоръ Ивановичъ Пожарскій, царь говоритъ этому послѣднему даже вотъ что:

„Вѣдь не мнѣ бы царемъ, а тсеэ (тебѣ) должно быть:
Ты умѣлъ соблюсти царски сѣмены."

(Якушкинъ, 72, и Кирѣевск. VI, 80).

По другому пересказу (Рыбник. II, 220), царь, пожаловавъ Никиту „вотчиной и улицей," обѣщаетъ поставить вмѣсто себя царемъ спасеннаго сына, Ѳедора Ивановича.

---

[1]) Въ пѣснѣ, напечатанной у Кирши Данилова, царь самъ предлагаетъ Никитѣ вотчину на такихъ, или почти такихъ, условіяхъ, при чемъ даетъ на нее *грамоту тарханную*. „По той по грамотѣ тарханныя" оно (село) стало село Преображенское и „такимъ слыветъ до вѣку." (Др. Рос. Стихотв. 336). Считаемъ другой варіантъ, т. е. тотъ, гдѣ Никита самъ испрашиветъ себѣ эту милость, гораздо болѣе естест-

III. ВЗЯТІЕ КАЗАНИ.

Въ бѣлокаменной палатѣ, стоящей посреди Казанскаго царства, пробуждается отъ сна царица Елена и разсказываетъ мужу своему, царю Симеону, видѣнный ею сонъ, что—

„. . . . отъ сильнаго московскаго царства
Кабы сизой орлище встрепенулся,
Кабы грозная туча подымалась,
Что на наше вѣдь царство наплывала. . . "

И сонъ царицы сбывается: „сизой орлище"—Иванъ Васильевичъ „прозритель" подходитъ „съ пѣхотными полками" и „со старыми славными казаками" подъ казанское царство.

Такъ начинаетъ разсказъ о взятіи Казани пѣсня, записанная у Кирши Данилова [1]). Во всѣхъ другихъ варіантахъ этого легендарнаго начала нѣтъ; мы прямо встрѣчаемъ Ивана подъ стѣнами Казани.

Долго готовился царь къ этому походу. Тридцать лѣтъ и три года собиралъ онъ войско [2]). Долго длилась и осада: семь годовъ простоялъ онъ подъ Казанью,—и все неудачно. Гнѣвенъ и сумраченъ царь,—и негодованіе его еще усиливается насмѣшками „злыхъ татаришковъ", дерзко похаживающихъ на стѣнахъ города. „Не взять тебѣ—говоритъ одинъ татарченокъ—Казань городъ ни во

венным и подходящимъ къ характеру Никиты, какимъ изобразила его пѣсня; вѣроятно, какъ это весьма часто случается въ пѣсняхъ, у Кирши Данилова слова одного лица перемѣшаны съ словами другаго.

1) Стр. 284.

2) Кирѣевск. VI, 4.

сто лѣтъ, ни въ тысячу годовъ" [1]). А татарки относятся къ царю еще съ большею безцеремонностью, очень наивно изображенною въ пѣснѣ [2]). Прикручинился царь, „повѣсилъ буйну голову на правое плечо, утупилъ ясны очи во сыру мать землю" и ужъ хотѣлъ идти прочь. На выручку ему являются атаманъ Степанъ Тимоѳеевичъ (Стенька Разинъ) и Ермакъ [3]). Стенька приноситъ царю повинную въ своихъ разбояхъ, и Грозный обѣщаетъ его простить, если онъ научитъ его какъ взять Казань. Совѣтъ Стеньки въ пѣснѣ пропущенъ, (вѣроятно, забытъ пѣвшимъ, потому что этотъ пѣвецъ былъ 80-лѣтній старикъ), — но изъ послѣдующаго изложенія видно, что онъ состоялъ въ томъ, чтобы, посредствомъ подкопа, взорвать городъ. Совѣтъ приводится въ исполненіе [4]).

Подробности описанія взрыва очень характеристичны. Царь подводитъ подкопы „отъ Свіяжскаго города" подъ рѣку Казанку и подъ рѣку Булатъ; въ тоже время катитъ бочки съ порохомъ за

---

[1]) Ibid. 5.

[2]) Ibid. 1.

[3]) Являются не вмѣстѣ: Стенька по однимъ варіантамъ, (Кирѣевск. VI, 24, 25, 26, 33), Ермакъ—по другимъ (Ibid. VII, 48, въ приложеніяхъ). Въ числѣ этихъ помощниковъ находится и Никита Романовичъ, но его помощь ограничивается только *намѣреніемъ* помогать; дѣйствительную помощь въ дошедшихъ до насъ пѣсняхъ подаютъ только Стенька и Ермакъ. И Ермакъ, и Никита, и Стенька являются въ этихъ пѣсняхъ разбойничьими атаманами, которые, заслышавъ о неудачѣ Ивана подъ Казанью, возвращаются съ синяго моря на Волгу, чтобы помочь царю. По варіанту, помѣщенному въ VII выпускѣ Кирѣевскаго, въ приложеніи, Ермакъ идетъ не добровольно, а потому, что царь его требуетъ къ отвѣту за разбои.

[4]) Въ тѣхъ варіантахъ, въ которыхъ Стеньки Разина и его товарищей нѣтъ на сценѣ, взрывъ производится по мысли самаго царя. Впрочемъ, Ермакъ не даетъ никакого совѣта.

рѣку Сулай и разставляетъ пушки и снаряды въ чистомъ полѣ [1]). Когда все готово, одну свѣчу ставятъ въ полѣ, другую—въ сдѣланной минѣ [2]), гдѣ помѣщены дубовыя бочки съ „злымъ чернымъ порохомъ." (Слово *злымъ* замѣнено въ нѣкоторыхъ варіантахъ *зельемъ*). Свѣча на полѣ уже сгорѣла, а подъ землею она все еще теплится и не доходитъ до пороха. Царь, во всемъ видящій измѣну, подозрѣваетъ и здѣсь въ вѣроломствѣ своихъ пушкарей, (или,—позднѣйшая вставка—*канонировъ*). Расправа у Ивана Васильевича коротка: онъ приказываетъ казнить—вѣшать мнимыхъ измѣнниковъ. Одинъ изъ нихъ осмѣливается подойти къ царю и объясняетъ ему простымъ физическимъ закономъ явленіе, приводящее его въ такое негодованіе:

„На ходу-то наши свѣчки скоро горятъ,
Въ глухомъ-же мѣстѣ онѣ тихо горятъ."
(Кирѣевск. VI, 6).

Или, еще опредѣлительнѣе:

„. . . . На вѣтрѣ свѣча горитъ скорѣе,
А въ землѣ-то свѣча идетъ тишѣе."
(Древ. Рос. Стих. 285).

Не успѣлъ пушкарь дать такое объясненіе [3]), какъ бочки начинаетъ рвать, каменныя стѣны летятъ за Сулай-рѣку, „сорокъ тысячей и три тысячи татаръ" побито, остальные покоряются Ивану. Царь щедро награждаетъ своихъ пушкарей—даетъ имъ по пятидесяти рублей, а одному—пятьсотъ; за то ему пятьсотъ—характеристически замѣчаетъ пѣсня—

---

[1]) Кирѣевск. VI, 2, 4, 6.

[2]) Кирша Даниловъ, 285.

[3]) По одному варіанту (Кирѣевск. VI, 1.), это объясненіе даютъ „люди умные, люди разумные" *въ полку*.

„. . . Къ царю близко подходилъ,
Къ царю близко подходилъ, ему рѣчи говорилъ.
(Кирѣевск. VI, 6).

Мы начали этотъ эпизодъ съ разсказа Кирши Данилова о Симеонѣ и Еленѣ. Послѣ взрыва, Иванъ Грозный бѣжитъ во дворецъ, гдѣ его встрѣчаетъ съ хлѣбомъ—солью царица Елена. За это онъ ее милуетъ, приводитъ „въ крещеную вѣру" и постригаетъ въ монахини. А у Симеона, за гордость, „вынимаетъ очи косицами", снимаетъ съ него *царскую* корону и царскую порфиру, беретъ царскій костыль,—

„И въ то время *князь воцарился*
И насѣлъ въ Московское *царство*."
(Древн. Рос. Стих. 286) [1]).

Кромѣ вышеприведенныхъ пѣсень, описывающихъ осаду Казани, есть въ сборникѣ Кирѣевскаго нѣсколько такихъ, въ которыхъ сохранилось только *воспоминаніе* объ ужасахъ этой осады; но о нихъ мы будемъ говорить ниже.

IV. ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ.

Ермакъ разбойничаетъ съ своими товарищами на Волгѣ. Въ числѣ этихъ товарищей мы видимъ Стеньку Разина, Ваньку Ка-

---

[1]) *Великимъ княземъ* до взятія Казани и *царемъ* послѣ покоренія Иванъ называется только въ пѣснѣ, напечатанной у Кирши Данилова. Въ остальныхъ онъ вездѣ *царь*, а въ иныхъ и *бѣлый царь*—прозванье, вѣроятно вставленное впослѣдствіи, потому что такъ титулуется въ пѣсняхъ почти исключительно Петръ Великій.

ина, Ивана Мазепу, Гришку Отреньева [1]; тутъ-же какіе то Самбуръ Андреевичъ и Анофрій Степановичъ [2]. Ермакъ—(есть варіантъ, въ которомъ онъ называется Ермиломъ (Кирѣевск. VI, 36), и другой (Рыбник. II, 231), гдѣ его фамилія—Бургомировъ)—атаманъ ихъ, „набольшій изъ всѣхъ *станишников*ъ (Рыбник. II, 230). Мѣстность, гдѣ мы застаемъ ихъ, опредѣляется въ разныхъ варіантахъ различно: у Кирши Данилова—Бузанъ островъ (106), у Кирѣевскаго—„Волга-рѣка, Камышенка“, саратовскія степи „пониже города Саратова и повыше города Камышина“ (VI, 26, 39). Дружина Ермака-казаки донскіе, гребенскіе и яицкіе. Въ трехъ варіантахъ опредѣляется и время: въ ту пору, когда происходитъ осада Казани (Кирѣевск. VI, 36, 39 и Кирша Даниловъ, 114).

Въ самой большой полнотѣ и послѣдовательности изложена исторія завоеванія Сибири у Кирши Данилова, что весьма естественно, если сообразить, гдѣ найденъ этотъ сборникъ. Поэтому мы будемъ здѣсь держаться этого изложенія, тѣмъ болѣе, что остальные варіанты представляютъ весьма мало характеристическихъ отличій, которыя, впрочемъ, мы укажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Съ острова Бузана отправляются молодцы по Ахтубѣ и на синемъ морѣ встрѣчаются съ *турецкими* купцами, везущими свои товары на заморскихъ корабляхъ. Отъ казацкихъ выстрѣловъ купцы приходятъ въ такой ужасъ, что кидаются въ море, оставляя всѣ товары въ рукахъ побѣдителей; достается имъ и ѣхавшая съ купцами молодая дѣвушка, дочь „мурзы турскаго“; вмѣсто того,

---

1) Рыбник. II, 230.

2) Древн. Рос. Стихотв. 113. Выше, при изложеніи эпизода объ осадѣ Казани, мы видѣли въ числѣ этихъ товарищей и Никиту Романовича.

чтобъ тоже броситься въ море, она предпочла обратиться къ казакамъ съ просьбою, (которая и была ими исполнена)—не губить ея, а отвезти „къ сильну царству Московскому, государству Россійскому“ и привести въ крещеную вѣру.

Казаки пируютъ свою побѣду на берегу Ахтубы. Въ это время на другой сторонѣ останавливается со своими „солдатами и матросами“ персидскій посолъ Семенъ Константиновичъ Карамышевъ [1]). Между отрядомъ солдатъ и казаковъ завязывается драка, оканчивающаяся тѣмъ, что первыхъ перебили всѣхъ до смерти. Карамышевъ узнаетъ объ этомъ отъ одного уцѣлѣвшаго—„капрала островскаго(?)“ и подымается на казаковъ со всею своею „гвардіею“; но и тутъ побѣдителями являются казаки; самъ Карамышевъ погибаетъ въ битвѣ. Ермакъ съ товарищами пріѣзжаетъ въ Астрахань, предъявляетъ въ „таможнѣ“ свои товары, называетъ себя и своихъ спутниковъ заморскими купцами и начинаетъ торговать „безъ запрещенья.“

Но черезъ нѣсколько времени Ермака беретъ раздумье: онъ начинаетъ бояться отвѣтственности за свои разбои и грабежи и преимущественно за убійство Степана Карамышева.

„Какъ намъ на то будетъ отвѣтствовать?

(спрашиваетъ Ермакъ)

---

[1]) Подъ *персидскимъ посломъ* тутъ разумѣется, по всей вѣроятности, русскій посолъ въ Персіи. Поэтому мы считаемъ весьма неправильною поправку Сахарова, напечатавшаго:

„Мы убили посланничка *не* царскаго.“

Гораздо основательнѣе въ „Русской Старинѣ“ Корниловича, откуда заимствовалъ издатель сборника Кирѣевскаго,—записано:

„Мы убили посланничка *все* царскаго“,—

хотя тутъ слово *все* и не совсѣмъ кстати.

Въ Астрахани—жить нельзя,
На Волгѣ жить—ворами слыть,
На Яикъ идти—переходъ великъ,
Въ Казань идти—Грозенъ царь стоитъ,
Грозенъ царь осударь Васильевичъ;
Въ Москву идти—перехватаннымъ быть,
По разнымъ городамъ разосланнымъ
И по темнымъ тюрьмамъ разсаженнымъ [1]).
(Древн. Рос. Стих. 114).

Тѣмъ не менѣе, Ермакъ рѣшается нести повинную голову царю, предварительно завоевавъ для него Сибирь [2]). Маршрутъ казаковъ указанъ у Кирши Данилова весьма подробно и опредѣлительно. Сначала они идутъ въ Усолья къ Григорью Григорьевичу Строгонову и къ „господам Вороновымъ," гдѣ запасаются съѣстными припасами, пулями и порохомъ, и откуда направляются вверхъ по Чусовой рѣкѣ. Тутъ зимуютъ въ каменной пещерѣ. Дальнѣйшій путь: рѣка Серебряная, Жаровль, рѣка Баранча, Тагиль-рѣка, гора Магницкаго, рѣка Тура, рѣка Епанча, рѣка Тоболь; въ устьяхъ этой послѣдней, для отысканія пути къ „горѣ Тобольской" три ата-

---

[1]) О битвѣ съ Карамышевымъ находимъ подробно только у Кирши Данилова. Въ варіантѣ, перепечатанномъ у Кирѣевскаго изъ „Русской Старины" Корниловича, Ермакъ только упоминаетъ объ этомъ событіи. Вышеприведенное соображеніе Ермака встрѣчаемъ и въ другихъ варіантахъ, но тамъ оно является слѣдствіемъ раздумья казаковъ—гдѣ имъ зиму зимовать.

[2]) У Кирши Данилова ничего не говорится объ этомъ намѣреніи, но на самомъ дѣлѣ, какъ увидимъ ниже, оно осуществляется. Въ другихъ варіантахъ намѣреніе это ясно указывается: Ермакъ рѣшается „заслужить передъ грознымъ царемъ вину свою," завоевать сибирское царство и отдать его Ивану. (Кирѣевск. VI, 40, 41, 37).

мана раздѣляются: Ермакъ идетъ верхнимъ устьемъ, Самбуръ Андреевичъ—среднимъ, Анофрій Степановичъ—нижнимъ, „которое устье впало противъ самой горы Тобольскія.“ Самбуръ и Анофрій выплываютъ на Иртышъ—рѣку подъ самую Тобольскую гору, а Ермакъ—лукою Соуксанскою доходитъ до устья Сибирки рѣки. Затѣмъ уже путь въ Москву не обозначенъ [1]).

Путешествіе это тоже не обходится безъ битвы: Самбуръ и Анофрій встрѣчаются на рѣкѣ Иртыши съ „котовскими татарами“ и одерживаютъ надъ ними побѣду, благодаря хитрости: отправляясь въ путь, казаки дѣлаютъ много соломеныхъ чучелъ и сажаютъ ихъ въ лодки; татары стрѣляютъ—стрѣляютъ въ нихъ, а казаки все невредимы; ужасъ одолѣваетъ татаръ и они сдаются [2]), особенно когда получаютъ извѣстіе, что Ермакъ, дошедшій, какъ выше сказано, до рѣки Сибирки, взялъ въ плѣнъ ихъ царя Кучума. На мѣсто Кучума Ермакъ ставитъ „татарина Сабанака.“

Наканунѣ Свѣтлаго Христова Воскресенія пріѣзжаетъ Ермакъ въ Москву,—(по варіанту у Рыбникова—вмѣстѣ съ Ванькой Каинымъ). Ходатаемъ за себя передъ царемъ онъ выбираетъ все того же любимаго народнаго героя, Никиту Романовича [3]). Полное про-

---

[1]) Маршрутъ казаковъ опредѣлительно обозначенъ и въ вышеупомянутыхъ пѣсняхъ о помощи ихъ Ивану подъ Казанью. Они идутъ черезъ Астрахань, Царицынъ, Саратовъ, Вольской и Хвалынской, Сызрань, Самару, Жегулевскія горы. (Кирѣевск. VI, 24 и слѣд,)

[2]) По пѣснѣ, напечатанной у Рыбникова (II, 230), совѣтъ на счетъ соломеныхъ чучелъ даетъ Стенька Разинъ.

[3]) Только у Кирши Данилова. Въ остальныхъ варіантахъ Ермакъ является къ царю безъ всякаго ходатая. Чрезвычайно характеристиченъ слѣдующій варіантъ, о значеніи котораго мы будемъ говорить въ свое время: Когда Ермакъ является съ повинною головою къ Ивану, царь спрашиваетъ своихъ думныхъ бояръ, что ему сдѣлать съ кающимся раз-

щеніе слѣдуетъ за свиданіемъ царя съ Ермакомъ. Иванъ жалуетъ его „славнымъ—тихимъ Дономъ“ [1]).

На этомъ, однако, еще не останавливается пѣсня. Царь посылаетъ покорителя Сибири къ тѣмъ-же котовскимъ татарамъ, чтобъ взять съ нихъ „дани—выходы въ казну государеву.“ Года два управленія Ермака обходятся мирно; вдругъ татары взбунтовались,—взбунтовались какъ разъ въ то время, когда при немъ было очень немного казаковъ—всего на двухъ коломенкахъ.

„И билися—дралися съ татарами время не малое.
И для помощи своихъ товарищевъ
Онъ, Ермакъ, хотѣлъ перескочити
На другую свою коломенку,
И ступилъ на переходню обманчивую,
Правою ногою поскользнулся онъ,
И та переходня съ конца верхняго
Подымалася и на его опущалася,
Разшибла ему буйну голову
И бросила его въ тое Енисей—быстру-рѣку;
Тутъ Ермаку такова смерть случилась [2]).
(Древ. Рос. Стих. 122).

бойникомъ,—казнить иль вѣшать. Одинъ бояринъ отвѣчаетъ: „еще мало намъ Ермака казнити—вѣшати!“ и получаетъ въ отвѣтъ отъ Ермака: „Злодѣй бояринъ, не царской думчій! Безъ суда хочешь меня казнити-вѣшати!“ Послѣ этого Ермакъ убиваетъ боярина. (Сказанія Русскаго Народа. I, 244). Представляясь царю, Ермакъ называетъ себя „всѣхъ сиверныхъ странъ запечатальникомъ,“ а Иванъ говоритъ о немъ своимъ боярамъ, какъ о „сибирскомъ царѣ.“ (Рыбник. II, 231).

[1]) Кирѣевск. VI, 41.

[2]) Въ другихъ варіантахъ этого конца нѣтъ. Дѣло ограничивается прощеніемъ царя.

V. ОСАДА ПСКОВА, ПОХОДЪ КЪ СЕРПУХОВУ И ПРОКЛЯТІЕ ВОЛОГДѢ.

Пѣсня, относящаяся къ первому изъ этихъ событій, перепечатанная въ VI вып. сборника Кирѣевскаго изъ „Денницы“ 1834 г., гдѣ ее первоначально напечаталъ самъ Кирѣевскій, повидимому соединяетъ въ себѣ два, совершенно отдѣльныхъ эпизода: собственно объ осадѣ Пскова и объ осадѣ Волока.

Король—(конечно Стефанъ Баторій)—двѣнадцать лѣтъ собиралъ войско и, собравъ несмѣтную силу, пошелъ на три „стольныхъ“ города: Полоцкъ, Великіе Луки и Псковъ. Покоривши первый и второй, онъ осадилъ третій и послалъ посла требовать сдачи города, въ которомъ въ это время былъ воеводою уже встрѣчавшійся намъ Семенъ Константиновичъ Карамышевъ. Это какъ бы первая часть, потому что далѣе посолъ короля требуетъ у Карамышева сдачи „Волока.“ Русскій воевода отвѣчаетъ рѣшительнымъ отказомъ—и тогда происходитъ битва, оканчивающаяся побѣдой Карамышева и бѣгствомъ короля, которое сопровождается довольно обычнымъ въ нашихъ пѣсняхъ заклятіемъ:

„Не дай, Боже, мнѣ во Руси бывать,
Ни дѣтямъ моимъ и ни внучатамъ,
И ни внучатамъ, и ни правнучатамъ.“ [1])

---

[1]) Соединеніе здѣсь Пскова и Волока приводитъ г. Безсонова къ заключенію, что эта пѣсня состоитъ собственно изъ двухъ: одна былина переходитъ въ другую; Кирѣевскій тоже полагалъ, что названіе Волока вмѣсто Пскова взято изъ *другой* пѣсни, „вѣроятно похожей на эту содержаніемъ и напѣвомъ.“ Въ VII вып. сборника Кирѣевскаго дѣйствительно напечатана въ двухъ варіантахъ пѣсня объ осадѣ Волока, гдѣ дѣйствующимъ лицемъ являются тоже король и Карамышевъ и со-

Пѣсня о походѣ къ Серпухову не имѣетъ значенія ни въ историческомъ, ни въ литературномъ отношеніи и представляется какимъ-то, довольно непонятнымъ, отрывкомъ.

Съ огромною арміею, скопленною въ продолженіе тридцати лѣтъ, Иванъ Грозный идетъ къ Серпухову (неизвѣстно для чего) и, остановившись передъ городомъ, узнаетъ объ измѣнѣ одного изъ своихъ воеводъ, Максима Краснощокова — (лица, воспѣваемаго и въ пѣсняхъ послѣдующаго времени)—который, будто бы, передал-

---

держаніе которой отчасти даже буквально сходно съ содержаніемъ вышеупомянутой первой; (это замѣчаніе относится, впрочемъ, только къ 1-му варіанту, второй-же только первыми тремя стихами указываетъ на то, что и здѣсь дѣло идетъ объ осадѣ Волока или Пскова). Позволяемъ себѣ, однако, думать, что все это ничего не доказываетъ и что тутъ передъ нами не *двѣ* отдѣльныя пѣсни, соединенныя или смѣшавшіяся въ одну, а *одна* въ нѣсколькихъ варіантахъ,—и именно описывающая осаду *Пскова*, какъ одно изъ событій первостепенной важности. Сходство въ подробностяхъ эпизода, даже въ выраженіяхъ и словахъ, не позволяетъ, кажется, сомнѣваться въ этомъ. Что касается до названія Волока, то оно могло попасть сюда совершенно случайно, по ошибкѣ или забывчивости, весьма частыхъ въ подобныхъ случаяхъ. Это доказывается тѣмъ, что король требуетъ у Карамышева сдачи Волока, а черезъ два стиха послѣ того уже опять говоритъ: „Я на первомъ часу возьму *Опсковъ* градъ.“ Примѣръ такого простаго перепутыванья названій видимъ въ той-же пѣснѣ, напечатанной въ VII выпускѣ: король осадилъ *Волокъ*, а требуетъ сдачи *Москвы*.

У Сахарова (Сказ. Рус. Народа, Т. I, стр. 255) помѣщена таже пѣсня, но уже о Волокѣ вовсе не упоминается, а Карамышевъ замѣненъ Иваномъ Петровичемъ Шуйскимъ. Г. Безсоновъ (Кирѣевск. VI, 187) считаетъ ее не особою, а только передѣлкою напечатанной въ „Денницѣ“; но доказательство его, (относящееся къ слову *пропѣли*), слишкомъ

ся хану турецкому. На слѣдующее утро, Краснощоковъ возвращается, привозитъ съ собою двухъ „сорочиночекъ," дочерей татарскаго хана и отдаетъ ихъ въ даръ царю [1]).

Гораздо характеристичнѣе третья пѣсня, легендарнаго характера, касающаяся отношенія Ивана Грознаго къ Вологдѣ и записанная въ-этомъ же городѣ [2]).

Иванъ возымѣлъ намѣреніе основать „престольный градъ" въ Вологдѣ и началъ строить церковь во имя Успенія Божьей Матери, по образцу Успенскаго храма въ Москвѣ. Во время постройки, одинъ кирпичъ или, какъ онъ называется въ пѣснѣ, „плинѳа красная," вывалился изъ свода и ушибъ голову царю. Разгнѣванный, царь уѣзжаетъ въ Москву, проклиная городъ и рѣку, протекающую въ немъ.

„Отъ того проклятья царскаго
Мать сыра—земля трехнулася
И въ Насонъ—градѣ [3]) гористоемъ
Стали блата быть топучія.
Рѣка быстра славна Вологда

слабо. Не имѣя другихъ доказательствъ въ томъ, что Сахаровъ только заимствовалъ эту пѣсню у Кирѣевскаго, мы считаемъ ее свидѣтельствомъ въ пользу нашего мнѣнія, что осада Волока простая вставка, не имѣющая никакого значенія и отнюдь не приводящая къ заключенію о существованіи двухъ отдѣльныхъ пѣсень съ столь сходнымъ содержаніемъ.

[1]) Изв. Ак. Наук. T. I, въ прибавленіяхъ.

[2]) Русское Слово. 1859 г. № I.

[3]) Вологда въ этой пѣснѣ называется Насономъ—дѣйствительное названіе, въ прежнее время бывшее у этого города.

Стала быть рѣкой стоячею,
Водой мутною, вонючею,
И покрытая все тиною,
Скверной зеленью со плесенью [1]).

VI. СМЕРТЬ ИВАНА ГРОЗНАГО.

Пѣсни, относящіяся къ этому событію [2]) имѣютъ болѣе лирическій, чѣмъ эпическій характеръ, потому что большинство ихъ составляютъ различные „плачи“ по царѣ.

Дѣйствіе происходитъ уже по кончинѣ Ивана. Звонятъ въ большой колоколъ во всѣхъ церквахъ московскихъ, несется этотъ звонъ „по всей сырой землѣ“, и въ Успенскій соборъ съѣзжаются князья-бояре и люди ратные: царь лежитъ въ гробу....

„Въ головахъ у него стоитъ животворящій крестъ,
У креста лежитъ корона его царская,
Въ ногахъ его вострый, грозный мечъ,
Животворящему кресту всякій молится,
Золотому вѣнцу всякій кланяется,
А на грозенъ мечъ взглянетъ—всякъ ужахнется.
Вокругъ гроба горятъ свѣчи восковыя,
Передъ гробомъ стоятъ все попы—*патріархи*.
Они служатъ—читаютъ, память отпѣваютъ,

---

[1]) Признаки книжной поддѣлки здѣсь явны и въ слишкомъ правильномъ стихосложеніи и въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ,—но для насъ важны не эти частности, а основа, мысль пѣсни, несомнѣнно народная.

[2]) Кирѣевскій, VI, 205—212.

Отпѣваютъ память царю православному,
Царю Грозному Ивану Васильевичу".

На томъ и заканчивается эпическая часть пѣсни. Затѣмъ уже слѣдуютъ плачи царицы и войска, которые, какъ увидимъ ниже, находятся въ весьма близкомъ родствѣ съ такими же плачами по Петрѣ Великомъ. Царица сокрушается о томъ, что безъ Ивана „все царство помутилось" и происходитъ бунтъ *стрѣльцовъ*; войско—(собственно *сержантъ*)—взываетъ къ Ивану, чтобы онъ всталъ и посмотрѣлъ на свою армію, идущую въ походъ [1]).

Мы изложили всѣ событія царствованія Ивана Грознаго, составляющія содержаніе народныхъ пѣсень о немъ [2]). Но, кромѣ ихъ,

---

[1]) Въ одномъ варіантѣ походъ совершается въ Казань, и тутъже присоединены подробности осады Казани, отличныя отъ вышеприведенныхъ; въ другомъ упоминаются полки Семеновскій, Измайловскій и Петропавловскій.

[2]) Въ сборникѣ Кирѣевскаго напечатаны еще три пѣсни, или, вѣрнѣе, три варіанта одной и той-же пѣсни, разсказывающіе о заточеніи въ монастырь одной изъ женъ царя, при чемъ имя ея—Мароа Матвѣевна, упоминается только въ одномъ варіантѣ. Но въ пѣсняхъ этихъ нѣтъ никакого указанія на то, что тутъ дѣло идетъ объ Иванѣ Грозномъ: имя его не упоминается, ссылка жены въ монастырь не имѣетъ никакого историческаго, или даже близкаго къ историческому, основанія,—(можно бы, пожалуй, предположить, что тутъ народъ вспоминалъ судьбу послѣдней жены Ивана изъ рода Нагихъ, при жизни которой царь, какъ извѣстно, хотѣлъ жениться на англійской принцессѣ и которой поэтому, въ понятіи народа, не могло предстоять иной судьбы какъ заточеніе въ монастырь;—но такое объясненіе было бы во всякомъ случаѣ слишкомъ отдаленнымъ и гадательнымъ); наконецъ, въ прибавленіяхъ къ I т. Извѣстій Академіи Наукъ, откуда издатель сборника Кирѣевскаго заимствовалъ

есть еще пѣсни, которыя, не касаясь никакого событія, превосходно характеризуютъ воззрѣнія народа на *отношенія къ нему царя*. Это тѣ пять пѣсень, которыя издатель сборника Кирѣевскаго соединилъ подъ общею рубрикою „правежъ“ [1]).

Предоставляя себѣ еще обратиться къ этимъ пѣснямъ впослѣдствіи, мы здѣсь, согласно принятому плану, изложимъ только ихъ содержаніе.

Иванъ Грозный ѣдетъ по боярской площади въ Москвѣ, (а по одному варіанту въ Кіевѣ), и видитъ какъ „бурмистры—цѣловальнички“ бьютъ добраго молодца „на правежѣ.“ Царь спрашиваетъ о причинѣ: оказывается, что съ добраго молодца „пытаютъ“ гдѣ то добытыя имъ большія деньги—сорокъ тысячъ. Новый вопросъ со стороны Ивана: откуда онъ взялъ эту „золоту казну“ и куда дѣвалъ ее? Отвѣтъ по разнымъ варіантамъ различный: по одному—она отнята у разбойниковъ и состояла изъ денегъ и платья: деньги добрый молодецъ пропилъ на угощеніе „голи кабацкой,“ а платьемъ надѣ-

---

одинъ изъ напечатанныхъ имъ варіантовъ, (записанный священникомъ Фаворскимъ въ селѣ Павловѣ, нижегородской губерніи), въ примѣчаніи къ этой пѣснѣ читаемъ: „Это преданіе *можетъ* относиться къ царицѣ Аннѣ, супругѣ Іоанна Грознаго, скончавшейся и погребенной (около 1577 г.) въ Суздальской дѣвичьей обители; но *вѣроятнѣе* воспоминаетъ о царицѣ Соломоніи, супругѣ Василья Іоанновича, сосланной въ Суздальскій монастырь въ 1525 г. и скончавшейся тамъ въ 1542 г.“. При существованіи столькихъ *отрицательныхъ* указаній и неимѣніи ни одного *положительнаго*, мы не рѣшаемся отнести пѣсни, касающіяся этого эпизода, къ пѣснямъ объ Иванѣ Грозномъ и признаемъ наибольшую достовѣрность за вышеприведеннымъ мнѣніемъ о томъ, что здѣсь дѣло идетъ о Соломоніи.

[1]) Вып. VI, 194—201 и VII 54.

лилъ всѣхъ „босыхъ;“ по другому—это казна Соловецкаго монастыря, которую похитили—было разбойники и которую добрый молодецъ отбилъ у нихъ; по третьему—она отнята тоже у разбойниковъ и тоже пропита. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, (собственно въ двухъ, третій безъ конца), Иванъ велитъ бурмистрамъ заплатить доброму молодцу за безчестіе и за каждый ударъ. Кромѣ этихъ варіантовъ есть одинъ такой, въ которомъ къ Ивану приводятъ молодца, убившаго одного изъ его опричниковъ [1]), и, на вопросъ царя, за что онъ совершилъ это убійство, онъ отвѣчаетъ:

„Я убилъ его за дурны дѣла,
За худы слова.
Поносилъ онъ нашу святую Русь:
Тебя узывалъ кровопійцею;
Еще поносилъ православный людъ;
Урекалъ онъ насъ быть христьянами [2])
И холопами.
Татаръ величалъ людьми вольными,
Никому какъ быть не подручными.
А славенъ-то былъ онъ тобою, царь,
Твоей милостью!“

И царь милуетъ добраго молодца.

Приступая къ изложенію содержанія всѣхъ вышеприведенныхъ пѣсень, мы высказали замѣчаніе о количественной бѣдности ихъ. Принимая здѣсь слово „бѣдность“ въ относительномъ смыслѣ,—по отношенію къ богатству матеріала, представлявшагося для

---

[1]) Кирѣевск. VI, 201.

[2]) Опричникъ изображенъ „злымъ татарченкомъ“.

народнаго—и именно народнаго—творчества царствованіемъ Ивана Грознаго, мы полагаемъ, что предшествующія страницы достаточно свидѣтельствуютъ о справедливости этого мнѣнія. Мы видѣли, что народъ воспѣлъ—и притомъ съ весьма небольшими отличіями при полномъ сходствѣ въ существенныхъ подробностяхъ — всего шесть событій, изъ которыхъ одно—(единоборство Кастрюка) — совершенно выдуманное, а одно — (покушеніе на жизнь сына)— находится съ дѣйствительнымъ историческимъ фактомъ только въ отдаленной связи, какъ бы вызвано воспоминаніемъ о немъ [1]. Что же осталось *не* воспѣтымъ, по крайней мѣрѣ судя по тѣмъ пѣснямъ, которыя записаны и дошли до насъ? Для отвѣта на этотъ вопросъ намъ стóитъ припомнить главнѣйшія событія и явленія царствованія Грознаго—(конечно, не касаясь уже тѣхъ изъ нихъ, которыя послужили содержаніемъ вышеприведенныхъ пѣсень)—и притомъ такія, которыя заключали въ себѣ всѣ элементы, способные возбудить народное творчество.

Правленіе Елены Глинской съ страшными боярскими смутами и казнями, дикія забавы юнаго царя, проливающаго кровь невинныхъ, давящаго женъ, стариковъ и дѣтей—царя, который, говоря словами Карамзина [2], въ это время „не видалъ *печалей народа* и въ шумѣ забавъ не слыхалъ стенаній бѣдности, скакалъ на борзыхъ ишакахъ и оставлялъ за собою слезы, жалобы, новую бѣдность,"— прошли, судя по имѣющимся у насъ пѣснямъ, безслѣдно для народнаго творчества. Не дали матеріала этому послѣднему и знаменитые московскіе пожары съ народными бунтами, (о которыхъ въ пѣсняхъ

---

[1] Объ *исторической* вѣрности пѣсень будетъ сказано ниже, особо.

[2] Ист. Гос. Рос. Т. VIII, стр. 54.

нѣтъ ни одного слова), и происшедшая затѣмъ въ душевномъ настроеніи Ивана перемѣна, на которую, впрочемъ, встрѣчаемъ намекъ, или, вѣрнѣе, о которой отразилось только воспоминаніе въ нѣсколькихъ стихахъ пѣсни:

„Какъ было при старомъ при царѣ при Иванѣ Васильевичѣ;
Было время нехорошее, время нездоровое:
Только слышишь брани драки, все-то буйныя дѣла!
Вотъ настало времечко счастливое:
Ужъ и сталъ-то Грозный царь Россеюшку любить,
Сталъ Россеюшку любить, *чужи страны съ ней сводить* [1]).

Нигдѣ въ пѣснѣ не упоминаются изъ этой эпохи имена Сильвестра и Адашева, — тогда какъ, казалось бы, они именно должны были пользоваться въ народѣ особою популярностью: припомнимъ, что поручалъ Адашеву Иванъ въ первые дни его приближенія къ себѣ: „Вручаю тебѣ—говорилъ царь—челобитныя пріимати у бѣдныхъ и обидимыхъ, и назирати ихъ съ разсмотрѣніемъ. Да не убоишися сильныхъ и славныхъ, восхитившихъ чести на ся, и своимъ насиліемъ бѣдныхъ и немощныхъ погубляющихъ“ [2]).

---

[1]) Кирѣевск, VI, 42. Вторая половина послѣдняго стиха, конечно, позднѣйшая приставка и притомъ, по всей вѣроятности, грамотническая: народъ тогдашняго времени не сталъ-бы радоваться сближенію съ чужеземцами. Такъ какъ эта пѣсня записана отъ раскольника-старика, то въ такой книжной приставкѣ нѣтъ ничего удивительнаго; очень можетъ быть также, что она относится уже ко времени Петра Великаго и попала въ пѣсню объ Иванѣ подобно многимъ другимъ подробностямъ, переходившимъ, какъ увидимъ ниже, изъ ивановскихъ пѣсень въ петровскія и обратно.

[2]) Карамзинъ т. VIII, гл. III, прим. 184.

О покореніи астраханскаго царства—событіи тоже не малой важности—упоминается въ пѣсняхъ вскользь, нѣсколькими словами. Такъ, у Кирши Данилова (стр. 327) Иванъ, между прочимъ, хвалится, что онъ „взялъ Астрахань;" точно тоже объ этомъ упоминаетъ пѣсня, записанная Якушкинымъ (стр. 77): „взялъ господарство астраханское," и нѣкоторыя другія.

Затѣмъ, самымъ изумительнымъ пробѣломъ представляется полное умолчаніе о земщинѣ и опричнинѣ,—если не считать вышеприведенной пѣсни, (стр. 50), гдѣ отношенія опричниковъ къ народу обрисованы превосходно, но въ нѣсколькихъ стихахъ. О кровавыхъ тиранствахъ Ивана въ эту эпоху его царствованія молчитъ народное творчество, только изрѣдка, (см. выше, въ изложеніи эпизода о покушеніи на жизнь сына), большею частью словами самаго царя указывая на его жестокіе поступки съ боярами. Но только съ *боярами*; о томъ, что́ дѣлали съ народомъ—ни слова. А между тѣмъ, и народу жилось не легко, не смотря на то, что за нѣсколько дней до учрежденія опричнины, царь „увѣрялъ добрыхъ москвитянъ въ своей милости, сказывая, что опала и гнѣвъ его не касаются народа": сто́итъ вспомнить поощреніе дикихъ безчинствъ опричниковъ, казни въ Торжкѣ и Коломнѣ и т. п.

Идемъ дальше. Передъ нами—кровопролитіе въ Тверской области (по пути въ Новгородъ),—„убійства, грабежъ тамъ, гдѣ мирные подданные встрѣчали государя какъ отца и защитника."— „Домы, улицы—пишетъ Карамзинъ со словъ Таубе и Крузе—наполнились трупами; не щадили ни женъ, ни младенцевъ" [1]). Но все это—ничто въ сравненіи съ новгородскими ужасами. „Царь и В. К. съ сыномъ своимъ сѣлъ на судище, и повелѣ приводити изъ

---

[1]) Ист. Гос. Рос. т. IX, стр. 86.

В. Новагорода Владычнихъ Бояръ и служилыхъ Дѣтей боярскихъ, и *гостей*, и *всякихъ городцкихъ* и приказныхъ *людей и жены и дѣти*, и повеле предъ собою лютѣ мучити, и по многихъ неисповѣдимыхъ мукахъ тѣлеса ихъ нѣкоею составною мудростію огненною поджигати, иже именуется поджаръ; и повелѣваетъ Государь своимъ Дѣтемъ Боярскимъ тѣхъ мучимыхъ и поджаренныхъ за руки и за ноги и за головы опоко вязати различно тонкими ужи, по человѣку и быстро за саньми влещи на великій Волховскій мостъ, и повелѣ ихъ съ мосту метати во рѣку" и т. д. Казни въ Москвѣ и безчинства Грознаго въ это время достойно дополняютъ картину страшныхъ годовъ.

Но пѣсня не говоритъ объ этихъ ужасахъ. Только изрѣдка самъ Иванъ похвалится, что онъ вывелъ измѣну изъ Пскова и Новгорода, или сынъ царскій (см. выше, стр. 23 и 24) разскажетъ, какъ они съ отцемъ въ Новгородѣ „сѣкли, кололи и на колъ сажали," но разскажетъ мимоходомъ, только потому, что эта подробность нужна какъ завязка для совершенно посторонняго эпизода.

Война литовская, ливонская и дѣла крымскія также остались нетронутыми.

Въ чемъ-же причина этого явленія?

Г. Безсоновъ, разсуждая о пѣсняхъ Петровскаго времени и замѣчая, что не все изъ этой эпохи дошло до народа, что „народъ не пережилъ всего того, что́ имѣло мѣсто внѣ его, въ дѣлахъ политическихъ, общественныхъ и религіозныхъ," говоритъ: „Народъ не лѣтопись, не актъ, не документъ, не перо и не печать: не записываетъ подъ рядъ, не удерживаетъ во внѣшнемъ памятникѣ сплошной полноты дѣйствительной; намѣренно не сочиняетъ, не оставляетъ по себѣ исторію. Отпечатлѣлось здѣсь только то, что *дошло до народнаго сознанія*: въ немъ отозвалось и удержалось, въ

немъ оставило слѣды и изъ него воздвиглось особымъ памятникомъ, какъ памятью прожитаго и двигателемъ будущаго" [1]).

Справедливое, по общему своему смыслу, замѣчаніе это можно было бы примѣнить и къ пѣснямъ объ Иванѣ Грозномъ и въ немъ искать объясненія количественной бѣдности этихъ пѣсень, еслибъ въ нихъ не поражало отсутствіе отпечатлѣнія именно многаго такого, что могло и должно было *дойти до народнаго сознанія.* По мнѣнію Кирѣевскаго [2]), „въ пѣсняхъ о Іоаннѣ Грозномъ народъ сохранилъ воспоминаніе только о свѣтлой сторонѣ его характера. Онъ поетъ о славномъ завоеваніи Казани и Астрахани; о православномъ царѣ, которому преклоняются всѣ орды татарскія; объ его любви къ русскому народу и его радости, когда русскій удалецъ, на его свадебномъ пиру, поборолъ его гордаго шурина, черкасскаго князя; но не помнитъ ни объ его опричникахъ, ни объ другихъ его темныхъ дѣлахъ. Такая память народа, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ полное вниманіе историковъ." Этотъ идиллическій взглядъ, который, какъ намъ случалось слышать въ частныхъ бесѣдахъ, раздѣляютъ многіе, рѣзко опровергается указаніями самихъ же пѣсень, на которыя ссылается Кирѣевскій.

„Ужъ настали годы злые на Московскій народъ
(поется въ одной пѣснѣ).

Какъ и сталъ православный царь грознѣй прежняго:
Онъ за правду—за неправду дѣлалъ козни лютыя" [3]).

Роднаго сына Иванъ осуждаетъ на казнь, а когда ему приносятъ на серебряномъ блюдѣ голову мнимо-умерщвленнаго сына, онъ

---

[1]) Кирѣевск. VII, стр. X (Замѣтка).
[2] Въ предисловіи къ I выпуску, стр. V.
[3] Кирѣевск. VI, 205.

замѣчаетъ: „собакѣ собачья смерть!“ [1]) Бояръ онъ зашиваетъ въ медвѣжьи шкуры, варитъ въ котлѣ, сажаетъ на колъ. Въ Новгородѣ дѣлаетъ тоже самое съ жителями. Не думаемъ, чтобы все это можно было назвать „свѣтлыми сторонами характера.“

Въ чемъ же, повторяемъ, причина относительной бѣдности пѣсень и относительной *внутренней* незначительности ихъ, заключающейся въ томъ, что предметы менѣе важные, (напр. единоборство Кастрюка), воспѣты въ большомъ количествѣ варіантовъ, тогда какъ другіе, долженствовавшіе гораздо ближе интересовать народъ, касавщіеся гораздо ближе его внутренней и внѣшней жизни, или остались вовсе нетронутыми, или были упомянуты вскользь, какъ-бы мимоходомъ?

Что касается до бѣдности, то мы полагаемъ, что объяснить ее можно тѣмъ же, чѣмъ мы объясняемъ малое количество историческихъ пѣсень вообще [2]), т е. потерею ихъ въ слѣдствіе слишкомъ

---

[1]) Кирѣевск. VI,

[2]) Приведемъ здѣсь кстати мнѣніе по этому предмету, высказанное еще покойнымъ Кирѣевскимъ, (см. предисловіе къ I вып. его сборника): „Историческихъ народныхъ пѣсень—говоритъ онъ—дошло до насъ немного, если сравнить ихъ количество съ огромною массою пѣсень другихъ разрядовъ; и это едво-ли могло быть иначе, не смотря на живое участіе, которое русскій народъ всегда принималъ въ событіяхъ отечества. Именно тотъ слой народа, который шелъ во главѣ *историческаго* движенія Россіи и потому естественно былъ ближайщимъ хранителемъ изустнаго историческаго преданія, сначала прошедшаго вѣка принялъ надолго направленіе, неблагопріятное для сохраненія родныхъ воспоминаній; а остальной народъ, и до сихъ поръ еще не отвыкшій пѣть народныя пѣсни, могъ *сохранить въ памяти только немногіе отпечатки главныхъ эпохъ исторіи.*“ Мы подчеркнули именно тѣ слова, которыя, по нашему мнѣнію, сами-же отчасти опровергаютъ заключеніе Кирѣевскаго: въ томъ-то и дѣло, (какъ указали мы выше), что *многія*

позднаго начала записыванія или тѣмъ обстоятельствомъ, что многія изъ нихъ, можетъ быть, *еще* не записаны. Извѣстно, какъ умножилось въ послѣднее время число русскихъ народныхъ пѣсень, въ слѣдствіе того, что чуть не каждый день то въ томъ, то въ другомъ уголкѣ Россіи открываются или совсѣмъ новыя пѣсни, или новые варіанты. Разительнымъ примѣромъ такихъ неожиданныхъ открытій можетъ служить VIII-й т. сборника Кирѣевскаго, который— (хотя, надо замѣтить, очень большую часть его составляютъ уже прежде напечатанныя, но здѣсь какъ бы извлеченныя изъ забвенія и искусно сгрупированныя пѣсни)—вдругъ измѣнилъ существовавшее въ публикѣ воззрѣніе на отношенія народа къ Петру.

Изъ этого объясненія вытекаетъ само собою объясненіе и вышеупомянутой внутренней незначительности, т. е. эту послѣднюю мы можемъ покамѣсть считать только *предположительною*. Но тутъ представляется намъ возможность существованія еще одной причины. Царство ваніе Ивана Грознаго представляетъ весьма мало свѣтлыхъ и весьма много темныхъ сторонъ; страшныя казни, убійства и т. п., совершавшіяся чуть не каждый часъ въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, обрушивались не только на ненавистныхъ народу бояръ, но и на самый народъ—(стóитъ вспомнить погромъ новгородскій и дѣятельность опричниковъ); эти событія не могли не поражать его ужасомъ, не могли не дѣйствовать на его мысль и фантазію,—но могъ-ли онъ *открыто* говорить, пѣть о томъ, о чемъ страшно было и шептаться въ четырехъ стѣнахъ? Доносы были дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, палачей Ивану было не зани-

---

главныя епохи исторіи остались совершенно нетронуты народнымъ творчествомъ, тогда какъ другія, имѣющія, относительно, гораздо менѣе значительную важность, являются изображенными въ пѣсняхъ.

мать стать,—„десятками и полуторами“ сходились они на его зовъ, какъ выражается пѣсня (см. выше),—казнь и убійство совершались съ быстротою молніи, всякій мало-мальски неосторожный шагъ, слово, движеніе считались измѣною—(не даромъ, какъ мы видѣли, *выводъ измѣны* царемъ такъ часто упоминается въ пѣснѣ). Владыка московскій былъ не укротителемъ этихъ безчинствъ, но главнымъ виновникомъ ихъ, - а при этомъ условіи не должна-ли была печать молчанія сковывать уста народныя? Что ужасы Иванова царствованія не проходили въ *народномъ сознаніи*, (о которомъ говоритъ г. Безсоновъ), незамѣченными, что они давали пищу народному творчеству,—это мы видѣли изъ намековъ, отдѣльныхъ стиховъ, попадающихся въ пѣсняхъ; но именно то обстоятельство, что эти намеки, упоминанія вскользь существуютъ, — приводятъ насъ къ предположенію, что *страхъ высказаться вполнѣ* могъ быть одною изъ главныхъ причинъ того, что бѣглыя, краткія указанія не развились въ такія, относительно цѣлыя произведенія, съ какими мы встрѣчались на предшествующихъ страницахъ. Оставались стороны свѣтлыя или такія, воспѣваніе которыхъ не представляло опасности,—а ихъ, повторяемъ, было немного. Скажутъ, что все это, высказываемое нами, не болѣе какъ догадка, не основанная ни на какихъ положительныхъ данныхъ; что-же дѣлать, если при нынѣшнемъ состояніи науки русской народной словесности, гадательныя предположенія должны еще, къ сожалѣнію, нерѣдко играть такую значительную роль!

Изъ всего сказаннаго, однако, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы мы придавали маловажное значеніе пѣснямъ объ Иванѣ Грозномъ; далеко напротивъ того,—мы считаемъ ихъ однимъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ народнаго творчества, что́ и постараемся показать въ общей характеристикѣ. Но предварительно переходимъ ко вто-

рому отдѣлу нашего изслѣдованія—указанію на сродство этого цикла пѣсень, съ одной стороны съ богатырскимъ эпосомъ, съ другой—съ историческими пѣснями послѣдующаго времени, и, преимущественно, Петровскими.

По отдѣльнымъ подробностямъ, образамъ, даже выраженіямъ, цѣлымъ стихамъ, пѣсни объ Иванѣ Грозномъ находятся въ самой тѣсной связи съ былинами Владимірова цикла, и г. Безсоновъ справедливо замѣчаетъ, что „Москва явилась тѣмъ-же чтó для древности Кіевъ, Грозный—своего рода Владиміромъ, а историческіе герои—наслѣдниками старыхъ богатырей" [1]).

Прослѣдимъ теперь въ отдѣльности эти подробности, чтобы потомъ вывести общее заключеніе.

Иванъ Грозный, стоящій въ пѣсняхъ на чисто-исторической почвѣ,—до такой степени исторической, что, какъ мы видѣли, пѣсня хронологически отличаетъ *великаго князя* отъ *царя московскаго*,—сохраняетъ однако въ глазахъ народа древній эпическій характеръ. Пѣсня прямо называетъ его *богатыремъ* [2]),—и это весьма

---

[1]) Кирѣевск. VII, Дополненія, стр 104.

[2]) Кирѣевск. VI, 178.

„Какъ въ матушкѣ въ каменной Москвѣ
У того то было *царя-богатыря*,
У Ивана-то свѣтъ Васильевича..."

Въ томъ-же пересказѣ упоминается *богатырскій посвистъ* Ивана.

естественно въ то время, когда *богатырство* признавала и лѣтопись [1]). Разъ породнивъ царя съ богатырскою семьею, народная фантазія, очевидно, могла приравнять его въ этомъ отношеніи только съ средоточіемъ этой семьи—княземъ Владиміромъ. И дѣйствительно, Иванъ является такимъ средоточіемъ; вокругъ него группируются князья, бояре, вельможи, поляницы удалые, богатыри—могучіе, купцы и т. п.,—т. е. тѣ самыя лица, которыя постоянно окружаютъ Владиміра [2]). Этою постоянною свитою Иванъ является окруженнымъ въ тѣхъ самихъ случаяхъ, когда выступаетъ съ нею передъ нами и Владиміръ,—т. е. на пирахъ. Пиръ и тутъ и тамъ называется „столованьемъ—почестнымъ пиромъ." Иванъ расхаживаетъ между пирующими и, поглядывая въ окно, „черныя кудри разчесываетъ частымъ гребешкомъ" [3]). Точно также Владиміръ:

„По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
Черны кудри разчесываетъ [4]).

Обыкновенное занятіе гостей—похвальба. Мы уже выше замѣтили, что у Ивана она представляется какъ бы необходимымъ дѣломъ, потому что царь спрашиваетъ: „что-жъ у меня въ бесѣдѣ никто ничѣмъ не хвастуетъ"? Точно тоже у Владиміра; и онъ спрашиваетъ одного изъ богатырей, Данилу Игнатьевича:

„А што-же ты, Данилушка Игнатьевичъ:

---

[1]) Царственная Книга, Спб. 1769 г. стр. 150. „Того же мѣсяца пріѣхали Казанскіе люди на Галицкія мѣста воевати многіе люди; а въ большихъ у нихъ былъ *Аракъ богатырь*",

[2]) Мы не цитируемъ здѣсь тѣхъ мѣстъ, гдѣ встрѣчается это исчисленіе, потому что встрѣчается оно чуть не во всякой пѣснѣ, гдѣ Владиміръ появляется со своею свитою.

[3]) Кирѣевск. VI, 55.

[4]) Ibid. II, 18.

А не пьешь да ты не ѣшь, да ты не кушаёшь,
И ничимъ-же ты, Данило, вндь не хвастаёшь?"
(Кирѣевск. III, 42).

Хвастаются и Владиміровы богатыри, и Ивановы однимъ и тѣмъ-же.

У Ивана:

„Инный хвастаетъ несчетной золотой казной,
Инный хвастаетъ силой—удачей молодецкою,
Инный хвастаетъ добрымъ конемъ,
Инный хвастаетъ славнымъ отечествомъ,
Инный молодымъ молодечествомъ;
Умный-разумный хвастаетъ старымъ батюшкомъ,
Старымъ батюшкомъ да старой матушкой,
Безумный дуракъ хвастаетъ молодой женой.
(Рыбник. II, 211).

У Владиміра:

„Богатырь хвастатъ силушкой великою,
Инный хвастатъ добрымъ конемъ,
Инный хвастаетъ безсчетной золотой казной,
А разумный хвастаетъ родной матушкой,
А безумный хвастаетъ молодой женой.
(Рыбник. I, 146).

Когда богатырямъ дается порученіе для нихъ непріятное или почему нибудь опасное, то пріемъ, употребляемый ими для того, чтобы избавиться отъ этого порученія, совершенно одинъ и тотъ-же и въ Ивановскихъ и во Владиміровскихъ пѣсняхъ.

У Ивана:

„Меньшій хоронится за большаго,
Большій хоронится за меньшаго."
(Рыбник. I, 391).

Или:

„Другъ за друга туляются и окучаются,
Большій за средняго, средній за меньшаго,
Съ меньшаго отвѣта нѣтъ.

(Ibid. II, 214).

У Владиміра:

„Большой князь хоронится за средняго,
А середній хоронится за меньшаго,
А отъ меньшаго и отвѣту нѣтъ.

(Кирѣевск. III, 53).

Или тоже:

„Большій *туляется* за середняго,
Середній туляется за меньшаго.

(Рыбник. II, 45).

Богатыри Ивана и вообще лица, окружающія его или приходящія съ нимъ въ сношеніе, надѣлены весьма часто свойствами эпическихъ героевъ. Такими лицами представляются: Никита Романовичъ, Кастрюкъ, борцы, дерущіеся съ этимъ послѣднимъ.

О богатырскихъ свойствахъ Никиты Романовича мы уже упоминали. Никита носитъ людей подъ полою (см. выше стр. 27) или за пазухой [1]), подобно тому какъ везетъ въ карманѣ Илью Муромца Святогоръ, или Добрыню — Настасья Никулична [2]), или какъ Илья Муромецъ носитъ подъ одной пазухой князя Владиміра, а подъ другой—его жену [3]), или какъ онъ же идетъ, держа подъ пазуха-

---

[1]) Рыбник. I, 401.
[2]) Рыбник. I, 128.
[3]) Кирѣевск. I, 30.

ми по сороковой бочкѣ [1]). Оружіе его—обычное оружіе богатырей, именно булатная палица; онъ скачетъ, держа ее подъ мышкой. Тридцать богатырей, сидящихъ у него, напоминаютъ встрѣчающееся въ пѣсняхъ Владимірова цикла такое-же число ихъ [2]). Конь его—знаменитая въ сказкахъ и пѣсняхъ бурка—кавурка или та самая водовозная кляча, на которой скачетъ Илья Муромецъ. Ниже мы встрѣтимъ еще Никиту въ еще болѣе эпической обстановкѣ.

Самымъ близкимъ образомъ роднится съ дѣйствующими лицами былинъ Кастрюкъ. Собственно историческое лице [3]), онъ въ пѣснѣ имѣетъ за собою историческаго только то что пріѣзжаетъ въ Россію вмѣстѣ со своею сестрою;—затѣмъ, все уже относится къ области фантазіи въ совершенно эпическомъ духѣ. Всматриваясь въ подробности его пріѣзда въ Москву, пребыванія въ ней и т. д., мы приходимъ къ заключенію, что онъ, въ нѣкоторыхъ чертахъ, есть ничто иное, какъ видоизмѣненіе Калина, Батыя, Идолища Поганаго и т. п. темныхъ, преимущественно *татарскихъ* силъ, которыя приходили на Русь съ враждебными замыслами и со срамомъ удалялись изъ нея. Сходство здѣсь не только въ сущности дѣла, но и въ выраженіяхъ.

Мы указывали выше (стр. 14) на варіантъ, въ которомъ Кастрюкъ пріѣзжаетъ въ Москву не какъ братъ царицы, въ слѣдствіе ея замужства. Этотъ пріѣздъ его описывается въ пѣснѣ такъ: Ка-

---

1) Рыбник. I, 64.

2) Рыбник. I, 103.

3) У Карамзина, т. IX, 59, встрѣчаемъ брата царицы, князя Михаила Темрюковича Черкасскаго палачемъ казначея царскаго, Хозяина Юрьевича Тютина.

стрюкъ и царица крымская останавливаются не доѣзжая до Москвы; Кастрюкъ „пишетъ ерлыкъ скорописчатый“ и, посылая съ нимъ въ Москву посла, наказываетъ ему:

„Ай-же ты, молодой посолъ!
Нейдь прямо воротами,
А идь чрезъ стѣну городовую,
Прямо на царскій дворъ;
Ко крылечку переному,
Ко столбу ко точеному,
Ко колечку золоченому.
Прикуивай-привязывай
Своего коня добраго;
А поди въ палату бѣлокаменну,
Въ гривню [1]) столовую,
Бѣлаго лица не крести,
А государю челомъ не бей,
А грамоту посольную
Положи на дубовый столъ,
Говори царю не съ укладкою,
Говори со прикладкою:

Слѣдуетъ затѣмъ приглашеніе дать Кастрюку „борчика удала добра молодца,“ ибо иначе Кастрюкъ

„Все царство твое приплѣнитъ
И головней покатитъ,
А тебя царя въ полонъ возьметъ.“

---

[1]) Вѣроятно, гридню.

Точно также Калинъ, пріѣзжая подъ Кіевъ, посылаетъ къ Владиміру посла съ наказомъ:

„Поѣзжай-ка ты, посолъ, въ стольно-Кіевъ градъ
Ко ласкову князю ко Владиміру на широкій дворъ,
И спущай-ка ты коня на посыльный дворъ,
Самъ поди въ палату бѣлокаменну,
Креста не клади по писаному,
Поклоновъ не веди по ученому
И не бей челомъ на всѣ стороны
Ни самому-то князю Владиміру,
Ни его князьямъ подколѣннымъ,
И полагай ты грамоту посыльную на золотъ стулъ,
И пословесно князю выговаривай.“

(Рыбн. I, 107).

Въ другой пѣснѣ, (гдѣ Калинъ называется Каиномъ-царемъ), Калинъ, посылая къ Владиміру Тугарина, приказываетъ ему, совершенно какъ въ вышеприведенной пѣснѣ о посольствѣ Кастрюка, класть письма на *дубовой столъ* и „говорить съ царемъ не съ упадкою“ [1]). Располагается Кастрюкъ передъ Москвою совершенно также, какъ Батый передъ Кіевомъ. Именно, Кастрюкъ и царица крымская—

Середи поля чистаго,
Середи луга зеленаго,
Шатры раздёрнули
Бѣлополотняные,

---

[1]) Рыбн. III, 214.

Столы разставили
Бѣлодубовые
И пишетъ ярлыкъ скорописчатый.
(Рыбн. III, 257).

Батый—

Выходилъ на крутъ—красёнъ бережекъ,
Раздернулъ былъ—полотняный шатеръ,
Поставилъ въ шатеръ дубовый столъ,
Писалъ ярлыки скорописчаты.
(Кирѣевск. IV, 39).

Даже крыльце съ его „точенымъ столбомъ“ и „золоченымъ колечкомъ“ встрѣчается и въ былинѣ, и въ пѣснѣ о Кастрюкѣ.

Цѣль пріѣзда Кастрюка—единоборство, встрѣчается и въ былинахъ. Такъ, Идолище Поганое посылаетъ къ Владиміру требовать, чтобы князь

„Ладилъ-бы онъ ему поединщика,
Супротивъ его силушки супротивника.“
(Рыбн. I, 85).

Угрозы—однѣ и тѣже. Кастрюкъ, какъ мы видѣли, хочетъ взять въ плѣнъ и московское царство, и самаго царя, брать пошлины съ московскихъ людей, „запереть всю каменну Москву“ и т. п. Враждебныя, темныя силы, пріѣзжающія къ Владиміру или, вѣрнѣе, на Владиміра, обнаруживаютъ такіе же замыслы. Батый, подступивъ подъ Кіевъ, похваляется:

„Сильныхъ богатырей подъ мечъ склоню [1]),

---

[1]) О такомъ-же „склоненіи подъ мечъ“ говоритъ Иванъ, разсказывая о взятіи Казани.

Князя со княгинею въ полонъ возьму;
Божьи церкви на дымъ спущу" и т. д.
(Кирѣевск. VI, 41).

Самый процессъ единоборства Кастрюка весьма сходенъ въ главныхъ подробностяхъ съ единоборствомъ богатырскаго эпоса, которое вообще играетъ въ этомъ послѣднемъ весьма важную роль. Наиболѣе часто, какъ мы уже замѣтили выше, встрѣчается здѣсь, въ концѣ битвы, „вылупленіе изъ платья," вытряхиваніе. Васенька Хромоногенкой „изъ платья его (Кастрюка) нагаго вылупилъ" [1]; Иванушка Маленькій спрашиваетъ у царя:

„Еще какъ мнѣ-ка съ нимъ идти боротися:
Еще или намъ рука — нога вонъ выворотить,
Еше или намъ буйна голова выставить,
Изъ рубашки-ли повылупить?
(Кирѣевск. VI, 160).

Точно также поступаетъ Илья Муромецъ съ Идолищемъ. Онъ—

„ . . . бросилъ татарина о дубовый полъ,
И тутъ ему руки и ноги повыломалъ,
И глаза—то ему повыкопалъ,
И изъ платья вонъ повытряхнулъ.
(Рыбн. III, 31).

Затѣмъ, слѣдуетъ въ пѣснѣ подбрасываніе вверхъ (см. выше, стр. 20). Въ былинахъ Владимірова цикла оно встрѣчается очень часто. Илья подбросилъ злаго татарченка „повыше дерева стояча-

---

[1]) Въ сборникѣ Якушкина напечатано: *ногой* вылупилъ; издатель сборника Кирѣевскаго справедливо поправилъ *нагого*.

го, пониже облока ходячаго“ [1]); тоже дѣлаетъ онъ съ Бориской, Збутомъ Королевичемъ, и т. п. [2]).

Ломанье ногъ, выкапыванье глазъ, киданье о́ земь и т. п. тоже прямо взяты изъ былинъ Владимірова цикла. Припомнимъ для примѣра былину о Потыкѣ, которому

„Теменемъ языкъ повытянули
Ясны очушки ему повыкопали [3]),—

и только что приведенную цитату о поединкѣ Ильи Муромца съ Идолищемъ.

Результатъ единоборства въ многихъ варіантахъ пѣсень о Кастрюкѣ тотъ же, что́ и въ пѣсняхъ о борьбѣ съ *злыми татарами*. Кастрюкъ убѣгаетъ со словами:

„Да не дай Богъ мнѣ больше бывать
Въ твоей каменной Москвѣ,
А не то бы мнѣ, да и дѣтямъ моимъ.“
(Кирѣевск. VI, 143).

Въ былинѣ о нашествіи Калина, татары, убѣгая отъ Ильи Муромца, заклинаются:

---

[1]) Кирѣевск. I, 6.

[2]) Ibid. 10, 12. Не наше дѣло говорить здѣсь о значеніи всѣхъ этихъ единоборствъ, подбрасываній и т. п., только *зашедшихъ* въ историческую пѣсню, но составляющихъ спеціальную принадлежность произведеній, не входящихъ въ кругъ нашего изслѣдованія;—значеніе это, какъ и вообще миѳическая сторона богатырскаго эпоса, съ самою большою полнотою разъяснены въ сочиненіи г. Миллера: „Сравнительно-критическія наблюденія надъ слоевымъ составомъ народнаго русскаго эпоса.“ Мы просто отмѣчаемъ здѣсь главные факты, свидѣтельствующіе о близости эпоса богатырскаго съ эпосомъ историческимъ.

[3]) Такую же казнь Иванъ Грозный готовилъ своему сыну. (Кир. VI, 57).

„Не дай Богъ намъ бывать ко Кіеву,
Не дай Богъ намъ видѣть русскихъ людей!
(Древн. Рос. Стихотв. 281).

Точно тоже Батыга, уѣзжая въ свою землю, „проклинается“:

„Не дай, Боже, бывать,
И подъ Кіевомъ стоять.“

На сверхъестественныя свойства и внѣшность Кастрюка мы уже указывали. Въ былинахъ его змѣиному шипу и звѣриному реву соотвѣтствуютъ такія-же дѣйствія Соловья-Разбойника; его походку отъ которой „перекладды сгибаются, подмосты колыблются“ встрѣчаемъ, напр. у Ильи Муромца и Добрыни, подъ которыми тоже, когда они идутъ, „ступененки, мостинки подгибаются“ [1]); его прыганье черезъ столы также не диковинка для богатырей; это дѣлаютъ даже женщины, напр. жена Добрыни [2]); отъ него „ползаютъ на корачкахъ“ точно также какъ попалзъ Владиміръ отъ свиста Соловья-Разбойника.

---

[1]) Рыбник. I, 99, 100.

[2]) Рыбн. I, 145. Скачущимъ представляется, между прочими, Дунай Ивановичъ. Ibid. 190. Въ новгородскомъ циклѣ одною ногою переступаетъ черезъ дубовый столъ Василій Буслаевъ,—и его дѣйствія въ слѣдъ за тѣмъ живо напоминаютъ послѣдствія скачка Кастрюка, хотя не въ столь трагической формѣ:

„Онъ лѣвой ногой въ гридню столовую,
А правой ногой за дубовый столъ,
За дубовый столъ, въ большой уголъ,
И тронулся на лавочку въ пестно углу,
И попехнулъ Василій правой рукой,
Правой рукой и правой ногой:
Всѣ стали гости въ пестно углу;
И тронулся на лавочку къ верно-углу,

Борцы, одерживающіе надъ Кастрюкомъ побѣду, неоднократно дѣйствуютъ въ былинахъ. У Владиміра, какъ у Ивана, есть свои борцы, спеціально занимающіеся этимъ дѣломъ.

„Таковы люди были въ Кіевѣ,
Нарочны борцы, удалы молодцы."
(Кирѣевск. IV, 63).

и указывается даже число ихъ—семь. Но по описанію, противникамъ Кастрюковымъ болѣе соотвѣтствуютъ драчуны изъ цикла новгородскаго. Потанька и Васенька дѣйствуютъ какъ товарищи Василія Буслаева, при чемъ и прозвища ихъ остались одни и тѣ же, только съ нѣкоторыми измѣненіями; (такъ въ пѣснѣ о Кастрюкѣ *хроменькимъ* являются Вася и Илеюшка, а *маленькимъ* Иванушка, а въ пѣсняхъ о Василіѣ Буслаевѣ хроменькимъ видимъ Потанюшку, маленькимъ-Васеньку). Но эти измѣненія, конечно, не имѣютъ никакого значенія, составляя явленіе весьма частое и естественное; для насъ гораздо важнѣе, что и тутъ и тамъ за русскими борцами сохранился характеръ убожества, *видимой* физической слабости, не мѣшающій, имъ однако, являться богатырями въ борьбѣ съ темными, враждебными силами, которыя и по внѣшности—существа сверхъестественныя. Васенька Хромоногенькой „на лѣву ножку припадываетъ, по двору прихрамываетъ", а между тѣмъ одной этой ножкой онъ подхватываетъ громаднаго Кастрюка и мечетъ его о кирпичный полъ съ такою силою, что у татарина „на брюхѣ кожа

И попехнулъ лѣвой рукой, лѣвой ногой:
Всѣ стали гости на новыхъ сѣняхъ.
Другіе гости перепалися,
Отъ страху по домамъ разбѣжалися.
(Рыбник. I, 339).

трёснула“ и „на хребтѣ кожа лопнула“ [1]). Потанюшка, Буслаевскій товарищъ, тоже „на праву ножку припадываетъ, на лѣву ножку прихрамываетъ“, что́ не мѣшаетъ ему, въ сообществѣ Котельной Пригарины, выдерживать въ теченіе трехъ сутокъ бой со всѣмъ Новгородомъ,—или стоять, не шелохнувшись, такъ что даже „черныя кудри не тряхнутся,“ когда Буслаевъ, со всего размаха, бьетъ его въ голову червленнымъ вязомъ [2]).

Презрѣніе богатыря къ повидимому слабымъ противникамъ выражается также и въ былинѣ и въ исторической пѣснѣ одинаково, въ однихъ и тѣхъ-же выраженіяхъ. Какъ Кастрюкъ хвалится, что онъ своихъ поединщиковъ „на ладонь посадитъ, другой рукой раздавитъ,“ такъ и Идолище Поганое говоритъ объ Ильѣ Муромцѣ:

„Кабы былъ здѣсь Илья Муромецъ,
На доло́нь бы посадилъ, да другой прижалъ,
Межъ доло́нями мокро̀ бы повыжалось.“

(Кирѣевск. IV, 24).

Пропускаемъ другія мелкія подробности, роднящія поединщиковъ Кастрюковыхъ съ личностями богатырскаго эпоса и остановимся еще на одномъ лицѣ, въ которомъ это родство выражается весьма ясно и характеристично. Это—Марья Темрюковна, жена Ивана Грознагө.

Личность несомнѣнно историческая [3]), она, однако, стоитъ на миѳической почвѣ, являясь колдуньей, чаровницей, вообще одною изъ тѣхъ темныхъ силъ, олицетворенныхъ въ видѣ женщины, съ которыми мы такъ часто встрѣчаемся въ старыхъ былинахъ. Такое изображеніе Марьи Темрюковны имѣетъ, какъ мы увидимъ ниже

---

[1]) Якушкинъ, 73.
[2]) Кирѣевск. V, 4, 6, 11.
[3]) Ист. Гос. Рос. Т. IX, 20.

и чисто историческое основаніе; здѣсь укажемъ на черты, роднящія эту женщину съ женщинами былинными.

Описаніе ея въ пѣснѣ уже извѣстно намъ; припомнимъ подробность о ядовитыхъ рубашкахъ [1]). Точно также дѣйствуетъ и соблазнительница Добрыни, Марина, (къ которой ближе всего подходитъ Марья Темрюковна, можетъ быть по сходству въ именахъ), только вмѣсто ядовитой рубашки—здѣсь отравленный напитокъ. Увидѣвъ Добрыню, Марина

„Выбѣгала изъ палаты бѣлокаменной,
Брала его за ручку за правую,
Вела его въ палату бѣлокаменну
И ставила столы бѣлодубовы,
Стлала она скатерти бранныя,
Несла всякую ѣству сахарнюю,
Подносила ему чару зелена вина,
А въ чарѣ *змѣининой силы положено,*
Подаваетъ кобелю мелединскому:
Разрываетъ кобеля мелединскаго.

(Рыбник. I, 173).

Даромъ оборотничества Марья Темрюковна тоже сближается съ „лихими женщинами“ героическаго эпоса. Послѣ пораженія Кастрюка, она, видя, что Грозный не только не сочувствуетъ ея горю, но еще насмѣхается надъ нимъ,—

„Защекотала сороченькой
Полетѣла съ каменной Москвы,“—

---

[1]) См. выше, стр. 14.

подобно тому какъ Марина, соблазнительница Добрыни, обертывалась перепелкой или была оборачиваема въ суку [1])—или какъ Авдотья Лиходѣевна принимала видъ бѣлой лебеди и змѣи.

Какъ начинаетъ изводить Ивана Грознаго эта жена (см. выше стр. 15), такъ Марина „истратница" извела девять добрыхъ молодцевъ [2]).

Указанное родство богатырской и исторической пѣсни обусловило собою взаимный переходъ изъ одной въ другую разныхъ дѣйствующихъ лицъ той и другой,—явленіе, постоянно встрѣчающееся въ народной поэзіи, произведенія которой, уже потому, что авторъ ихъ—постоянно одинъ и тотъ же народъ,—никогда не утрачиваютъ связи между собою, каково бы ни было ихъ содержаніе или характеръ.

Изъ богатырскаго эпоса въ пѣсни объ Иванѣ Грозномъ перешло весьма немного лицъ. О товарищахъ Василія Буслаева, явившихся поединщиками Кастрюка, мы уже упоминали; кромѣ ихъ, встрѣчаемъ Чурилу Пленковича въ видѣ палача, замѣняющаго Малюту Скуратова, въ пѣснѣ, разсказывающей о покушеніи царя на жизнь сына [3]). Почему именно Чурило Пленковичъ появляется въ такой роли—понять мудрено; по всей вѣроятности, это простая слу-

---

[1]) Маринѣ предстояло обернуться и „сорокою погуменною", но не совершилось это только потому, что она исполнила приказаніе матери Добрыни. (Рыбн. II, 12).

[2]) Рыбн. II, 11.

[3]) Рыбн. I, 392.

чайность, такъ какъ былинный Чурило не имѣетъ въ себѣ рѣшительно ничего, что́ могло бы хоть издалека породнить его съ свирѣпымъ палачемъ Ивана Грознаго и вообще людьми этой профессіи. Былина представляетъ намъ его богатымъ, нѣжнымъ красавцемъ, передъ которымъ, когда онъ идетъ, несутъ подсолнечникъ, чтобъ солнце не запекло его бѣлаго лица,—донъ-Жуаномъ, сводящимъ съ ума дѣвушекъ, молодыхъ женъ и старыхъ,—легкимъ и изящнымъ до того, что когда онъ по городу погуливалъ, то

„Подъ нимъ травка—муравка не топчется,
Лазоревый цвѣточикъ не ломится,
Зеленъ кафтанъ на немъ не тряхнется.
(Кирѣевск. VI, 87).

Г. Безсоновъ находитъ въ пѣсняхъ объ Иванѣ и Алешу Поповича, принимая за него тоже поставленнаго вмѣсто Малюты Скуратова, Алешу Малютина [1]; но такъ какъ здѣсь сходство только въ первомъ имени—(а имена, какъ извѣстно, въ народныхъ пѣсняхъ весьма часто перепутываются и измѣняются), — то мы не видимъ основанія согласиться съ этимъ замѣчаніемъ.

Гораздо больше лицъ перешло изъ исторической пѣсни въ чисто-эпическую.

Во первыхъ, самъ Иванъ Грозный съ своимъ сыномъ Ѳедоромъ Ивановичемъ.

Въ 3-мъ томѣ Рыбниковскаго сборника помѣщена (стр. 319) пѣсня съ совершенно сказочнымъ характеромъ „о царствѣ подсолнечномъ, царѣ Иванѣ Васильевичѣ и царевичѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ". Этотъ Иванъ Васильевичъ, сынъ какого-то царя Василія Михайловича, не имѣетъ въ первой половинѣ пѣсни ничего общаго съ Ива-

---

[1]) Кирѣевск. VI, 95.

номъ Грознымъ; тутъ сходство только въ именахъ. Онъ просто сказочный герой, летающій на орлѣ въ подсолнечное царство и тамъ вступающій въ тайную связь съ царевной Марьей Лиховидевной. Отъ этого сожительства рождается сынъ Ѳедоръ Ивановичъ, тоже не имѣющій ничего общаго съ историческимъ Ѳедоромъ. Но вотъ Иванъ Васильевичъ узналъ про тайную связь своего сына съ дочерью великаго боярина Анной Дмитріевной. „Голь кабацкая" доноситъ объ этомъ царю,—доноситъ, что Ѳедоръ, котораго она считаетъ богатымъ купцемъ, потому что онъ скрываетъ свое происхожденіе и торгуетъ въ лавкѣ,—ходитъ къ своей возлюбленной въ поздніе ночные часы, между тѣмъ какъ—

„...въ тую пору, во то время,
Дѣлалъ царь указы строгіе,
Не велѣлъ никуда поздо ходить".

Тутъ чисто сказочный характеръ царя измѣняется; его уже начинаютъ называть „грозный царь Иванъ Васильевичъ", и онъ является дѣйствительно грознымъ царемъ. Онъ велитъ „палачамъ немилосливымъ" отрубить сыну, котораго онъ тоже принимаетъ за купца, голову, при чемъ самъ командуетъ посредствомъ троекратнаго маханья платка. Но палачи, снявъ съ Ѳедора купеческую одежду, увидѣли подъ нею одежду царскую и, не рѣшившись казнить царевича, заявляютъ объ этомъ отцу.

„Тутъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Какъ увидѣлъ сына любимаго,
Бралъ его за ручки за бѣлыя,
Цѣловалъ во уста во сахарныя."

Такимъ образомъ, въ сказку чисто-миѳическаго свойства вошла въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, но съ сохраненіемъ сущности, исторія покушенія Ивана Грознаго на жизнь сына. Несомнѣнно, что одною изъ причинъ такого смѣшенія послужило сходство

въ именахъ дѣйствующихъ лицъ; но съ другой стороны весьма вѣроятно и то, что тутъ играли роль и другія, болѣе внутреннія, причины, впрочемъ въ тѣсномъ соединеніи съ этою внѣшнею: измѣненіе сказочнаго царя въ дѣйствительнаго совершилось, очевидно, или въ царствованіе этого послѣдняго, или скоро послѣ него, и вотъ, по аналогіи съ строгимъ сказочнымъ царемъ, „публикующимъ строгіе указы", явился дѣйствительно Грозный царь,—по аналогіи съ сказочнымъ сыномъ, обманывающимъ отца — сынъ исторической пѣсни, тоже измѣняющій отцу,—наконецъ, по аналогіи съ счастливою развязкою, большею частію употребительною въ сказкахъ— счастливое избавленіе сына въ той же исторической пѣснѣ. Впечатлѣніе, произведенное событіемъ, которое послужило предметомъ пѣсни въ столькихъ, какъ мы видѣли, пересказахъ, было такъ сильно, что при первомъ удобномъ случаѣ исторія замѣнила сказку.

Никита Романовичъ зашелъ въ пѣсни, предшествующія его времени, тоже какъ замѣна другаго лица, въ такой же точно роли. Именно, онъ замѣнилъ князя Романа Дмитріевича, главное дѣйствующее лице пѣсни о двухъ братьяхъ, двухъ Ливикахъ (Рыбн. I, 422 и III, 277). Замѣнилъ во многихъ подробностяхъ,—почти безъ измѣненій. Никита, какъ и Романъ Дмитріевичъ,

„ — отправился во чисто поле,
Обернулся онъ сѣрымъ волкомъ,
Конюшекъ у нихъ всѣхъ повыдавилъ;
Обернулся онъ добрымъ молодцемъ,
Замочишки въ оружьишкахъ всѣ повыщербилъ,
Сабелки у нихъ всѣ повытупилъ,
Тесочики у нихъ всѣ повыломалъ."

(Рыбник. IV, 95).

И далѣе, онъ — горностай (въ пѣснѣ *горносталь*) и черный воронъ. Сходство именъ и здѣсь помогло, хотя не въ такой степе-

ни, потому что тутъ имя только напомнило отчество, — но и въ этомъ случаѣ причина эта не единственная: вѣдь Никита Романовичъ, какъ мы видѣли, и въ исторической пѣснѣ — человѣкъ, обладающій богатырскими, сверхъестественными свойствами.

Кромѣ этого случая, мы встрѣчаемъ имя Никиты Романовича въ пѣсняхъ о Добрынѣ, гдѣ онъ является его отцемъ [1]). Трудно, конечно, рѣшить, историческій-ли это Никита зашелъ въ былину или существуетъ онъ въ ней самъ по себѣ; мы склоняемся, впрочемъ, къ первому предположенію, потому что въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ о Добрынѣ отецъ его называется просто Никитою.

Переходя въ старѣйшія пѣсни, Никита не переноситъ туда съ собою ничего изъ своихъ *историческихъ* свойствъ и отличій. Съ такимъ же отсутствіемъ своего историческаго характера является въ былинахъ Владимірова цикла Ермакъ, играющій въ нихъ весьма замѣтную роль. Онъ племянникъ Ильи Муромца [2]), а по другимъ пересказамъ—и князя Владиміра [3]). Ему всего двѣнадцать лѣтъ, въ чемъ онъ сходенъ съ юношей Иваномъ Даниловичемъ, который, тоже будучи двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, отправляется, для успокоенія Владиміра, биться съ татарами и побиваетъ всю силу невѣрную [4]); онъ „младешенекъ, глупешенекъ,“ но тѣмъ не менѣе,

---

[1]) Кирѣевск. II, 5.

[2]) Изв. Акад. Наукъ т. II, въ Прибавленіяхъ.

[3]) Рыбнйк. I, 102. Полагаемъ, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ слово „дяденька“, съ которымъ Ермакъ обращается къ князю Владиміру, не означаетъ родства, а употреблено въ такомъ смыслѣ, въ какомъ и теперь употребляется оно младшими, особенно дѣтьми, въ разговорѣ съ старшими. Вѣдь Владиміръ называетъ Ермака тутъ-же „младъ Ермакъ Тимоѳеевичъ дитя неразумное“.

[4]) Кирѣевск. III, 40.

онъ совершаетъ дѣла, которыя подъ стать любому богатырю [1]). Онъ бьется съ Мамаемъ, осадившимъ Кіевъ, цѣлыхъ двѣнадцать дней, (по другимъ пересказамъ трое сутокъ или сутки), и бьется такъ, что другимъ богатырямъ приходится сдерживать его. Самъ Илья Муромецъ проситъ его: „укроти свое сердце богатырское!" На его могучія плечи друзья-богатыри накладываютъ „храпы," но онъ разрываетъ ихъ и наконецъ умираетъ отъ полученныхъ ранъ, истощенія силъ, при чемъ пѣсня замѣчаетъ: „кровь-то въ немъ была очень молóдая." Этими послѣдними словами и вышеприведенными указаніями на возрастъ Ермака, на его отношенія къ Ильѣ какъ къ старшему дядѣ, опредѣляется значеніе Ермака, какъ представителя самаго молодаго, какъ бы уже послѣдняго, поколѣнія богатырей,— и г. Миллеръ справедливо замѣчаетъ, что Ермакъ является относительно Ильи совершенно въ томъ положеніи, въ какомъ самъ Илья въ нѣкоторыхъ былинахъ о нашествіи царя Калина, является относительно Самсона,—старшаго богатыря [2]).

Перенесеніемъ Ермака въ богатырскій эпосъ доказывается въ данномъ случаѣ лучше, чѣмъ всякимъ другимъ фактомъ, сродство богатырскаго эпоса съ эпосомъ историческимъ. Появленіе въ первомъ самаго Грознаго и Никиты Романовича, не смотря на нѣкоторыя, такъ сказать, внутреннія причины, о которыхъ упомянуто выше, все таки въ большей степени случайное,— послѣдствіе случайнаго совпаденія

---

[1]) Содержаніе всѣхъ былинъ о Ермакѣ и Ильѣ Муромцѣ очень хорошо изложено въ вышеупомянутомъ сочиненіи г. Миллера: „Сравнительно-критическія наблюденія надъ слоевымъ составомъ народнаго русскаго эпоса". (Стр 697—710).

[2]) Сравнительно-критическія наблюденія надъ слоевымъ составомъ русскаго эпоса, стр. 698.

именъ; тутъ нельзя даже съ положительностью рѣшить, дѣйствительно-ли, не смотря на полное сходство въ именахъ, подъ носящими эти имена и являющимися въ томъ и другомъ отдѣлѣ пѣсень лицами, разумѣются, или, вѣрнѣе, разумѣлись одни и тѣ же лица; Никита Романовичъ, напримѣръ, имя весьма обыкновенное въ русскихъ святцахъ, и авторъ—народъ, выводя богатыря—оборотня Никиту, можетъ быть и не думалъ о томъ Никитѣ, котораго онъ сдѣлалъ любимымъ героемъ своей исторической пѣсни. Въ пѣсняхъ о Ермакѣ дѣло совсѣмъ иное. Самое имя „Ермакъ," да еще Тимоѳеевичъ, не встрѣчающееся нигдѣ больше, опредѣлительно указываетъ, что Ермакъ—богатырь и Ермакъ, покоритель Сибири—одни и тѣ же лица. А чуть это такъ, то такое обстоятельство для насъ весьма важно: мы видимъ изъ него, какъ народъ, живя уже совершенно историческою жизнью, былъ въ такой степени проникнутъ эпичностью своего прошедшаго, что какъ только появился на его исторической аренѣ воинъ-герой, завоевавшій для своего царя цѣлое чужеземное царство,—герой, рѣзко выдавшійся изъ ряда другихъ военныхъ дѣятелей той эпохи,—онъ, народъ, поспѣшилъ опредѣлительно сроднить его съ своими древними богатырями, сдѣлать его преемникомъ ихъ силы, ихъ такой-же готовности служить своему отечеству противъ иноземныхъ враговъ. Подъ вліяніемъ такаго великаго событія, какимъ должно было представляться народу завоеваніе сибирскаго царства, одно изъ важнѣйшихъ дѣлъ Иванова царствованія,—въ порывѣ увлеченія, народъ даже упустилъ изъ виду ту черту, которую онъ, конечно безсознательно,—(ибо народное творчество не историческое изслѣдованіе, входящее въ разсмотрѣніе *причинъ* событія)—провелъ въ Ермакѣ историческомъ и которая отличаетъ этого послѣдняго отъ богатырей вообще и Ермака-богатыря въ частности: богатыри дерутся съ татарами только по одному душевному побужденію—чисто-патріотическому чувству, (мы оставляемъ

въ сторонѣ миѳическое значеніе этихъ боевъ), Ермакъ вступаетъ въ войну съ сибирскимъ царемъ отчасти изъ чувства самосохраненія; когда его товарищи-атаманы вспоминаютъ о своихъ разбояхъ, о гнѣвѣ, который должно возбуждать ихъ поведеніе въ царѣ Иванѣ Васильевичѣ и говорятъ:

„Тебѣ, Ермакъ, быть тамъ повѣшенымъ,
А намъ, козакамъ, быть переловленнымъ,—

Ермакъ успокоиваетъ ихъ обѣщаніемъ „заслужить передъ Грознымъ Царемъ вину свою;“ онъ завоюетъ царство Сибирское, возьметъ въ плѣнъ Кучума —

„И за то - то государь царь насъ пожалуетъ,“

и, прійдя къ царю, скажетъ:

„Приношу тебѣ буйную головушку
И съ буйной головой царство Сибирское!“
(Кирѣевск. VI, 40, 41).

Эту черту, говоримъ, самъ-же народъ упустилъ изъ виду; для него остался на первомъ планѣ только фактъ завоеванія, проявленіе силы, могущества одного изъ своихъ,—а эти свойства воскресили передъ нимъ его древнихъ богатырей, память о которыхъ переходила въ пѣсняхъ изъ рода въ родъ. Съ этой стороны мы даже придаемъ особенное значеніе тому обстоятельству, что Ермакъ перешелъ въ былины безъ всякаго сохраненія своего историческаго характера, ибо оно показываетъ, что такое перенесеніе было далеко не случайное, не простая вставка позднѣйшаго сочиненія въ старѣйшее, не смѣшеніе разныхъ эпизодовъ въ слѣдствіе забывчивости пѣвцовъ и тому подобныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Смотря на вопросъ съ этой точки зрѣнія, мы никакъ не можемъ согласиться съ г. Безсоновымъ, который, замѣчая, что въ „былинахъ, образахъ и очертаніяхъ, заключающихъ былевое творчество Владимірово

или Кіевское, передается *умираніе* богатырства и цѣлаго порядка вещей, съ нимъ связанныхъ", говоритъ: „Дальше этого рубежа былины. Владиміровы не переходятъ. Все, что̀ было позднѣе, не вносится въ кругъ Владиміровъ; заносятся лишь два—три имени, напримѣръ Мамай, поле Куликово, Ермакъ, но заносятся такъ, что ихъ легко отдѣлить, какъ постороннюю вставку . . . . Ермакъ не покоряетъ Сибирь, не служитъ Москвѣ, а служитъ Кіеву и Владиміру, притомъ такъ, что творчество само помогаетъ намъ отдѣлить эту личность отъ эпохи богатырской, изображая Ермака племянникомъ Ильѣ, дитею двѣнадцати лѣтъ, крайне младшимъ, зашедшимъ изъ эпохи другой, назначеннымъ для эпохи позднѣйшей" [1]). Не говоря уже о томъ, что богатырство еще долго не умираетъ и что элементы его проявляются даже въ Петровскихъ пѣсняхъ, мы думаемъ, что именно то служеніе Ермака не Москвѣ, а Кіевѣ и Владиміру, о которомъ говоритъ г. Безсоновъ, свидѣтельствуетъ противъ занесенія его личности въ былину только въ видѣ посторонней вставки; потому-то именно и трудно отдѣлить повѣствованіе о немъ, что личность его совершенно, такъ сказать, отождествилась съ личностью другихъ богатырей. Отдѣлить такимъ образомъ можно-бы, пожалуй, Добрыню, и Алешу, и всѣхъ товарищей, вмѣстѣ очищающихъ землю русскую отъ врага.

Мы замѣтили выше, что Ермакъ богатырскаго эпоса ничѣмъ не напоминаетъ Ермака исторической пѣсни. Дѣйствительно, въ *фактическомъ* отношеніи тутъ нѣтъ никакаго сходства, — развѣ только то, что оба они дерутся съ чужеземными силами и оба погибаютъ въ этомъ бою; но уже въ исторической пѣснѣ видны, такъ сказать, нѣкоторя наслоенія, которыя какъ будто указываютъ, что

---

1) Кирѣевск. IV, замѣтка, CL.

со временемъ герой ея перейдетъ въ богатырскій эпосъ гораздо полнѣе. Въ пѣснѣ, напечатанной у Сахарова [1]), Ермакъ, отправляясь къ Ивану,

„Вдѣвалъ свою уздечку тесмяную,
Накладывалъ портники бѣлы бумажны,
И накладывалъ свое сѣдельцо черкаское,
Подтягивалъ двѣнадцать подпругъ шелковыхъ,
Не для красы, а для крѣпости.

Этотъ пріемъ сѣдланья коня весьма часто встрѣчается въ богатырскихъ пѣсняхъ; стóитъ раскрыть любую страницу пѣсень, чтобъ наткнуться на него. Вотъ одинъ примѣръ изъ множества: Дюкъ Степановичъ —

„Сталъ онъ сѣдлать—уздать добра коня,
Кладалъ онъ потники на потники,
Войлоки кладалъ на войлоки,
На верёхъ кладалъ ковано сѣдло черкаское,
Подтягивалъ двѣнадцатью подпругами богатырскими,
Натягивалъ тринадцату продольную,
Не для ради красы—басы
А для ради укрѣпы богатырскія.

(Рыбн. II, 160).

Въ пѣснѣ, записанной у Кирши Данилова, казаки, съ Ермакомъ во главѣ, пируютъ за столами „дорогъ рыбій зубъ" (стр. 109), т. е. столами изъ того же матеріала, изъ котораго сдѣланы кровать Ильи-Муромца, *бесѣда* Соловья Будиміровича, подворотня, служащая преградою Волху Всеславьевичу [2]). Играютъ они „золотыми

---

[1]) Сказанія Русскаго Народа, т, I, 244.

[2]) Рыбн. I, 103. Древн. Рос. Стих. 3 и 51.

тавлеями, дорогими вальящатыми,“ (стр. 107),—тоже нерѣдко встрѣчающаяся забава богатырей, напр. въ былинѣ о нашествіи Калина [1]).

Мы назвали эти подробности наслоеніями по слѣдующему соображенію. На близкихъ современниковъ даннаго событія, это послѣднее дѣйствуетъ не такъ обаятельно-поэтически, какъ на поколѣнія послѣдующія; чѣмъ далѣе событіе, имѣющее героическій характеръ, отодвигается въ область прошедшаго, тѣмъ легендарнѣе становится оно въ глазахъ народа. Историческая пѣсня слагается по горячимъ слѣдамъ событія; поэтому въ нее прежде всего заносится самый *фактъ*; чѣмъ далѣе отодвигается событіе, чѣмъ болѣе разносится пѣсня, тѣмъ обильнѣе украшаетъ она первый текстъ цвѣтами фантазіи. Этимъ процессомъ творчества объясняемъ мы то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ нашихъ историческихъ пѣсняхъ изложеніе доходитъ до самаго простаго фактическаго разсказа,—простаго до извѣстнаго рода сухости. Примѣромъ можетъ служить напечатанная въ VII вып. сборника Кирѣевскаго (стр. 21), поразительно—вѣрная въ историческомъ отношеніи и лишенная *всякой* примѣси фантазіи пѣсня о подвигѣ Минина и Пожарскаго и послѣдовавшемъ затѣмъ избраніи Михаила Ѳедоровича. Весьма можетъ быть, что еслибъ нашелся другой, позднѣйшій пересказъ этого же самаго событія, то въ немъ мы нашли бы уже присутствіе чисто-эпическаго, былиннаго элемента,—какъ это мы видимъ въ пѣсняхъ о первомъ Самозванцѣ. Именно, въ томъ же выпускѣ сборника Кирѣевскаго, (стр. 62), напечатана пѣсня, записанная раньше 1688 г. [2]). Въ ней исторія воцаренія Гришки Отрепьева разсказа-

---

[1]) Рыбн. I, 101.

[2]) „Она написана—говоритъ издатель сборника—на листѣ ста-

на безъ всякихъ фантастическихъ подробностей и, напротивъ, совершенно вѣрно въ историческомъ отношеніи [1]). У Кирши-же Данилова (стр. 102), тоже самое событіе обставлено уже нѣсколько иначе: Марина обертывается сорокою и вылетаетъ вонъ изъ дворца. Скажутъ, можетъ быть, что мнѣніе наше имѣло бы силу только въ томъ случаѣ, еслибы мы могли доказать положительными данными, что тѣ пересказы, въ которыхъ есть элементъ фантастическій, моложе чисто-историческихъ,—что, можетъ быть, дѣло происходило совсѣмъ на оборотъ, и подробности, признаваемыя нами за наслоенія, и составляютъ именно первый текстъ. Положительныхъ фактическихъ данныхъ мы, конечно, не можемъ представить въ слѣдствіе отсутствія ихъ; но спрашиваемъ: когда совершившееся событіе можетъ быть записано или — чтобы выразиться вѣрнѣе въ этомъ случаѣ—воспѣто съ исторической вѣрностію: по горячимъ-ли слѣдамъ его, или спустя нѣсколько времени, когда подробности, не записанныя на бумагѣ и сохраняющіяся только силою словесной передачи, не могутъ сохраняться въ ненарушимости?

Изъ остальныхъ лицъ, дѣйствующихъ въ пѣсняхъ объ Иванѣ

рой бумаги, безъ раздѣленія стиховъ, почеркомъ и правописаніемъ XVII в.; поправлена и дополнена другою позднѣйшею рукою и другими чернилами; но эта послѣдняя рука и этими позднѣйшими чернилами надписала: „въ 196м году въ 7и тысяче“ т. е. 1688 г. Слѣдовательно, первая, неисправленная рукопись старше 1688 г. и, по всѣмъ признакамъ, современна, по крайности близка періоду Самозванцевъ“.

[1]) Есть, правда, въ этой пѣснѣ уже знакомый намъ былинный посолъ, котому велятъ „говорить не съ упадкою“ и таинственная смерть Самозванца, выраженная словами: „гдѣ онъ упалъ и самъ пропалъ“,—но вотъ и все; притомъ, этотъ конецъ (о смерти), приписанъ уже, по объясненію издателя, другою рукою, поправившею первый текстъ.

Грознымъ, перешелъ въ былинный эпосъ Малюта Скуратовъ, сохранивъ въ большей части случаевъ—(хотя этихъ случаевъ немного),—свои историческія черты. Онъ занимаетъ иногда мѣсто такихъ лицъ, какъ Путята, Бермята и т. п., очень шаткихъ въ нравственномъ отношеніи [1]); имя его, какъ палача, превратилось въ нарицательное: когда Владиміръ разсердился на Илью Муромца, онъ велѣлъ отвести его въ тюрьму—погреба глубокіе „скурлатамъ немилостивымъ" [2]). Но есть пѣсня, въ которой тотъ-же Малюта играетъ и хорошую роль, по крайней мѣрѣ такую, въ которой не сохранилось никакаго воспоминанія объ историческомъ Малютѣ: онъ, подобно другимъ богатырямъ, совѣтуетъ Владиміру послать за Дунаемъ, чтобы отправить этого послѣдняго за невѣстой для князя [3]). Почему личность, оставившая въ народѣ такія зловѣщія воспоминанія, вдругъ является обыкновеннымъ богатыремъ, вѣрнымъ слугою Владиміра,—понять трудно; очень можетъ быть, что это совершенно поздняя вставка, когда о Малютѣ, какъ палачѣ, совсѣмъ забыли, и когда только имя его, по преданію. сохранилось въ народѣ; во всякомъ случаѣ, появленіе его въ этой пѣснѣ не имѣетъ никакаго значенія.

Роднясь съ богатырскимъ эпосомъ, историческія пѣсни объ Иванѣ Грозномъ не теряютъ связи съ такими же произведеніями по-

---

[1]) Кирѣевск. вып. IV, Замѣтка, стр. LVIII.

[2]) Извѣст. Акад. Наукъ т. III, прибавленія. Издатель сборника Кирѣевскаго, перепечатавшій эту пѣсню (вып. III, стр. 67) указываетъ, что въ собраніи пословицъ Даля есть поговорка, въ которой имя Малюты Скуратова удержалось въ значеніи палача.

[3]) Кирѣевск. III, стр. 62.

слѣдующаго времени и, преимущественно, Петровскими. Согласно предыдущему плану, мы здѣсь разсмотримъ, что̀ сообщили первыя послѣднимъ—и на оборотъ, при чемъ будемъ держаться хронологическаго порядка.

Въ пѣсняхъ о Скопинѣ Шуйскомъ, которому, по его собственнымъ словамъ, „славу поютъ до вѣку, отъ стараго до малаго, отъ малаго до вѣку моего“ [1]),—встрѣчаемъ неисчезнувшее воспоминаніе о Малютѣ Скуратовѣ.

Отравляетъ Скопина въ пѣсняхъ о немъ, согласно лѣтописнымъ свидѣтельствамъ, дочь Малюты „Малютина дочь Скуратова,“ „Акулина княгиня дочь Малютина“ [2]).

Въ тѣхъ же пѣсняхъ о Скопинѣ находимъ подробность, которая, по нашему мнѣнію, заимствована, хотя въ измѣненной формѣ, изъ пѣсень объ Иванѣ.

Какъ этотъ послѣдній, на пиру у себя, хвасталъ, что вывелъ измѣну изъ разныхъ городовъ, такъ Скопинъ похваляется, что „очистилъ царство Московское и велико государство Россійское“ [3]), а по другому пересказу—„когда Москва за Литвою была, въ то время всю Литву разорилъ.“

Собственно подробности пира Шуйскаго зашли, какъ и описаніе пира Ивана, въ историческую пѣсню изъ былины; но, повторяемъ, вышеприведенную подробность считаемъ мы заимствованною изъ пѣсни объ Иванѣ, потому что такаго рода похвальба у богатырей Владиміровыхъ не встрѣчается.

---

1) Древн. Рос. Стихотв. стран. 281.
2) Ibid. и Кирѣевск. VII, 9.
3) Древн. Рос. Стихотв. стр. 281.

Въ пѣсняхъ изъ времени Михала Ѳедоровича встрѣчаемъ уже извѣстнаго намъ Семена Константиновича Карамышева. Пѣсня изображаетъ его пріѣзжающимъ къ донскимъ казакамъ съ государевымъ указомъ:

„Становится младъ посланничекъ посреди круга,
Что читаетъ имъ посланникъ государевъ указъ;
Казаки всѣ *для указа шапки посняли*,
Младъ *посланничекъ не снимаетъ шляпы черныя*,—[1])

и за это, по только что приведенной, напечатанной у Прача пѣснѣ, казаки „за его гордость, изъ стану его выгнали“, а по другому пересказу (Кирѣевск. VII, въ дополненіяхъ, стр. 133), убили. Убійство Карамышева донскими казаками въ 1631 г.—фактъ историческій, только палъ здѣсь не *Семенъ*, а *Иванъ* Константиновичъ Карамышевъ. Въ пѣснѣ о Ермакѣ, какъ мы видѣли, Карамышева и тоже Семена Константиновича, также убиваютъ казаки. *Семенъ* имя не выдуманное. Мы встрѣчаемъ его въ лѣтописи, подъ 1410 г., гдѣ читаемъ: „Князь Данило Борисовичь Нижнего Новагорода приведе къ себѣ царевича Талыча, и посла съ нимъ изгономъ къ Володимерю боярина своего Семена Карамышева, а съ нимъ 150 татаръ“ и т. п. [2]).

Очевидно, что быть персидскимъ посланникомъ и вообще жить въ царствованіе Ивана Грознаго этотъ самый Карамышевъ не могъ; палъ-ли онъ тоже жертвою убійства, на это историческихъ

---

[1]) Собраніе русскихъ народныхъ пѣсень съ ихъ голосами, положенныхъ на музыку Иваномъ Прачемъ Спб. 1790 г. стр. 33.

[2]) П. С. Р. Л. VIII, 85.

указаній мы не находимъ, хотя оно или что нибудь подобное очень возможно, если принять въ соображеніе то событіе, съ которымъ соединяетъ его имя вышеприведенное мѣсто лѣтописи. Но во всякомъ случаѣ, какъ это видно изъ пѣсень, имя именно его сохранилось въ народѣ съ той поры, (не даромъ, какъ мы видѣли, и при осадѣ Пскова, онъ — главное дѣйствущее лицо), и когда совершилось убіеніе *Ивана* Карамышева, народное творчество замѣнило это имя уже давно знакомымъ именемъ Семена. Изъ этихъ пѣсень описаніе убійства перешло, какъ позднѣйшая вставка, въ пѣсню о Ермакѣ, или въ этой послѣдней имя Семена Карамышева замѣнило имя какаго нибудь другаго лица, тоже испытавшаго подобную участь,—замѣнило или тогда же, если такое событіе съ какимъ нибудь посланникомъ дѣйствительно случилось [1]), или въ то время, когда сложилась пѣсня объ убіеніи Семена (Ивана) Карамышева донскими казаками.

При отсутстіи положительнаго историческаго указанія на что нибудь подобное въ царствованіе Ивана Грознаго и, напротивъ того при существованіи положительнаго свидѣтельства, что Карамышевъ, (Семенъ или Иванъ, это все равно), дѣйствительно былъ убитъ казаками, мы должны склониться въ пользу перваго мнѣнія, что въ пѣснѣ о Ермакѣ описаніе убійства Карамышева—позднѣйшая вставка. Изъ того же, что въ пѣсняхъ вездѣ встрѣчаемъ имя *только* Семена, и нигдѣ—Ивана, надо заключить, что *судьбу* послѣдняго народное творчество соединило съ *именемъ* перваго, какъ пользовавшимся большою популярностью,—и что если, съ одной стороны, послѣ-

---

[1]) А случиться это очень могло: „казаки—говоритъ Карамзинъ—разбивая купцовъ, *даже пословъ азіатскихъ*, на пути ихъ въ Москву, грабя самую казну Государеву, нѣсколько разъ заслуживали опалу.“ (Ист. Г. Рос. Т. IX, стр. 224).

дующая пѣсня дала предыдущей *событіе*, то, съ другой стороны, сообщила послѣдующей *личность*,—и такимъ образомъ, между первою и второю установилась тѣсная связь.

Не можемъ не обратить здѣсь вниманія и на слѣдующее обстоятельство. Есть лѣтописное указаніе [1]), что въ 1536 г. къ Ивану Грозному пріѣхали съ Волги казаки и привезли слѣдующее извѣстіе: „Что казанскіе *князи* Шабанъ князь Епанчинъ, да братъ его Шабалатъ, да *Карамышъ* [2]) съ братомъ своимъ съ Евлушемъ, Хурсуловы братія, и съ ними князей, и Мурзъ, и казаковъ 60 человѣкъ изъ Казани вышли, и къ нимъ на островъ изъ судовъ выходили, и стояли, и говорили, и приказали съ ними къ Великому Государю, что Ковгоршадъ царевна, и Булатъ князь въ головахъ, и всѣ Уланы и Князи Великому Князю измѣнили, и Яналея царя убили; а на Казань взяли царемъ изъ Крыма Сафакирея царевича; а насъ въ заговорѣ Казанцевъ Князей и Мурзъ съ пятьсотъ человѣкъ, и мы памятуючи къ себѣ жалованье отца его, Великаго Князя Василія Ивановича, и его жалованіе Великаго Государя Ивана Васильевича, да и свою правду, на чемъ есми ему шерть дали; и мы *хотимъ Государю служити великому князю прямо*; и *Государь бы насъ пожаловалъ*“ и т. д. Не остался-ли этотъ самый Карамышъ служить русскому государю, и не былъ-ли именно онъ тѣмъ посланникомъ въ Персію, о которомъ говоритъ пѣсня? Въ землю восточную могли, конечно, скорѣе всего послать посланникомъ человѣка, хотя отчасти знакомаго съ языкомъ этой земли; остальные Карамышевы, которыхъ мы встрѣчаемъ въ царствованіе Іоанна III, а слѣдовательно и ихъ потомки, были люди уже совсѣмъ обрусѣв-

---

[1]) Царств. Книга, стр. 52.

[2]) Въ пѣсняхъ Карамышевъ тоже иногда титулуется *княземъ*.

шіе,—(большею частію, у нихъ двойная фамилія: Курбскій-Карамышевъ); татаринъ Карамышъ, только въ царствованіе Ивана Грознаго вышедшій въ Россію и, можетъ быть, оставшійся жить въ своей Казани,—и по относительной близости жительства къ Персіи, и по вѣроятному знакомству съ восточными языками, могъ удобнѣе всякаго другаго изъ своихъ родственниковъ или однофамильцевъ занимать посольскій постъ въ Персіи. Имя же Семена пѣсня могла перенести на него по старой памяти.

Очень характеристично и важно родство пѣсень времени Ивана Грознаго съ пѣснями изъ царствованія Алексѣя Михайловича,—и именно пѣснями о Стенькѣ Разинѣ, занимающими первое мѣсто между относящимися къ этой эпохѣ произведеніями народнаго творчества и вообще представляющими превосходнѣйшіе образцы этого послѣдняго. Не останавливаясь на причинѣ этой связи,—причинѣ, впрочемъ, очень понятной, если сообразить, что и тѣ и другія пѣсни создавались казачествомъ, что онѣ, захватывая въ себя произведенія и Петровскаго времени [1]), составляютъ какъ бы совершенно особый циклъ казацкихъ пѣсень, въ которыхъ элементъ эпическій необыкновенно художественно смѣшанъ, или, вѣрнѣе, переходитъ въ элементъ лирическій,—не останавливаясь, говоримъ, на причинѣ, укажемъ на данныя, свидѣтельствующія о сродствѣ вышеупомянутыхъ пѣсень.

Въ числѣ товарищей Ермака мы уже видѣли, между прочими, Стеньку Разина; зашелъ онъ сюда съ сохраненіемъ основныхъ чертъ своего историческаго характера: „Стенька Разинъ—говоритъ пѣсня, первая половина которой дошла до насъ въ прозѣ—„учалъ дѣлать дѣла неподобныя: безчинствуетъ безъ пути, рубитъ головы

---

[1]) См. VIII-й вып. Сборника Кирѣевскаго.

немилостиво, коней въ церкву ставитъ, надъ святынею ругается, не хочетъ знать никого выше себя, самому Ермаку грубитъ. Не захотѣлъ Ермакъ сносить отъ Стеньки эдакія грубости и отказалъ ему“ [1]). Послѣ того, хотя они и помирились, но Ермакъ поѣхалъ къ царю Ивану Васильевичу не съ нимъ, а съ Ванькой Каинымъ; въ этой подробности мы склонны видѣть тоже указаніе на историческій характеръ Стеньки—его гордость, нежеланіе покориться, сохранившееся въ немъ, какъ извѣстно, до послѣднихъ минутъ его мучительной смерти [2]).

Но Стенька Разинъ перешелъ въ пѣсни времени Ивана Грознаго и въ другомъ видѣ: народное творчество совершенно сблизило его съ Ермакомъ, и по характеру, и по дѣйствіямъ,—сдѣлавъ изъ него, какъ мы видѣли выше, помощникомъ царя Ивана подъ Казанью. Въ эти пѣсни перешло не только имя Стеньки; онъ перенесъ сюда съ собою и ту обстановку, въ которой изображаютъ его пѣсни, относящіяся собственно къ его времени или сложившіяся въ эпоху послѣдующую. Въ одной пѣснѣ, напримѣръ, атаманы, собирающіеся идти на помощь Ивану подъ Казанью,—(въ перечисленіи этихъ атамановъ безпрестанно смѣшиваются имена Ермака, Стеньки Разина и Никиты Романовича),—говорятъ:

„Мы Астрахань городочекъ пройдемъ съ вечера,
А Саратовъ городочекъ на бѣлой зарѣ,
А Самарѣ городочку мы поклонимся,
Въ Жигулёвскихъ горахъ мы остановимся.“
(Кирѣевск. VI, 24).

---

[1]) Рыбн. II, 230.

[2]) Н. Костомаровъ. Историческія Монографіи и Изслѣдованія. Т. II, стр. 366.

Это — собственно путь Стеньки Разина; одна изъ народныхъ пѣсень о немъ обозначила буквально такими же словами этотъ путь, выразивъ въ нихъ, по мнѣнію г. Костомарова, скорость, съ которою Разинъ совершилъ его [1]).

Говоря о пѣсняхъ, относящихся къ Ермаку, мы не упомянули объ одной, напечатанной у Кирши Данилова (стр. 310) и изображающей Ермака сидящимъ въ Азовѣ въ темной темницѣ. Проходящій мимо тюрьмы турецкій царь Салтанъ Салтановичъ узнаетъ объ этомъ заточеніи, приказываетъ привести Ермака къ себѣ и, на вопросъ, какъ онъ попалъ въ Азовъ, получаетъ въ отвѣтъ, что Ермакъ былъ посланъ изъ Москвы къ турецкому царю съ разными подарками, но на заставахъ „Мурзы Улановья“ ограбили его и, вмѣстѣ съ товарищами, разсадили по темницамъ. Салтанъ Салтановичъ щедро надѣляетъ ихъ и отпускаетъ въ „*каменну Москву*“; но Ермакъ „загулялся по матушкѣ Волгѣ—рѣкѣ“ и въ Москву не явился. Въ предисловіи къ тому же сборнику, издатель его, Калайдовичъ, сообщаетъ, что рукопись Кирши Данилова оканчивалась „началомъ пѣсни о Стенькѣ Разинѣ“ и приводитъ это начало, состоящее изъ одинадцати стиховъ, почти буквально схожихъ съ первыми стихами вышеупомянутой пѣсни о Ермакѣ [2]). Букваль-

---

[1]) Ист. Моногр. и Изслѣдов. т. II, стр. 311.

[2]) Разнорѣчія самыя незначительныя:

въ 1-й пѣснѣ:	*во 2-й:*
Что на устьѣ—	А на усть.
—	—
На желтыхъ разсыпныхъ пескахъ.	*Этого стиха нѣтъ.*
—	—
А стоитъ крѣпкой	А стоитъ тутъ славной
—	—
Со стѣною бѣлокаменною,	Со стѣной бѣлокаменной

но схожая съ этою послѣднею пѣсня напечатана у Сахарова [1]); только въ ней, вмѣсто имени Ермака, вездѣ поставлено имя Степана Тимоѳеевича (т. е. Разина). Г. Безсоновъ, относящійся, какъ извѣстно, весьма, даже черезъ чуръ скептически почти ко всѣмъ пѣснямъ, напечатаннымъ у Сахарова и другихъ собирателей, находитъ, что замѣну Ермака Стенькой Сахаровъ сдѣлалъ, вѣроятно, на основаніи вышеприведеннаго сообщенія Калайдовича. Но, во 1-хъ, такое подозрѣніе совершенно голословное, а во 2-хъ, г. Безсоновъ тутъ-же самъ говоритъ: „но такія же точно былины являются о другихъ, Безъименныхъ Козакахъ, и даже о Краснощоковѣ, о Чернышевѣ, при чемъ вмѣсто Султана прусскій король, а вмѣсто Азова Кистринъ или Берлинъ" [2]). Если это такъ, то почему же не могли дѣйствительно существовать двѣ, совершенно схожія пѣсни, изъ которыхъ въ одной дѣйствующимъ лицемъ явился Ермакъ, въ другой—Стенька Разинъ, когда эти двѣ личности, какъ мы еще увидимъ ниже, тѣсно соединены между собою въ народномъ творчествѣ. Конечно, трудно рѣшить, къ кому изъ нихъ первоначально относилась эта пѣсня,—трудно за отсутствіемъ историческаго указанія на что нибудь подобное этому событію. Г. Костомаровъ, правда, говоритъ [3]), что объ этомъ послѣднемъ есть народное преданіе,—и вслѣдъ за тѣмъ приводитъ вышеупомянутую

Земляными роскатами и рвами глубокими	И со башнями наугольными
И со башнями караульными,	И со рвами глубокими,
	Съ земляными роскатами
—	И съ рогатками желѣзными.
	—
Стоитъ темная темница.	Тутъ стоитъ темна темница.

[1]) Сказан. Рус. Народа, т. I. стр. 249.

[2]) Кирѣевск. VII, Приложенія, стр. 137.

[3]) Ист. Мон. II, 237.

пѣсню изъ сборника Сахарова; но неизвѣстно, дѣйствительно-ли есть особое народное преданіе, или г. Костоморовъ о существованіи его заключаетъ только по этой пѣснѣ. Но въ данномъ случаѣ для насъ важно не рѣшеніе вопроса, къ кому изъ двухъ народныхъ героевъ первоначально относилась она, а то обстоятельство, что Стенька и Ермакъ сближены въ такой степени. Сомнѣваться же, какъ дѣлаетъ здѣсь г. Безсоновъ, мы не имѣемъ основанія уже вслѣдствіе существованія вышеприведеннаго отрывка, столь схожаго по началу съ подробною и оконченною пѣснью; отнести этотъ отрывокъ къ Стенькѣ Разину Калайдовичъ не могъ *отъ себя*, (одно изъ предположеній г. Безсонова), а конечно нашелъ это указаніе въ самой рукописи; иначе, видя такое сходство съ пѣснью о Ермакѣ, почему бы онъ принялъ этотъ отрывокъ за пѣсню о Разинѣ?

Мы не говоримъ здѣсь о такихъ подробностяхъ, которыя общи не только Стенькѣ и Ермаку, но и всѣмъ послѣдующимъ атаманамъ, выводимымъ въ множествѣ казацкихъ пѣсень; разборъ этихъ послѣднихъ, по исторической и литературной важности ихъ, могъ бы составить предметъ особаго изслѣдованія. Здѣсь же, близко держась нашего предмета, замѣтимъ, что черты жизни и дѣятельности Стеньки перенесены на Ермака не только изъ пѣсень о первомъ, но и изъ исторіи, изъ преданій. Такъ, въ пѣснѣ, напечатанной въ „Русской Старинѣ“ Корниловича, (см. выше, стр. 41), Ермакъ, винясь передъ царемъ Иваномъ, между прочимъ говоритъ:

„Какъ и я—то разбивалъ вѣдь бусы—корабли,
Какъ и тѣ—то корабли все *не орленые*“ (безъ орловъ, гербовъ).

Въ пѣснѣ, напечатанной у Сахарова [1]), такое-же признаніе Ермака:

„Разбивалъ я, Ермакъ, бусы—корабли,
И Таксырскіе, и бусурманскіе,
А больше корабли государевы,
Государевы корабелички безъ примѣтушекъ,
Безъ царскаго герба [2]).

Въ извѣстной своей монографіи г. Костомаровъ, приводя разныя преданія о Стенькѣ Разинѣ, между прочимъ разсказываетъ: „Стенька Разинъ, на своей кошмѣ-самолеткѣ-самоплавкѣ перелеталъ съ Дона на Волгу, а съ Волги на Донъ.... Не было спуску ни царскимъ судамъ, ни купеческимъ, ни большимъ, ни мелкимъ: со всѣхъ судовъ Стенька бралъ подать; а кто вздумаетъ обороняться, тѣхъ топилъ, а господъ большихъ ловилъ, да въ тюрьму сажалъ. Вотъ и шлетъ къ нему самъ царь: „Зачѣмъ—говоритъ—ты царскихъ судовъ не пропускаешь?“ А Стенька говоритъ: „Я, молъ, ваше царское величество, *не знаю, какія есть суда царскія, какія не царскія.*“ Царь приказалъ *на всѣхъ царскихъ судахъ ставить гербы*, Стенька поэтому не трогалъ ихъ и пропускалъ и дани не бралъ. Царь за это прислалъ къ нему въ подарокъ шапку. Только тогда купцы сговорились, да и на свои суда стали ставить гербы, а Стенька, какъ это узналъ, и говоритъ: „*нельзя разобрать, какія суда есть царскія, какія нецарскія!*“ и *опять со всѣхъ судовъ сталъ брать дань*“ [3]).

---

[1]) Сказанія Р. Народа, т. I, стр. 244.

[2]) Этотъ стихъ, очевидно, книжная, позднѣйшая вставка, какъ бы для объясненія слова „примѣтушекъ.“

[3]) Историч. Моногр. т. II, 377.

Связь между подробностью пѣсни и этимъ преданіемъ такъ ясна, что мы считаемъ лишнимъ останавливаться долѣе на этомъ предметѣ.

Переходимъ теперь къ сродству Ивановскихъ пѣсень съ Петровскими, — сродству, какъ сейчасъ увидимъ, весьма тѣсному. Связь эту г. Безсоновъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „Не смотря на особыя отличія двухъ историческихъ эпохъ, въ самой личной жизни Петра, въ характерѣ его, положеніи и даже въ нѣкоторыхъ событіяхъ его времени давно замѣчено проницательными, хоть и немноготомными, историками, разительное сходство съ Иваномъ Грознымъ: отношенія къ супругамъ и сыну дополняютъ собою паралель. Творчествомъ народнымъ развито это сближеніе почти до единства образовъ, до повторенія пріемовъ и красокъ, до тождесловія выраженій. Казни Грознаго какъ будто оживаютъ и уясняются казнями стрѣльцовъ и большаго боярина; умолчанная въ пѣсняхъ судьба Петрова сына съ избыткомъ обрисована покушеніемъ Грознаго на собственное дитя свое; Флоръ со своими товарищами отвѣчаетъ Ермаку; борьба Императора съ Драгуномъ напоминаетъ собою живо борьбу Кастрюка, и если Грозный любуется какъ „Русакъ тѣшится,“ то въ Петрѣ творчество ступило лишь далѣе, переведя эту потѣху на единоборство самаго государя. Въ особенности же сопоставляетъ народъ того и другаго, выражая ясно свой сходный взглядъ на обоихъ, когда Монастырь Румянцевъ и Правежъ повторяются тамъ и здѣсь; плачъ отверженной супруги до того роднится при обоихъ, что нужна большая опытность въ признакахъ творчества, дабы различить здѣсь эпохи, отстоящія на полтораста лѣтъ; покореніе Азова передается тѣми же почти образами и словами, чтó покореніе Казани; плачъ по умершемъ царѣ, начатый въ былинахъ съ Ивана, прошедши промежутокъ годовъ, со всею силою воскресаетъ при гробѣ Петра и лишь отсюда дѣлается

первообразомъ для подобныхъ плачей послѣдующихъ. Сопоставленіе это, разумѣется, нисколько не роняетъ Петра: оно выясняетъ намъ образъ и дѣйствительное величіе Ивана. Для народа тотъ и другой стоятъ самыми знаменательными точками, или, правильнѣе, образами во главѣ двухъ важнѣйшихъ періодовъ московскаго, былеваго—историческаго творчества: первый собралъ и сосредоточилъ творчество вокругъ лица своего, впервые далъ жизнь, цвѣтность характера и полноту былинамъ московскимъ; второй, по миновaніи промежутка, завершилъ ихъ и въ заключительной полнотѣ пронесъ ихъ съ именемъ своимъ по всей Россіи до отдаленнѣйшихъ окраинъ. Только этими двумя образами возбуждено въ равной мѣрѣ творческое настроеніе народа, только на нихъ сосредоточилось до полноты и единства въ московскомъ своемъ періодѣ, только къ нимъ отнеслось съ непрерывнымъ сочувствіемъ [1]).

Вь нашу задачу не входитъ обсужденіе вопроса о возможности ставить въ паралель Ивана Грознаго и Петра Великаго; (мнѣніе это еще въ послѣднее время было высказано г. Бестужевымъ-Рюминымъ въ статьѣ „Нѣсколько словъ по поводу поэтическихъ воспроизведеній характера Іоанна Грознаго,“ напечатанной въ мартовской книжкѣ „Зари“ 1871 г. и встрѣтило красноречивое опровerженіе въ статьѣ г. Костомарова: „Личность царя Ивана Васильевича Грознаго,“ помѣщенной въ „Вѣстникѣ Европы,“ № 10, 1871 г.). Но такъ какъ въ занимающихъ насъ народныхъ пѣсняхъ эта паралель,—если паралелью можно назвать воспѣваніе совершенно отдѣльныхъ лицъ и событій почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ,—дѣйствительно существуетъ, то мы должны разсмотрѣть каждую подробность особо, чтобы имѣть возможность

---

[1]) Кирѣевск. VIII, Замѣтка, стр. XVII—XVIII.

прійти къ общему выводу въ этомъ, первостепенной важности, вопросѣ. Г. Безсоновъ, какъ мы видѣли, уже сдѣлалъ перечень частностей, въ которыхъ, по его мнѣнію, народное творчество сопоставляло Петра Великаго съ Иваномъ; но мы сейчасъ увидимъ, что, увлекаясь своимъ основнымъ воззрѣніемъ, онъ поставилъ паралельно и такія подробности, которыя или не могутъ быть сопоставлены по той или другой причинѣ.

Почти буквально передаются въ тѣхъ и другихъ пѣсняхъ взятіе Казани и взятіе Азова. Взятіе Казани намъ уже извѣстно; Азовъ берутъ точно также, посредствомъ взрыва, и описывается этотъ взрывъ въ такихъ-же точно выраженіяхъ:

„Подкопы копали все глубокіе,
Бочки закатали съ лютымъ зельемъ,
Съ лютымъ зельемъ, съ чернымъ порохомъ,
Свѣчи прилѣпляли воску яраго:
Свѣчи догорали,—бочки разорвало,
Разметало башни все угольчатыя.
(Кирѣевск. VIII, 64).

Точно также, съ весьма небольшими измѣненіями, касающимися отдѣльныхъ словъ, описаны въ пѣсняхъ о Петрѣ моменты взятія Риги и Шлиссельбурга [1]).

Еще болѣе сходства въ пѣсняхъ о правежѣ. И тамъ и тутъ, дѣйствіе на „святой Руси, въ каменной Москвѣ;" и тамъ и тутъ, бьютъ за расхищеніе „золотой казны" монастыря Румянцева, (въ пѣсняхъ объ Иванѣ Грозномъ есть и Соловецкій монастырь);

[1]) Въ 4 т. Лѣтоп. Рус. Л-ры, „Русск. Народ. Пѣсни, собранныя въ Саратовской губ. А. К. Мордовцевой и Н. И. Костомаровымъ", стр. 36 и 40.

и тамъ и тутъ—количество этой казны опредѣлено въ сорокъ тысячъ; и тамъ и тутъ истязуемый „стоитъ не тряхнется, русы кудри не шелохнутся, только горючи слезы изъ глазъ катятся;" и тамъ и тутъ, царь допрашиваетъ, за что бьютъ добраго молодца и куда дѣвалась разбитая имъ казна; и тамъ и тутъ характеристическій отвѣтъ, что пропита она съ голью кабацкою; и тутъ, и тамъ—полное прощеніе со стороны царя [1]). Въ обоихъ случаяхъ, добрый молодецъ представленъ нагимъ и босымъ, „въ одной сорочкѣ безъ пояса, въ однихъ чулочкахъ безъ чоботовъ;" ставятъ его „на бѣлъ—горючъ камень;" когда царь обращается къ нему съ вопросомъ, то „не золотая трубонька вострубила;" когда добрый молодецъ увидѣлъ, что другіе дѣлили между собою золотую казну, то— разсказываетъ онъ въ пѣснѣ Ивановской—

„Подошелъ я, добрый молодецъ, къ сыру дубу,
Ужъ какъ бралъ то я сырой дубъ посередь его,
Я выдергивалъ изъ матушки сырой земли,
Какъ отряхивалъ корень о сыру землю:
Ужъ какъ тутъ—то добры молодцы испугалися,
Со дѣлу (съ дѣлежа) они со дувану разбѣжалися,
Одному мнѣ золота казна досталася.

(Кирѣевск. VI, 199; перепечатано изъ
Ш т. Изв. Акад. Наукъ).

---

[1]) Пѣсни о правежѣ, отнесенныя къ Петровскому времени, потому что въ нихъ упоминается Петръ, напечатаны и перепечатаны въ VIII в. сборника Кирѣевскаго, стр. 30—38. Что касается до пѣсень о томъ же предметѣ времени Ивана Грознаго, то онѣ цитированы нами въ своемъ мѣстѣ (см. выше, стр. 49).

А въ пѣснѣ Петровскаго времени читаемъ такой отвѣтъ:

„Ухватилъ я черленый вязъ
И ударилъ черленымъ вязомъ по сырой землѣ:
Отъ того удара богатырскаго
Мать сыра—земля сколыбалася,
А добры молодцы испугалися,
По чисту полю разбѣгалися,
И оставляли ёны золоту казну [1]).

(Рыбняк. II, 242).

Затѣмъ, такое-же и, пожалуй, даже большее сходство является въ описаніи смерти обоихъ царей. И въ Петровскихъ пѣсняхъ, какъ въ Ивановскихъ [2]), пѣсни, относящіяся къ этому событію состоятъ изъ эпической и лирической части; первую составляетъ описаніе самой смерти, вторую—различные плачи по умершемъ. Кончина Петра описывается подробнѣе, чѣмъ кончина Ивана; въ первомъ описаніи слѣдующія, не встрѣчающіяся во второмъ, подробности: Иванъ представляется уже умершимъ, Петръ—умирающимъ; окружающіе его спрашиваютъ, кому онъ оставляетъ въ управленіе Москву и всю Россію и получаютъ его завѣщаніе. Но есть подробности общія тѣмъ и другимъ пѣснямъ: и Иванъ и Петръ лежатъ въ кипарисномъ гробу; и тутъ и тамъ, чуть царь умеръ,—

„ударили въ большой колоколъ,
Раздается звонъ по матушкѣ сырой землѣ;“

надъ гробомъ и того и другаго,—

---

[1]) Вотъ еще одно доказательство сродства съ богатырскимъ эпосомъ пѣсни не только Ивановскаго, но и Петровскаго времени.

[2]) Ср. выше, стр. 47.

„ . . . стоятъ все попы - патріархи,
Они служатъ—читаютъ, память отпѣваютъ“ [1]).

То, что мы называемъ лирическою частью, т. е. плачи, представляетъ еще болѣе сходства. О плачахъ надъ гробомъ Ивана Грознаго мы уже кратко упоминали (стр. 48); плачутъ царица и войско; тоже и по смерти Петра. Разница, конечно, прежде всего въ именахъ плачущихъ: тамъ опредѣлительно называется Марѳа Матвѣевна, здѣсь—Катерина Алексѣевна; сходство—въ предметѣ плача: вдова Ивана, обращаясь къ умершему, взываетъ:

„Безъ тебя все царство помутилося,
Всѣ стрѣльцы—бойцы взволновалися [2]),
Всѣхъ князей—бояръ во тынахъ рубятъ,
А меня-то, Царицу, не слушаютъ!“
(Кирѣевск. VI, 208).

Вдова Петра жалуется, что—

„Всѣ графы—генералы измѣну сдѣлали,
Царскiи знамены врагу приклонились,
Россійску армеюшку во полонъ взяли.“
(Кир. VIII, 278).

Плачущее войско и въ одномъ, и въ другомъ случаѣ представлено въ лицѣ сержанта [3]). Сержантъ Ивановскій плачетъ „у Ивана-Великаго, у собора Успенскаго“ въ Москвѣ, Петровскій—въ Пе-

---

[1]) Кирѣевск. VI, 205—207 и VIII, 273—276.

[2]) *Стрѣльцы* здѣсь, конечно, вставка уже Петровскаго времени; но есть пѣсня, въ которой этого позднѣйшаго прибавленія еще нѣтъ: именно, царица жалуется, что безъ царя *народъ* взбунтовался. (Кир. VI, 209).

[3]) Въ одной Петровской пѣснѣ плачетъ, вмѣсто сержанта, „молодой маіоръ.“ (Кир. VIII, 292).

тропавловскомъ соборѣ, „въ Петербургѣ въ славномъ городѣ“ [1]). Первый плачетъ:

„Ты возмой—возмой, туча грозная,
Ты пролей-ка частъ силенъ дождичекъ,
Примочи-ка ты мать сыру-землю!
Разступись-ка ты, мать сыра-земля,
На четыре ты на всѣ стороны!
Раскройся-ка, гробовà доска,
Распахнись-ка ты, бѣлъ--тонкóй саванъ,
Ты возстань, возстань, православный царь,
Царь Иванъ Васильевичъ!
(Кирѣевск. VI, 210).

А вотъ плачъ сержанта Петровскаго:

„Вы подуйте съ горъ, вѣтры буйные,
Разнесите вы снѣги бѣлые,
Разступись ты, мать—сыра земля,
Развались ты, бѣлъ—горючъ камень,
Расколись ты, гробова доска,
Развернись ты, золота парча,
Распахнись ты, бѣлъ-тонкóй саванъ,
Ужъ ты встань—проснись, православный царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичъ!
(Кир. VIII, 286).

Оба просятъ царя взглянуть на свое войско, при чемъ одинъ говоритъ:

„Твой любимый полкъ въ походъ пошелъ,
Въ походъ пошелъ подъ *Казань городъ*“,

---

[1]) Въ одномъ варіантѣ, Петропавловскій соборъ очутился въ Москвѣ. (Кир. VIII, 282).

а другой повторяетъ точно тѣже слова, только вмѣсто *Казань-городъ* ставитъ *Азовъ-городъ* и, сообразно этой замѣнѣ, второй сейчасъ же начинаетъ разсказывать: „Мы стояли подъ Азовомъ ровно три годочка“; а первый:

„Подъ Казанью мы подъ городомъ,
Мы стояли подъ нимъ восемь лѣтъ.“

Такимъ образомъ, въ главныхъ основаніяхъ—полное сходство. Затѣмъ, въ Петровскихъ пѣсняхъ по поводу смерти царя есть нѣсколько прибавленій, уже спеціально принадлежащихъ этому времени и изъ нихъ нѣкоторыя весьма характеристичны; но мы не останавливаемая на нихъ, какъ на непринадлежащихъ къ предмету нашего изслѣдованія.

Вышеприведенными подробностями ограничивается существенное сходство между Ивановскими и Петровскими пѣснями. Г. Безсоновъ, какъ мы видѣли, указываетъ еще на нѣкоторые пункты соприкосновенія,—но съ мнѣніемъ его мы не можемъ согласиться. Прежде, однако, чѣмъ объяснить причины этого разногласія, приведемъ еще тѣ частности (лица, предметы и т. п.), которыя общи и тѣмъ, и другимъ пѣснямъ.

Въ изложеніи эпизода о покушеніи Ивана на жизнь сына мы, между прочими жалобами царя, встрѣтили и такую:

„По *ворѣ по Гагаринѣ* засгупъ было:
А по царскихъ родахъ и нѣтъ никого!“

и тогда же замѣтили, что это имя занесено уже изъ Петровскихъ пѣсенъ [1]). Въ этихъ послѣднихъ Гагаринъ дѣйствительно изображается воромъ. Солдаты прямо говорятъ:

---

[1]) См. выше, стр. 29.

„Заѣдаетъ *воръ Гагаринъ*
Наше жалованье,
Долговое, трудовое,
Малоденежное [1])—

и описаніе злоупотребленій этого вельможи составляетъ предметъ нѣсколькихъ пѣсень.

Мазепа, занимающій — что́ весьма понятно — такое видное мѣсто въ Петровскихъ пѣсняхъ, — зашелъ въ Ивановскія всего одинъ разъ: мы встрѣчаемъ его товарищемъ Ермака [2]). Пѣсня эта,—полу-стихи, полу-проза,—(о ней мы упоминали выше),—къ сожалѣнію и не кончена, и съ пропусками,—такъ что нельзя судить, въ какомъ видѣ былъ здѣсь изображенъ Мазепа. Говорится только, что онъ, въ числѣ другихъ, разбойничалъ съ Ермакомъ, и въ концѣ пѣсни приводится его предложеніе другимъ казакамъ поймать „по звѣрику, по сурочку многоцѣнному.“ Но для насъ имѣетъ цѣну и простое сопоставленіе его съ Ермакомъ, помѣщеніе его въ числѣ товарищей завоевателя Сибири: мы видимъ тутъ *казацкое* творчество, сближающее между собою лицъ, игравшихъ въ исторіи казачества важную роль.

Ермакъ въ Петровскихъ пѣсняхъ не упоминается, — но его заточеніе въ турецкой тюрьмѣ, послужившее предметомъ пѣсни, уже приведенной нами, повторяется въ пѣснѣ, которая, какъ справедливо замѣчаетъ г. Безсоновъ, по всему своему строю и складу, принадлежитъ эпохѣ Петровской: въ ней безъимянный донской казакъ, сидящій въ темницѣ въ Азовѣ, проситъ проѣзжающаго мимо

---

1) Кирѣевск. VIII, 300.
2) Рыбн. II, 230.

нея турецкаго царя скорѣе освободить его, угрожая въ противномъ случаѣ написать грамоту „не перомъ и не черниломъ," а „горючими слезьми" къ своимъ товарищамъ на Донъ, которые, получивъ ее, взбунтуются и разобьютъ турецкую силу [1]. И султанъ освобождаетъ казака. Сходство, дѣйствительно, значительное, но такъ какъ первообразъ этой пѣсни, о чемъ мы уже говорили выше, воспѣваетъ почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ—по крайней мѣрѣ судя по началу—и Ермака, и Стеньку, то мы и не рѣшаемся утверждать, что въ этомъ донскомъ безымянномъ казакѣ повторился именно Ермакъ [2].

Кромѣ историческихъ лицъ, перешедшихъ въ Ивановскія пѣсни изъ Петровскихъ, видимъ въ первыхъ и другія подробности, которыя могли создаться и, слѣдовательно, занестись въ пѣсню только во время Петра и послѣдующее: Казань взрываютъ *канонеры* [3]; Ермакъ не хочетъ покориться казанскому *губернатору* и проходитъ саратовскую *губернію* [4]; когда онъ является въ Москву, царь разсылаетъ его и его товарищей по *квартирамъ* [5]; Никита Романовичъ титулуется *свѣтлѣйшимъ княземъ* [6]; Иванъ Грозный ѣдетъ въ церковь въ *каретѣ* [7]; въ войскѣ его встрѣчаемъ *стрѣльцовъ* [8];

---

[1]) Кирѣевск. VIII, 78.

[2]) Пѣсня эта въ послѣдствіи видоизмѣняется такимъ образомъ, что мѣсто турецкаго царя заступаетъ Петръ; само собою разумѣется, что и подробности пѣсни, при этомъ, значительно измѣняются.

[3]) Древн. Рос. Стих. стр. 285.

[4]) Кирѣевск. VI, 27.

[5]) Древн. Рос. Стих. стр. 119.

[6]) Кирѣевск. VI, стр. 58.

[7]) Рыбн. III, 388.

[8]) Кирѣевск. VI, 104 и 208.

подъ Серпуховымъ царь дѣлаетъ переборъ *енераламъ всѣмъ, фельдмаршаламъ* [1]); добрый молодецъ разбиваетъ казну *Румянцева монастыря* (см. выше); умершаго Ивана оплакиваетъ *конная гвардія* [2]) и *сержантъ* (см. выше); передъ гробомъ его стоятъ *патріархи;* между *полками* его, о которыхъ говоритъ плачущій сержантъ, идутъ полки *Семеновскій, Измайловскій* и *Петропавловскій* [3]),—и т. п.

Указавъ на эти подробности, обращаемся къ тѣмъ точкамъ соприкосновенія и сродства, которыя находитъ въ тѣхъ и другихъ пѣсняхъ г. Безсоновъ:

1) *Казни Грознаго и казни стрѣльцовъ Петромъ.* Не говоря уже о томъ, что о казняхъ Ивана пѣсня говоритъ только изрѣдка, и то вскользь, двумя—тремя стихами, а казни стрѣльцовъ составляютъ содержаніе нѣсколькихъ, совершенно отдѣльныхъ, замѣчательныхъ и въ художественномъ отношеніи, пѣсень [4]),—не говоря уже, слѣдовательно объ отсутствіи сходства во внѣшней формѣ, въ образахъ и т. п., т. е. того сходства, которое именно и ставитъ главнымъ образомъ въ тѣсную связь пѣсни Ивановскія и Петровскія, —мы никакъ не можемъ усмотрѣть между тѣми и другими какого бы то ни было внутренняго сродства. „Казни Грознаго—говоритъ г. Безсоновъ—какъ будто оживаютъ и *уясняются* казнями стрѣльцовъ и Большаго Боярина;“—но какимъ образомъ одинъ предметъ можетъ уяснить другой, совершенно разнороднаго свойства? Иванъ

---

1) Изв. Акад. Наукъ, т. I, въ прибавленіяхъ.

2) Кирѣевск. VI, 205.

3) Ibid. стр. 212.

4) Онѣ напечатаны въ VIII в. сборника Кирѣевскаго, стр. 16—30.

казнилъ *бояръ*, (о другихъ казняхъ, по крайней мѣрѣ, народная пѣсня нигдѣ не упоминаетъ); Петръ казнитъ *стрѣльцовъ*, т. е. людей народа; понятно, что при такомъ существенномъ различіи этихъ элементовъ, народное творчество не можетъ относиться къ нимъ одинаково, не можетъ *соединять* ихъ въ своемъ представленіи. Все сходство тутъ въ томъ, что и Иванъ и Петръ „казнятъ—вѣшаютъ" или жалуютъ „двумя столбами дубовыми и петлями шелковыми,"—стало быть, сходство, такъ сказать, только въ самомъ *процесѣ* казни. И, дѣйствительно, отношеніе народнаго творчества къ однимъ пѣснямъ совершенно иное, чѣмъ къ другимъ. О казняхъ бояръ народъ проговаривается съ какимъ-то злорадствомъ,—покрайней мѣрѣ, нѣтъ ни малѣйшаго проявленія какого бы то ни было состраданія, сочувствія въ казнимымъ; (и въ послѣдующихъ пѣсняхъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, чуть говорится о бояринѣ, большею частію пѣсня не скупится на рѣзкія выраженія, безцеремонную брань и т. п.);—описывая казнь стрѣльцовъ, пѣсня впадаетъ въ нѣкотораго рода лиризмъ,—лиризмъ, въ которомъ ясно слышатся грусть, иронія, протестъ побѣжденнаго противъ побѣдителя. Въ пѣснѣ о казни *боярина* времени Ивана Грознаго едва-ли были бы возможны слова Петровскаго *стрѣльца:*

„Охъ вы гой еси, стрѣльцы, добры молодцы!
Вы ступайте, убирайтесь вонъ изъ города:
И нѣтъ намъ, братцы, отъ царя большой милости,
Велѣлъ гнать на Красную Площадушку,
А которыхъ на поле на Куликово-то,
Кого хочетъ казнить, кого вѣшать,
А съ меня, съ атамана, голову рубить."

(Кирѣевск. VIII, 17).

Ивановскій бояринъ не сказалъ бы въ пѣснѣ царю такихъ словъ, какія произноситъ стрѣлецъ, обращаясь къ Петру:

„Во всеё Руси царь, Петръ, сударь, Алексѣевичъ!
Во глазахъ ты меня, сударь, обманывашь!"
(Ibid. 19).

И потомъ, убѣжавъ къ своимъ товарищамъ, не крикнулъ бы:

„Еще хочетъ насъ православный царь всѣхъ жаловать,
Жаловать хоромами высокими,
Двумя столбами дубовыми
И петлями шелковыми!"

Если ужъ сравнивать пѣсни о стрѣльцахъ съ чѣмъ нибудь въ Ивановскихъ пѣсняхъ, то, скорѣй всего, съ тѣми изъ этихъ послѣднихъ, въ которыхъ на сценѣ казаки. По крайней мѣрѣ, тутъ внутренняя сущность, а отчасти и внѣшняя форма, почти одинаковы. И тутъ и тамъ передъ нами молодецкая удаль, сперва бушующая на просторѣ, потомъ образумливающаяся и приходящая къ убѣжденію въ необходимости покориться законной власти. Стрѣльцы, какъ и казаки Ермака, сходятся „во единый кругъ", „думаютъ крѣпку думу за единую" и посылаютъ одного изъ своихъ, атамана, къ царю съ повинною головою. Тутъ, повторяемъ, основной мотивъ одинъ и тотъ же; разница только въ историческихъ подробностяхъ. Г. Безсоновъ нашелъ-же возможнымъ поставить въ паралель съ Ермакомъ атамана Петровскаго времени, Флора Минаевича, который тоже ѣдетъ въ Москву съ челобитною о прощеніи и примиреніи [1]); почему же не усмотрѣлъ онъ внутренняго сродства и въ пѣсняхъ о стрѣльцахъ и казакахъ и нашелъ его тамъ, гдѣ оно не существуетъ и существовать не можетъ?

---

[1]) Древн. Рос. Стихотв. стр. 421.

2) *Заточеніе супруги Ивана Грознаго и супруги Петра.* Мы уже выше объяснили (стр. 49), почему не можемъ отнести пѣсни о ссылкѣ Мароы Матвѣевны къ пѣснямъ объ Иванѣ Грозномъ; изъ этого сама собою вытекаетъ для насъ и невозможность, въ этомъ случаѣ, занимающаго насъ сближенія.

3) *Единоборство Кастрюка и единоборство Петра.* Пѣсни, относящіяся къ этимъ предметамъ, мы считали бы сродными, еслибы сущность пѣсни о Кастрюкѣ состояла, какъ предполагаетъ повидимому, г. Безсоновъ, только въ „потѣхѣ" государя зрѣлищемъ единоборства. Но единоборство Кастрюка, помимо своихъ чисто-эпическихъ подробностей, о которыхъ мы уже говорили, имѣетъ и совсѣмъ другой смыслъ, служа видоизмѣненіемъ борьбы русскихъ силъ съ татарскими; мы привели выше слишкомъ много подробностей, свидѣтельствующихъ о справедливости этого заключенія, чтобы снова возвращаться къ нимъ;—единоборство-же Петра—дѣйствительно потѣха. Онъ самъ вызываетъ охотника бороться, для того, чтобы потѣшить царя [1]). Стало быть, тутъ опять основной мотивъ не одинъ и тотъ же. Притомъ-же, и пѣсня о единоборствѣ Кастрюка не принадлежатъ собственно времени Ивана Грознаго: большая часть подробностей ея, и самая основа—единоборство, зашли въ Ивановскія пѣсни изъ эпоса богатырскаго.

4) Сверхъ вышеприведенныхъ сближеній, г. Безсоновъ находитъ, что „умолчанная въ пѣсняхъ судьба Петрова сына съ избыткомъ обрисована покушеніемъ Грознаго на собственное дитя свое"; изъ этого какъ будто выходитъ, что судьба Алексѣя Петровича не воспѣта народомъ потому, что онъ уже достаточно воспѣлъ исто-

---

[1]) Кирѣевск. VIII, 37.

рію сына Ивана. Это значитъ—приписывать народному творчеству такія соображенія, какихъ оно ни въ какомъ случаѣ имѣть не можетъ и которыя вообще противорѣчатъ понятію о творчествѣ. Отчего же, напримѣръ, столько пѣсень о взятіи Азова, если столько-же есть пѣсень о взятіи Казани?

Мы привели всѣ подробности, въ которыхъ выражается сродство занимающихъ насъ пѣсень съ предшествующимъ имъ эпосомъ и послѣдующими произведеніями въ этомъ родѣ, при чемъ закончили Петровскими пѣснями, потому что совершенно согласны съ Кирѣевскимъ, замѣтившимъ, что царствованіе Петра можно назвать и границею настоящихъ народныхъ пѣсень. „Правда — говоритъ онъ — что поются въ народѣ пѣсни о Семилѣтней войнѣ, о турецкихъ и шведскихъ войнахъ Екатерины, о войнѣ 1812 г. и многія другія; но эти пѣсни разительно отличаются отъ всѣхъ настоящихъ народныхъ пѣсень: онѣ лишены всякаго поэтическаго достоинства и заслуживаютъ вниманія только какъ любопытные памятники времени." [1]).

Какой же выводъ изъ всего этого сдѣлаемъ мы?

Выводъ двоякій·

Съ одной стороны, представляется во всей своей наглядности *цѣлостность* и *живучесть* русскаго эпоса, къ которому, само собою разумѣется, мы причисляемъ и историческія пѣсни. Разъ установившись въ народномъ творчествѣ, извѣстные образы, представленія, идеалы,— если это слово можетъ быть здѣсь у мѣста,—уже

---

[1]) Кирѣевск. вып. I, въ предисловіи.

осѣдаютъ такъ прочно, что ни теченіе времени, ни измѣненіе историческихъ обстоятельствъ, ни вліяніе внѣшней и внутренней жизни не могутъ сокрушить ихъ. Создаются они въ эпоху, когда миѳическія представленія играютъ въ народѣ главнѣйшую роль, когда къ этой миѳической основѣ пріурочиваются всѣ историческія событія,—и живутъ необыкновенно долго, живутъ еще и въ то время, когда историческая жизнь народа развилась вполнѣ.

Съ другой стороны, вопреки восторженнымъ поклонникамъ народнаго творчества, мы не можемъ не видѣть въ вышеуказанномъ близкомъ сродствѣ извѣстной слабости этого творчества, или, по крайней мѣрѣ, значительнаго ослабленія его по мѣрѣ того, какъ жизнь народа все болѣе и болѣе подвигается впередъ. Мы видѣли, какъ событія, совершенно другъ отъ друга особыя, отдѣленныя одно отъ другаго нѣсколькими столѣтіями, предаются въ совершенно одинаковыхъ выраженіяхъ, рисуются совершенно одинаковыми образами, красками, изображаются съ совершенно одинаковыми подробностями. Мы понимаемъ, что можно, не смотря на взаимную отдаленность историческихъ событій, на совершенное различіе между дѣйствующими лицами ихъ, мѣстностями, вообще всею обстановкой,—усматривать *внутреннюю* связь, или, вѣрнѣе, внутреннее сродство между этими событіями; мы понимаемъ, что Ермакъ можетъ очень легко сдѣлаться младшимъ братомъ Ильи Муромца и Стенька Разинъ—воспринять въ себя всѣ черты Ермака,—мы придаемъ даже особенную цѣну этому проницательному чутью, вникающему во внутренній смыслъ,—но творчество состоитъ не только въ угадываніи этого внутренняго смысла предмета, дающаго ему пищу; форма, въ которую облекается мысль, чувство, составляетъ важный, существенный элементъ творчества—и чѣмъ слабѣе это послѣднее, тѣмъ слабѣе первая. Если бы писатель, усматривая внутреннее сродство между двумя совер-

шенно разнородными событіями, изобразилъ ихъ совершенно одинаковымъ образомъ, повторилъ бы во второй разъ все то, что́ дали ему въ первый разъ его фантазія, его поэтическое чутье,—всякій считалъ бы себя въ правѣ упрекнуть этого писателя въ недостаткѣ творчества или въ ослабленіи его. Народъ, творящій пѣсни—тотъ же писатель, – съ тою только разницей, что его нельзя подводить во всѣхъ отношеніяхъ подъ одинаковыя условія съ единоличнымъ авторомъ—художникомъ; если его творчество, въ смыслѣ соединенія внутренняго смысла съ внѣшнимъ выраженіемъ, останавливается на извѣстномъ пунктѣ и только пользуется готовымъ матеріаломъ,—мы имѣемъ положительное право сказать, что пора этого творчества миновала или близится къ концу. Еслибъ въ настоящемъ трудѣ мы говорили о русскихъ историческихъ пѣсняхъ вообще, еслибъ разобрали ихъ во всѣхъ существенныхъ подробностяхъ, то могли бы, надѣемся, наглядно показать, по сравненію этого историческаго эпоса съ богатырскимъ, какъ постепенно ослабѣвало эпическое творчество народа, какъ оно все болѣе и болѣе пользовалось готовымъ матеріаломъ. Но и тѣхъ указаній, которыя приведены нами, достаточно, кажется, для того, чтобы видѣть это явленіе. Пѣсни о времени Ивана Грознаго заслуживаютъ этотъ упрекъ не въ такой степени, какъ послѣдующія; здѣсь творчество создаетъ много такого, что́ принадлежитъ собственно ему, не заимствовано ни изъ какого посторонняго источника; легендарный-ли характеръ эпохи тому причиною, другія-ли историческія обстоятельства,—но извѣстная сила этого творчества въ эту пору еще несомнѣнна. Чѣмъ далѣе подвигаемся мы, тѣмъ чаще заимствованія и повторенія, и, слѣдовательно, тѣмъ слабѣе *творческое* начало. Безъ большой натяжки, безъ упорно-предвзятой мысли невозможно усмотрѣть въ этихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ присутствіе многихъ *новыхъ* существенныхъ чертъ, такъ что, прочтя, напримѣръ, описаніе

одной какой нибудь битвы, одного какого нибудь лица, вы почти увѣрены, что встрѣтите тоже самое въ описаніи другой битвы и другаго лица, хотя бы совершенно различныхъ отъ первыхъ. Есть пѣсня о поѣздкѣ Петра въ Стокгольмъ,—(по крайней мѣрѣ относимая издателемъ сборника Кирѣевскаго къ этому событію [1]); — въ ней царь ѣдетъ на тридцати корабляхъ, изъ которыхъ первый летитъ какъ соколъ и изукрашенъ особеннымъ образомъ,—ѣдетъ и приказываетъ матросамъ посмотрѣть „по трубочки подзорныя," чтобы узнать, „далеко-ли до Стекольнова" (Стокгольма)? И тутъ же напечатана совершенно такая же пѣсня, почти буквально такая-же, только вмѣсто тридцати кораблей—тридцать три, а вмѣсто Петра на первомъ кораблѣ сидитъ императоръ Александръ Павловичъ. Спрашиваемъ, въ какой мѣрѣ такіе пріемы—а ихъ не мало—свидѣтельствуютъ о силѣ народнаго творчества?—Или, напримѣръ, безусловно-восторженные поклонники народной поэзіи восхищаются тѣмъ, что въ пѣсни о Петрѣ перешли во всей неприкосновенности нѣкоторыя мѣста слова о полку Игоревѣ [2]); въ чемъ-же тутъ творчество?—Всѣ эти заимствованія, сближенія и т. п. любопытны и, во многихъ случаяхъ, важны какъ характеристика взгляда народа на то или другое событіе, тотъ или другой предметъ,—но они не только не могутъ свидѣтельствовать въ пользу силы народнаго творчества, а еще напротивъ того, говорятъ противъ него, — и еслибы г. Стасовъ, въ своихъ пресловутыхъ статьяхъ „О происхожденіи русскихъ былинъ" доказалъ не остроумными натяжками, а положительными данными заимствованіе — и только заимствова-

---

[1]) Кирѣевск. VIII, 160.

[2]) Примѣръ такой пѣсни въ VIII в. сборника Кирѣевскаго, стр. 173.

ніе—нашихъ эпическихъ произведеній изъ произведеній восточныхъ, мы не поколебались бы отказать русскому богатырскому эпосу въ той силѣ творчества, которую онъ дѣйствительно имѣетъ и безотносительно, и по отношенію къ другимъ произведеніямъ, служащимъ ему продолженіемъ.

Тѣсною связью между пѣснями разныхъ эпохъ обусловливается множество анахронизмовъ, встрѣчающихся въ произведеніяхъ нашей народной поэзіи и, между этими послѣдними, въ пѣсняхъ о времени Ивана Грознаго. Всѣ эти анахронизмы, за исключеніемъ, можетъ быть, самыхъ маловажныхъ, указаны нами въ предшествующемъ изложеніи. Но они не уничтожаютъ исторической вѣрности, присущей въ многихъ подробностяхъ этимъ пѣснямъ и заключающей въ себѣ причину того, что мы назвали ихъ историческими въ строгомъ значеніи этого слова.

Къ этой-то исторической вѣрности мы теперь и обратимся, понимая здѣсь подъ нею *фактическую* сторону, т. е. согласіе съ фактами, съ внѣшними проявленіями исторической жизни.

Считаемъ, конечно, лишнимъ подкрѣплять лѣтописными свидѣтельствами тѣ, воспѣваемыя въ пѣсняхъ объ Иванѣ Грозномъ, событія, существованіе которыхъ слишкомъ извѣстно; что Казань была взята, Сибирь покорена и т. п. не только въ пѣсняхъ, но и въ дѣйствительности,—это, конечно, факты, не требующіе никакихъ потвержденій. Мы остановимся въ этомъ случаѣ только на нѣкоторыхъ, болѣе выдающихся, частностяхъ всѣхъ изложенныхъ нами эпизодовъ.

I. **Ермакъ.** а) *Путь его въ Сибирь.* Припомнимъ подробности этого пути,—мѣстности, черезъ которыя проходитъ Ермакъ съ товарищами (см. выше, стр. 41): Усолья, Чусова рѣка, рѣка Серебряная, Жаровль, рѣка Баранча, Тагиль-рѣка, гора Магницкаго, рѣка Тура, рѣка Епанча, рѣка Тоболь, Иртышъ, Тобольская гора и рѣка Сибирка. Это по пѣснѣ. Въ „Сибирской Лѣтописи“ [1]) читаемъ: „Они же атаманы и казаки.... идоша по Чусовой рѣкѣ въ верьхъ до усть Серебряныя рѣки четыре дни, и по Серебряной идоша два дни и дойде Сибирскія дороги, и ту городокъ земляной поставиша и назва его Ермаковъ Кокуй городокъ и съ того мѣста перевезеся 25 поприщь за волокъ, на рѣку рекомую Жаравли, и по той рѣцѣ поидоша въ низъ и вышедъ на Туру рѣку: ту бѣ и Сибирская страна“ [2]).

Во время этого пути, какъ разсказываетъ пѣсня, записанная Киршею Даниловымъ [3]), именно приплывъ въ „Мяденски юрты,“

---

[1]) Лѣтопись Сибирская, содержащая повѣствованіе о взятіи Сибирскія земли Русскими, при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ; съ краткимъ изложеніемъ предшествовавшихъ оному событій. Спб. 1821 г. стр. 18.

[2]) Любопытно въ пѣснѣ приведеніе *рѣки* Епанчи,—тогда какъ это ничто иное, какъ имя живщаго въ Сибири, во время Ермака, князя Япанчи; его „острогъ,“ называвшійся сперва Епанчинымъ, а потомъ возведенный на степень города и названный Туринскомъ, стоялъ при рѣкѣ *Турѣ*, отчего, вѣроятно, пѣсня, превративъ этого князя въ рѣку, помѣстила эту послѣднюю тотчасъ-же въ слѣдъ за тою, на которой онъ дѣйствительно жилъ. (См. списокъ съ чертежа Сибирскія Земли, во Временникѣ И. М. О. И. и Др. Рос. 1849 г. кн. III,—1-е примѣчаніе къ означенной статьѣ).

[3]) Древн. Рос. Стих. стр. 116.

Ермакъ съ товарищами полонили „небольшаго князька,“ чтобы онъ показалъ имъ путь по Тоболь-рѣкѣ. Карамзинъ сообщаетъ, что „опустошивъ улусы и селенія внизъ по Турѣ, атаманы на устьѣ Тавды взяли въ плѣнъ Кучюмова сановника, Таузака, который, искренностью спасая жизнь, сообщилъ имъ всѣ нужныя для нихъ свѣдѣнія о землѣ своей“ [1]).

б) *Повинная царю.* Эта подробность въ пѣснѣ передается не согласно съ исторіею. Извѣстно, что не самъ Ермакъ поѣхалъ въ Москву поклониться Ивану царствомъ сибирскимъ, а одинъ изъ атамановъ его—Иванъ Кольцо [2]). Но есть въ пѣснѣ объ этомъ пріѣздѣ двѣ частности, находящія себѣ полное оправданіе въ исторіи; одна не такъ важна, другая гораздо характеристичнѣе. Когда царь хочетъ наградить Ермака золотомъ и серебромъ, тотъ отказывается отъ этихъ подарковъ, но самъ предлагаетъ отъ себя „куницъ-соболей;“ и Иванъ Васильевичъ „польстился, взялъ куницъ-соболей“ [3]). У Карамзина находится свидѣтельство именно объ этихъ подаркахъ [4]); въ Сибирской Лѣтописи тоже встрѣчаемъ, хотя относящееся къ болѣе позднему времени, (когда изъ Москвы были посланы въ Сибирь воеводы Ивана, Семенъ Болховской и Иванъ Глуховъ),—что „атаманы и казаки Государевыхъ воеводъ одариша дрогими собольми, и лисицами, и всякою мягкою рухлядью“ [5]).—Другая частность состоитъ въ томъ, что по пѣснѣ, какъ уже указано нами выше (стр. 43, примѣчаніе), Иванъ говорилъ

---

[1]) Ист. Гос. Рос. Т. IX, 227.

[2]) Ibid. 234.

[3]) Рыбн. II, 231.

[4]) Ист. Гос. Рос. IX, 236,

[5]) Сибирская Лѣтопись; стр. 38.

своимъ боярамъ о Ермакѣ, какъ о „сибирскомъ царѣ;“ вотъ эти слова:

„Появился къ намъ Сибирскій царь,
Сибирскій царь Ермакъ Тимоѳеевичъ!“

Подробность эта находится въ тѣсной связи съ историческимъ свидѣтельствомъ, что Иванъ назвалъ Ермака *Княземъ Сибирскимъ*: „а къ Ермаку повелѣ Государь написати не Атаманомъ, но *Княземъ Сибирскимъ*“ [1]).

в) *Смерть Ермака.* Мы уже знаемъ, какъ она описана въ пѣснѣ. Лѣтописное же свидѣтельство слѣдующее: „Царь Кучумъ подсмотри ихъ (казаковъ) и разосла многихъ татаръ, и повелѣ твердо стрещи; тое же нощи бысть дождь великъ, поганіи же, аки ехидна, дышуще на Ермака съ дружиною, и мечи свои готовляху на отомщеніе, уповаху наслѣдити, конецъ желаемаго своего дѣла возхотѣша учинити: время же бѣ наста яко въ полунощи, Ермакъ же съ дружиною спаху въ станѣхъ въ полагахъ, поганіи же яко неистово дышуще готовляшеся на пролитіе крови, и разумѣша, яко время есть уже хотѣніе свое исполнити, и скоро оружіе свое извлекоша, и на станъ ихъ нападаютъ, и обнаженными мечи погубляютъ ихъ, и тако ту вси избіени быша, единъ только утече; а *велеумный и храбрый риторъ Ермакъ убіенъ бысть.* Послѣди же нѣцы *глаголютъ отъ языкъ* о томъ, яко возпрянувъ ту храбрый вашъ (нашъ?) воинъ и Ермакъ отъ сна своего, и видѣ дружину свою отъ насъ побиваемыхъ, и никоея надежды можно имѣти ему животу своему, понеже бо въ дали разстояніе, и *туто ввержеся въ рѣку и утопе*“ [2]). Это послѣднее извѣстіе сообщено и Тобольскою

---

[1]) Ист. Гос. Рос. т. IX, прим. 709.

[2]) Сибирская Лѣтопись, стр. 57.

лѣтописью [1]; на ней, конечно, основался и Карамзинъ въ своемъ разсказѣ о смерти Ермака [2]). Пѣсня, сохранивъ основную подробность—что Ермакъ утонулъ, какъ будто не хотѣла показать его бѣглецомъ отъ опасности—и сочинила другую обстановку, нисколько, однако, въ основѣ не нарушающую исторической вѣрности.

II. **Марья Темрюковна, жена Ивана.** Такъ она называется и въ лѣтописяхъ. „Ивану сказали - говоритъ Карамзинъ, ссылаясь на продолженіе Царственной Книги и на Новгородскаго Лѣтописца—что одинъ изъ знатнѣйшихъ *черкесскихъ* владѣтелей [3]), Темгрюкъ, имѣетъ прелестную дочь: царь хотѣлъ видѣть ее въ Москвѣ, полюбилъ и велѣлъ учить Закону. Митрополитъ былъ ея воспріемникомъ отъ купели, давъ ей христіанское имя Маріи" [4]). Мы видѣли выше, что царица Софья Романовна, умирая, завѣщаетъ Ивану не жениться ни въ проклятой *Литвѣ*, ни на супавѣ *татарской*, при чемъ эта *татарская* земля въ иныхъ пересказахъ замѣняется *черкесской*. Это сопоставленіе происходитъ не только изъ смѣшенія въ представленіи народа враждебныхъ земель вообще—(что́, какъ извѣстно, встрѣчается въ нашихъ пѣсняхъ весьма часто)—но имѣетъ въ данномъ случаѣ и историческое основаніе. Иванъ сначала (послѣ смерти Настасьи Романовны) хотѣлъ жениться именно въ Литвѣ-на сестрѣ Сигизмунда, и, потерпѣвъ неудачу, обратился въ другія земли—азіатскія [5]). Исторически-вѣрна въ пѣснѣ и женитьба на

---

[1]) Сибирск. Лѣтопись примѣч. 13.

[2]) Ист. Гос. Рос. IX, 240.

[3]) Въ пѣснѣ, какъ мы видѣли, она тоже черкешенка.

[4]) Ист. Гос. Рос. IX, 20.

[5]) Ист. Гос. Рос. IX, 19, 20.

Марьѣ послѣ смерти Настасьи Романовны,—съ тою только разницей, что вмѣсто имени Настасьи-Софья.

О чародѣйскихъ свойствахъ Марьи Темрюковны мы уже говорили, при чемъ замѣтили, что такое изображеніе ея, помимо древне-миѳической основы, имѣетъ и чисто-историческое основаніе. Карамзинъ приводитъ свидѣтельство одной современной исторической рукописи, въ которой эта царица названа „на злыя дѣла подущая" и отъ себя замѣчаетъ, что она, „дикая нравомъ, жестокая душою, еще болѣе утверждала Іоанна въ злыхъ склонностяхъ" [1]). При такихъ свойствахъ, приписать ей свойства колдуньи, „лихой женщины", было весьма нетрудно въ то время, когда колдовство считалось вполнѣ возможнымъ и даже дѣйствительно существующимъ: „Того же мѣсяца 26—разсказываетъ лѣтопись—въ недѣлю на пятый день послѣ великого пожару, Бояря пріѣхаша къ пречистой къ соборной на площадь; и собраша черныхъ людей и начаша выпрошати, кто зажигалъ Москву? Они же начаша глаголяти, яко княгиня Анна Глинская съ своими дѣтьми и съ людьми *волхвовала; вымала сердца человѣческія, да клала въ воду; да тою водою ѣздячи по Москвѣ, да кропила, и отъ того Москва выгорѣла*" [2]). Стоглавъ заключаетъ въ себѣ постановленія противъ волхвованій, колдовства и т. п.

III. **Никита Романовичъ.** Въ лѣтописяхъ имя его почти не упоминается; по крайней мѣрѣ, онъ не играетъ въ событіяхъ никакой, особо выдающейся, роли. Въ пѣсняхъ, какъ мы видѣли, онъ любимый народный герой. Такимъ образомъ, пѣсня дополняетъ лѣтопись, сообщая ей указаніе на характеръ Никиты и на популяр-

---

1) Ист. Гос. Рос. IX, 26 и примѣчан. 82.

2) Царствен. Книга. стр. 142.

ность, которою онъ пользовался [1]). Пѣсни о немъ, по отношенію къ исторической вѣрности, представляютъ одну подробность. Иванъ, какъ мы видѣли, жалуетъ его *тарханною грамотою*, благодаря которой даваемое Никитѣ село пріобрѣтаетъ льготы—спасеніе всѣхъ, уходящихъ въ него. Здѣсь пѣсня только въ частностяхъ разошлась съ исторіею, сохранивъ сходство въ основаніи. Тарханныя или льготныя грамоты на самомъ дѣлѣ освобождали имѣнія отъ податей, дѣлали эти имѣнія *льготными жительствами* [2]); народное творчество, создавъ тоже *льготное жительство*, только увеличило число льготъ, сообразно характеру, который оно придавало своему любимому герою.

IV. **Малюта Скуратовъ.** Пѣсня изображаетъ его палачемъ и, какъ мы видѣли, дѣлаетъ имя его даже нарицательнымъ, замѣняя имъ именно слово *палачъ*. Тутъ дѣйствовало не простое сближеніе въ силу свирѣпости нрава Малюты, но и болѣе близкое историческое основаніе. Малюта въ исторіи является не только жестокимъ, гнусно-безпощаднымъ человѣкомъ, но и личностью, *казнящею собственными руками*: Иванъ посылаетъ его въ келью митрополита Филиппа, чтобы казнить несчастнаго старца,—и Малюта удушаетъ святителя; въ 1570 г., во время московскихъ казней, онъ,

---

[1]) Замѣчательно, что *только* о немъ и Малютѣ Скуратовѣ говорится въ пѣсняхъ подробно: олицетворенное добро какъ бы сопоставляется съ олицетвореннымъ зломъ. О другихъ боярахъ собственно времени Ивана Грознаго ничего не говорится,—даже имена не вспоминаются; только разъ—имя Годуновыхъ. Есть еще какой-то бояринъ *Богданъ Сирскій*, близкій человѣкъ къ царю, его „дядюшка"; кто подразумѣвался здѣсь—рѣшить не можемъ; не Богданъ—ли Бѣльскій?

[2]) Ист. Гос. Рос. X, 120.

„предводитель палачей, разсѣкалъ топорами мертвыя тѣла, которыя цѣлую недѣлю лежали безъ погребенія" [1]).

V. Объ историческомъ значеніи **Кастрюка** (по исторіи Михаила) мы упоминали выше (стр. 64).

VI. **Осада Казани**. Исторически-вѣрно описаніе взрыва города, за исключеніемъ подробности о пушкаряхъ [2]). Нѣсколько десятковъ лѣтъ приготовленій къ осадѣ въ пѣснѣ соотвѣтствуетъ въ исторіи нѣсколькимъ походамъ къ Казань, предварительно взятія ея. Ужасы и тягости войны, описанныя въ лѣтописяхъ подробно, превосходно выражены въ тѣхъ пѣсняхъ, которыя сложились уже послѣ, какъ воспоминаніе о ней, и въ которыхъ основной мотивъ такой:

„Казань—городъ на костяхъ стоитъ,
Казаночка—рѣка кровава течетъ,
Мелки, ключики—горючи слезы,
По лугамъ—лугамъ все волосы,
По крутымъ горамъ все головы,
Молодецкія, все стрѣлецкія."

(Кирѣевск. VI, 12).

VII. **Казни и наказанія**. Пѣсни говорятъ о выкапываніи глазъ, вырѣзываніи языка, вѣшаніи, выниманіи сердца съ печенью, сдираніи кожи, зашиваніи въ медвѣжьи шкуры, вареньи въ котлѣ, сажаніи на колъ. Нѣкоторыя изъ этихъ казней (вытаскиваніе языка, выкапываніе глазъ) встрѣчаются, какъ мы видѣли, и въ былинахъ, но въ пѣсни объ Иванѣ Грозномъ онѣ зашли не только по этому сродству; историческое основаніе какъ ихъ, такъ и нѣкоторыхъ

---

1) Ист. Гос. Рос. IX, 95.

2) См. это же описаніе въ Никоновской Лѣтописи, стр. 175.

другихъ, тутъ несомнѣнное. Мы приведемъ только единичные примѣры.

Михаилъ Темрюковичъ, шуринъ царя, былъ *посаженъ на колъ* [1]); новгородскій архіепископъ Леонидъ — *зашитъ въ медвѣжью шкуру и затравленъ собаками* [2]); въ 1546 г. „велѣлъ великій князь казнити Аѳанасья Буторлина, *урѣзаша языка ему* у тюремъ за его вину“ [3]).

Такимъ образомъ, народная фантазія прибавила, можетъ быть, такія казни, которыя въ дѣйствительности не существовали,—прибавила по аналогіи, находящей себѣ полное оправданіе въ этой же дѣйствительности; но за то, сколько другихъ не записала пѣсня! Стоитъ припомнить казни Новгородскія.

Правежъ описывается въ пѣснѣ согласно съ дѣйствительностью. Въ дѣйствительности онъ состоялъ въ томъ, что *приставъ* выводилъ должника разутаго на улицу и сѣкъ его по голой ногѣ прутомъ [4]). Въ пѣснѣ тоже бьютъ *цѣловальники*, т. е. тѣже пристава;—молодецъ, котораго бьютъ, тоже нагъ и босъ [5]);—орудіе —тоже прутья желѣзные [6]). Преступленіе, за которое въ пѣснѣ производится это наказаніе, состоитъ, какъ мы видѣли, въ расхищеніи, отнятіи чужаго имущества; въ дѣйствительности, правежъ производился не только за неплатежъ долговъ, но и за воровство: „Судебникъ,“ говоря о татяхъ, между прочимъ, опредѣляетъ: „А не

---

1) Ист. Гос. Рос. IX, 110.

2) Ibid. 158.

3) Русская Лѣтопись по Никонову Списку. Спб. 1791 г. Ч. VII, стр. 45.

4) Ист. Гос. Рос. IX, 267.

5) Кирѣевск. VI, 194.

6) Кирѣевск. VIII, 33.

будетъ у котораго татя столько статка, чемъ искъ заплатити; ино его бивъ кнутьемъ, да исцу въ его гибели выдати головою на *правежъ* до искупа" [1]). Правда, что преступленіе, выводимое на сцену въ пѣснѣ, не есть собственно—„татьба;" но существенныя черты обоихъ преступленій одинаковы, и потому историческая основа въ пѣсняхъ о правежѣ не можетъ считаться нарушенною.

Къ числу наказаній слѣдуетъ присоединить и *пришиванье ноги къ землѣ*, о которомъ мы уже говорили. Подробность не выдуманная. Курбскій послалъ къ Ивану обличительное письмо черезъ своего слугу, Василья Шибанова: „Царь, ярости исполнився, призва холопа того близь себе, и *осномъ своимъ удари въ ногу его, и пробивъ ногу, и ляже на посохъ свой*, и повелѣ листъ прочитати" [2]). Коллинсъ въ своемъ сочиненіи „Нынѣшнее состояніе Россіи," тоже разсказываетъ: „У него (Ивана) былъ жезлъ съ острымъ наконечникомъ, который онъ иногда, во время разговора, вонзалъ своимъ Боярамъ въ ногу" [3]).

Почти всѣ исторически — вѣрныя данныя обставлены въ пѣснѣ такими подробностями, которыя суть ничто иное, какъ продукты фантазіи; но иначе творчество было бы не творчествомъ, а простымъ лѣтописнымъ пересказомъ. Для насъ, напримѣръ, не особенно важно то, что на казнь Иванъ Грозный обрекаетъ въ пѣснѣ не царевича Ивана, какъ было на самомъ дѣлѣ, а царевича Θедоръ,—и не то, что развязка этого событія, вопреки историческому факту, счастливая; гораздо больше значенія должны мы придавать

---

1) Судебникъ Ц. и В. Кн. Ивана Васильевича. Спб. 1768 г. стр. 58.

2) Ист. Гос. Рос. IX, прим. 108.

3) Чт. въ И. О. И. и Др. Рос. 1846 г. № I, стр. 14.

тому обстоятельству, что историческій фактъ убійства сына отпечатлѣлся въ памяти и сознаніи народа; а ужъ какъ онъ его переработалъ въ своемъ творчествѣ—это другое дѣло. Точно также, напримѣръ, въ пѣснѣ о взятіи Казани не особенно важно то, что Едигеръ уже до крещенья названъ Симеономъ, что креститъ Иванъ не его, а какую то Елену, а его самаго казнитъ; важно воспринатіе народнымъ творчествомъ самаго факта крещенія.

Групируя подробности пѣсень, относящихся ко времени Ивана Грознаго, въ одно общее цѣлое, мы на первомъ планѣ ставимъ вопросъ: какъ отнесся народъ къ самой личности царя, какъ отпечатлѣлась въ народномъ творчествѣ эта, во всякомъ случаѣ необыкновенная, фигура.

Прежде всего, Иванъ для народа—единодержавный царь, т. е. олицетвореніе того начала, которое связуетъ въ одно неразрывное цѣлое всѣ составныя части русской народности, всѣхъ отдѣльныхъ членовъ ея. На высокое мѣсто, отводимое народнымъ творчествомъ монархическому началу, указалъ уже г. Костомаровъ, приведя нѣсколько, наиболѣе характеристичныхъ, подробностей изъ историческихъ и другаго рода пѣсень [1]), Въ силу того самаго соображенія, которое дѣлаетъ царя представителемъ Бога на землѣ, народное творчество соединяетъ воцареніе Ивана Грознаго съ явленіями небесными; какъ эпитетъ Владиміра—красное солнышко,—(мы оставляемъ здѣсь въ сторонѣ миѳическое значеніе этого названія),—такъ Иванъ воцарился тогда,

---

[1]) Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи. стр. 193 — 196.

„Когда возсіяло на небѣ красное солнышко,
Когда становилася звѣзда подвосточная.“
(Рыбн. II, 212).

Это представленіе переносится и на дѣтей его. Служанка, возвѣщающая Настасьѣ Романовнѣ о предстоящей царевичу гибели, говоритъ:

„Померкло наше красное солнышко,
Потухла звѣзда подвосточная!“
(Ibid. 215).

„Понятіе о царѣ—замѣчаетъ г. Костомаровъ—было такъ высоко, что ему не смѣли ничего приписать худаго. Убійство сына Грознаго приписывается наущенію Малюты“ [1]).—Умереть за царя, считалось дѣломъ святымъ: мы приводили выше (стр. 28) то мѣсто пѣсни, гдѣ Никита говоритъ, что Богъ избавитъ отъ грѣховъ и вѣчной муки того, кто рѣшится пожертвовать жизнью за царя, (собственно въ этомъ случаѣ, за царевича, но основная мысль тутъ одна и таже); тамъ же мы видѣли стременнаго стрѣльца, безъ всякихъ колебаній рѣшающагося на такое самопожертвованіе. Знаменитые плачи по Иванѣ основаны прежде всего не на сочувствіи народа собственно къ *этому* царю, но къ царской власти вообще; такой же плачъ, только менѣе краснорѣчивый, менѣе поэтическій—(можетъ быть потому, что онъ сохранился не вполнѣ)—провожаетъ въ могилу Алексѣя Михайловича [2]); въ совершено одинаковыхъ выраженіяхъ воскресаетъ онъ, какъ мы видѣли, надъ гробомъ Петра Перваго.

---

1) Ibid. стр. 196.
2) Кирѣевск. VII, 45.

Но это все, такъ сказать, *общій* взглядъ, не примѣняющійся исключительно къ личности Ивана Грознаго; въ этомъ случаѣ Иванъ ничѣмъ не выдѣляется изъ ряда другихъ царей; о каждомъ изъ нихъ народъ поетъ и пѣлъ-бы совершенно въ такомъ-же тонѣ. Если позволяетъ себѣ народное творчество относиться къ царю несочувственно, даже враждебно, то въ томъ только случаѣ, когда этотъ государь или иноземнаго—да притомъ еще враждебной, по исторической традиціи, земли,—происхожденія, или не признается законнымъ государемъ въ слѣдствіе разныхъ историческихъ обстоятельствъ. Борисъ Годуновъ называется въ пѣснѣ коршуномъ; она говоритъ о немъ, что

„—этотъ Годунъ всѣхъ бояръ надулъ,
Ужъ и вздумалъ полоумный Россеюшкой управлять."
(Кирѣевск. VII, 2).

Съ Самозванцемъ пѣсня церемонится, конечно, еще меньше.

Что касается до отношенія народа къ Ивану не как къ царю *вообще*, а какъ къ царю Ивану Васильевичу—спеціально, то народъ тѣсно связываетъ его имя съ развитіемъ московскаго государства; это послѣднее только при немъ является во всемъ своемъ величіи [1]); Москва „*основалася* и съ тѣхъ поръ *пошла великая слава*," когда *воцарился князь* [2]), т. е., когда мѣсто великаго князя занялъ

---

[1]) Мы дѣлаемъ, конечно, эти выводы только на основаніи тѣхъ пѣсенъ, которыя сохранились въ устахъ народа и дошли до насъ; очень можетъ быть, что съ открытіемъ новыхъ матеріаловъ, многіе изъ этихъ взглядовъ измѣнились бы и народная характеристика Ивана въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оказалась бы только *повтореніемъ* или *продолженіемъ* характеристики другихъ московскихъ государей.

[2]) Древн. Рос. Стих. стр. 287.

царь всея Руси;—„начало" самаго Ивана во многихъ пѣсняхъ тѣсно связывается съ началомъ Москвы; весьма часто читаемъ: „при зачинѣ каменной Москвы зачинался тутъ и Грозный царь," и т. п. выраженія.

Этому вгляду, конечно, весьма много способствовало торжественное вѣнчаніе Ивана на царство,—вѣнчаніе, которое занимаетъ столько страницъ въ лѣтописи и которое, какъ мы видѣли, запечатлѣлось въ народномъ творчествѣ съ исторической вѣрностью: мы говоримъ о „вывозѣ порфиры изъ Царя-Града," который есть ничто иное, какъ возложеніе на Ивана вѣнца и бармъ Владиміра Мономаха. Для народа, въ которомъ историческое пониманіе смысла событій было развито уже въ значительной степени, такое превращеніе великаго княжества московскаго въ царство всероссійское не могло не имѣть обаятельнаго значенія; долго и далеко разносилось оно силою народной поэзіи, до такой степени долго и далеко, что порфира превратилась въ Перфила, Царь-Градъ заступили Новгородъ, Казань и т. п.,—но смыслъ остался тотъ-же: Иванъ продолжалъ жить въ народномъ представленіи царемъ всея Руси, завершителемъ московскаго княжескаго періода.

Изъ свойствъ его, какъ правителя, пѣсня указываетъ на *проницательность*, называя его „прозрителемъ",—*заботливость* объ охраненіи интересовъ государства—онъ „содержатель всей Руси и сберегатель каменной Москвы",—*религіозность*, выраженную въ словахъ „пресвитеръ-царь",—*храбрость*, рисуемую въ предводительствованіи его войсками подъ стѣнами Казани, походѣ къ Серпухову и т. п.,—*справедливость:* онъ „за правду милуетъ, за неправду вѣшаетъ."

Всѣ эти свойства находятся въ тѣсной связи съ представленіемъ народнымъ о монархической власти вообще. Другое дѣло, когда рѣчь заходитъ объ Иванѣ, какъ о человѣкѣ; тутъ творчеству пре-

жде всего бросается въ глаза то, что выдѣляетъ Ивана самымъ рѣзкимъ образомъ изъ ряда всѣхъ другихъ царственныхъ личностей,—его безпощадная жестокость. „Онъ крутъ добрѣ“—говоритъ народъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ указываетъ на его казни; какъ относится онъ къ этимъ казнямъ—другой вопросъ, но онѣ вѣчно стоятъ передъ нимъ; онъ относитъ ихъ не только къ ненавистнымъ ему боярамъ, но и къ простымъ солдатамъ—пушкарямъ; чуть кто провинился передъ Иваномъ, или ему кажется, что провинился, такъ и ждите, что вы услышите приказаніе „казнить-вѣшать.“ Помилованія не знаетъ царь; если Θедоръ не казненъ, то это произошло совсѣмъ не по желанію или раскаянію Ивана; раскаяніе его вообще—не практическое, не примѣнимое на дѣлѣ, другими словами, не останавливающее уготованнаго злодѣянія,—а, такъ сказать, теоретическое, состоящее только въ служеніи панихидъ, сокрушеніи о своихъ грѣхахъ,—дѣйствительно—историческая черта, которую превосходно подмѣтило и воспроизвело народное творчество. Припомнимъ печаль Ивана послѣ мнимой казни Θедора.

Одно только свѣтлое чувство выразила пѣсня въ Иванѣ; разъ только онъ является человѣкомъ съ добрыми, человѣческими побужденіями—когда узнаетъ, что сынъ его не погибъ. Но тутъ на сценѣ уже не человѣкъ вообще, а спеціально-отецъ; стало быть, случай совершенно исключительный. Да и здѣсь, въ одномъ пересказѣ, который мы приводили выше, народное творчество не можетъ удержаться, чтобъ не указать на свирѣпость Ивана; „собакѣ собачья смерть“, говоритъ онъ, когда ему приносятъ голову сына.

Коллинсъ въ своемъ вышеупомянутомъ сочиненіи, говоритъ, что „Иванъ Васильевичъ былъ любимъ народомъ, потому что съ нимъ обходился хорошо“ [1]). Любовь эта, дѣйствительно, вырази-

---

[1]) Чтенія въ И. О. И. и Д. Р. 1846 г. № I. стр. 14.

лась въ нѣсколькихъ сказкахъ, но замѣчательно, что въ пѣсняхъ нѣтъ почти ни одного факта, указывающаго на это „хорошее обхожденіе" на близкую связь царя съ народомъ. Въ пѣснѣ о Кастрюкѣ онъ, правда, говоритъ:

„Не то—то намъ дорого,
Что татаринъ похваляется,
А то—то намъ дорого,
Что русакъ—насмѣхается (или потѣшается)", —

но мы скорѣе готовы согласиться съ г. Буслаевымъ, находящимъ въ этихъ стихахъ иронію надъ татарами, выражавшую постепенное освобожденіе изъ подъ татарскаго ига [1]), чѣмъ усматривать въ нихъ указаніе на близкую связь съ народомъ, — такъ какъ и вся пѣсня о единоборствѣ Кастрюка есть ничто иное, какъ позднѣйшій отголосокъ пѣсень о татарщинѣ. Намъ укажутъ, можетъ быть, на прощеніе царя въ пѣсняхъ о правежѣ; фактъ, правда, характеристичный, но не теряетъ-ли онъ своего значенія, когда мы сообразимъ, что наказаніе, послѣ котораго слѣдуетъ это прощеніе, установлено самимъ-же царемъ, по его закону?

Пѣсня—не изслѣдованіе, раскрывающее смыслъ того или другаго событія; она ко всему относится объективно и, стало быть, для насъ важно знать, *къ чему* она относится. Если она поетъ о казняхъ новгородскихъ, о народѣ, стоящемъ на правежѣ, о вѣшаніи солдатъ за то, что у нихъ свѣчи тихо горятъ, о буйствѣ опричниковъ - то, конечно, поступаетъ такъ потому, что все это тяжело лежало на сердцѣ народа. Не даромъ въ вышеприведенномъ стихѣ пѣсни, время Ивана называется „злыми годами", въ которые онъ „и *за правду—за неправду* дѣлалъ казни лютыя." Есть-ли,

---

[1]) Историч. очерки, т. I, 544.

послѣ этого, какая нибудь возможность утверждать, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, что народу жилось легко и что только на бояръ обрушивалась жестокость Ивана? Весьма характеристичны въ этомъ отношеніи и совѣты, которые даетъ Ивану умирающая Софья Романовна: она завѣщаетъ ему не быть „ярымъ", а быть „милостивымъ" и, въ число тѣхъ, къ кому онъ долженъ стать въ такія отношенія, помѣщаетъ „солдатушекъ служащіихъ" и „весь народъ православный." Человѣку, который ва самомъ дѣлѣ не считался „ярымъ", пѣсня не сочла бы нужнымъ давать такіе совѣты.

Указанія въ пѣсняхъ на нѣкоторыя свѣтлыя стороны характера Ивана, рядомъ съ множествомъ темныхъ, объясняется, по нашему мнѣнію, временемъ, въ которое слагались эти пѣсни: однѣ составлялись въ первую, свѣтлую половину его царствованія, другія—въ слѣдующую, темную. Опредѣлительное указаніе на это мы находимъ въ пѣснѣ, на которую мы указывали выше, и которая говоритъ именно о двухъ половинахъ Иванова царствованія, о двойственномъ характерѣ его. (стр. 52).

Указывая на разницу между Петровскими и Ивановскими пѣснями, мы замѣтили, что къ казнямъ бояръ народъ относится съ нѣкоторымъ злорадствомъ. Оно, дѣйствительно, высказывается въ тонѣ, съ которымъ упоминается объ этомъ предметѣ. Ненависть къ боярамъ проявляется въ этихъ пѣсняхъ, кромѣ того, и въ другихъ случаяхъ, которые мы приводили: совѣтъ повѣсить Ермака даютъ бояре, палачемъ царевича является бояринъ, доносчиками на царевича видимъ, между прочимъ, и бояръ Годуновыхъ. Въ этой ненависти обнаруживается во всей силѣ демократическій элементъ, проникающій пѣсни объ Иванѣ Грозномъ; онъ же выражается и во многихъ другихъ подробностяхъ, приводившихся нами въ подлежащихъ мѣстахъ и повторять которыя мы считаемъ лишнимъ.

Мы не ошибемся, кажется, если скажемъ въ окончательномъ выводѣ что: 1) характеръ пѣсень объ Иванѣ Грозномъ—монархически-демократическій; 2) что личность самаго Ивана нашла себѣ въ этихъ пѣсняхъ сочувствіе на столько, на сколько народъ видѣлъ въ немъ *царя* въ общемъ значеніи, безъ примѣненія собственно къ нему; 2) что пѣсни эти представляютъ опредѣлительно не только внѣшнюю, чисто-фактическую, но и внутреннюю сторону Иванова царствованія; 4) что въ этомъ отношеніи онѣ рѣзко отличаются отъ всѣхъ пѣсень послѣдующаго времени, носящихъ на себѣ, характеръ по преимуществу солдатскій.

3 2044 014 096 820

